

Per. A-1169

-269

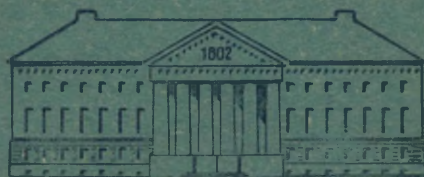

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIHK 269 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIV

TARTU 1970

Рец. А-169
-209

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 269 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIV

Редакционная коллегия:

Р. Н. Блум, А. И. Горячева, М. Г. Макаров, Я. К. Ребане, Л. Н. Столович
(ответственный редактор)

R

57886

В. И. ЛЕНИН ОБ АКТИВНОСТИ СОЗНАНИЯ

М. Г. Макаров

К достижениям марксистско-ленинской мысли, великим вкладам ее в развитие философии относится материалистическое понимание действенной природы сознания. Через него проходит грань, отделяющая диалектический материализм от всех предшествовавших ему форм материалистической философии. Как известно, философия до Маркса не была в состоянии связать воедино отражательную природу сознания с его творческой активностью. Метафизический материализм имел тенденцию понимать отражение как бездейственное созерцание. Сознание для него — пассивный приемник воздействий внешних объектов. Идеализм же подчеркивал активную сторону сознания, превращая на этой основе его в творца действительности. При этом он использовал ограниченность понимания «отражения» материализмом, как «рабского подчинения представления объективному»¹, логически исключавшего творческое воздействие сознания на объективный мир. Материалистическое решение проблемы активности дал только марксизм, вскрыв роль практики в познании. Связав, на основе исторического материализма, познание с материальным процессом развития общества, Маркс и Энгельс раскрыли в общественно-производственной деятельности основу творческой активности познания и сознания вообще. Наиболее ценное из того нового, что внес в теорию сознания и гносеологию марксизма В. И. Ленин, относится в первую очередь именно к указанной проблеме «активных сил», которые «следует вырвать у идеализма, чтобы ввести их тоже в материалистическую систему.»²

В марксистско-ленинской концепции активности сливаются диалектика, теория отражения, материалистическое понимание

¹ Шеллинг, Система трансцендентального идеализма, Л., 1936, стр. 21.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 105. (Дальше мы ссылаемся только на данное издание сочинений В. И. Ленина, ограничиваясь указанием тома и страницы.)

истории, учение о сущности человека. Она цементирует в силу этого здание марксистско-ленинского мировоззрения, неразрывно связывает между собой расходящиеся в ходе усиливающейся дифференциации и специализации знаний различные стороны и применения философии, в которой, «вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не впадая в объятия буржуазно-реакционной лжи.»³

Защищая общее положение всего материализма о том, что сознание вообще отражает бытие, В. И. Ленин решительно возражал против понимания отражения действительности в сознании как «непосредственного, зеркально-мертвого акта»⁴, «в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения . . .»⁵ Последнему он противопоставил концепцию сознания как преобразующей действительность, творческой деятельности.

Развиваемая в процессе познания активная деятельность возможна и имеет смысл только при различии субъективного и объективного. Их конечное совпадение есть результат не одностороннего воздействия объекта на субъект, а взаимодействия обоих. Поэтому отражение нельзя понимать в виде простого воспроизведения в идеальном образе свойств и отношений объекта, полностью исключая субъективный момент. В. И. Ленин указывает на субъективность формы нашего отражения действительности.

В связи с тем, что в литературе у нас до сих пор еще можно встретить утверждения, будто ощущения белого, соленого и т. д. отвечают чему-то во внешнем мире, что само по себе есть белое, соленое и т. д. (хотя естествознание решительно не признает существования таких «качеств в себе»), и это выдается за ленинское понимание отражения, позволим себе процитировать следующие выдержки из «Материализма и эмпириокритицизма»: «Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. . . Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него.»⁶ В. И. Ленин приводит, разделяя их, следующие мысли Л. Фейербаха: «. . . Мой вкусовой нерв такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее, — чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве пред-

³ В. И. Ленин, т. 18, стр. 346.

⁴ В. И. Ленин, т. 29, стр. 330.

⁵ Там же, стр. 176—177.

⁶ В. И. Ленин, т. 18, стр. 50.

мета ощущения, она была также сама по себе (an sich), — чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения (des ohne Empfindung gedachten Salzes)...»⁷ Аналогичные утверждения можно найти и в ряде других мест книги В. И. Ленина.⁸

Не будем останавливаться на современных представлениях об активной роли анализаторов и самих рецепторов в формировании ощущений, на том, например, что глаз действует и как некий отборочный фильтр, как устройство предварительной обработки информации, выбирающее из входных сигналов только определенные, заданные его внутренним строением, что на форму и развитие ощущений глубокое влияние оказывает культурно-исторический фактор и т. д. Эти данные находятся в полном соответствии с ленинским пониманием познавательного содержания ощущений, делая однако упрощение этого понимания в наше время совершенно нетерпимым.

Субъективный момент присущ также мышлению и его формам. Категории выражают наиболее общие закономерности не только внешней природы, но и самого человека.⁹ Будучи переходящими, относительными и условными,¹⁰ они лишь в некотором приближении отражают свои бесконечно более сложные и многообразные прототипы в материальной действительности, неизбежно огрубляя и омертвляя их.¹¹

Субъективная сторона познавательного отражения не сводится к связанной с трансформацией объекта в содержание сознания печати особенностей субъекта, ограниченности, условности, к моментам необъективного. Субъективная сторона означает также уже упоминавшуюся избирательность. В. И. Ленин связывает адекватность отражения внешнего мира в ощущениях организма с необходимостью обмена веществ между последним и средой, приспособления к среде.¹² Отношение целесообразного приспособления, пользы или вреда характерно только для живых систем. В связи с этим избирательность является общей чертой живого, и органическое приспособление содержит всегда оценочный момент.¹³ У человека как члена общества и личности с его принципиально новой формой активности избирательное отношение оценки принимает новую форму и новое содержание. Оно пронизывает все ступени отражения действительности в сознании. Явления окружающего мира обладают бесконечным числом качеств, свойств, связей, отношений. Эти стороны явлений

⁷ В. И. Ленин, т. 18, стр. 119.

⁸ Там же, стр. 213, 320.

⁹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 83.

¹⁰ Там же, стр. 189.

¹¹ Там же, стр. 233.

¹² В. И. Ленин, т. 18, стр. 38, 185.

¹³ См. L. Plate, Die Abstammungslehre, Jena, 1925, S. 103.

имеют различную ценность, значение в той или иной познавательно-практической ситуации. Поэтому «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.»¹⁴ При познании явлений, имеющих определенное социальное значение, и выработке к ним отношения это требует «прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы.»¹⁵

Особенное внимание В. И. Ленин уделяет стороне активной познавательной деятельности, заключающейся в проникновении во все более глубокие сущности вещей путем переработки данных об объекте в мышлении. Это — процесс воссоздания объекта в сознании, движения от субъекта к объекту, в котором роль преподавателей, основных шагов, ступеней, конструктивных узлов играют категории.¹⁶ Конструктивно-операциональная природа творческой деятельности мышления базируется на отражательном характере его аппарата. Структуры или формы мышления, категории и логические законы являются своеобразным отражением связей объективного мира. Последние включают как существенные связи природы, так и практики как особой формы объективного процесса. При этом существенные отношения практики соответствуют, конечно, в целом закономерным связям природы. Формы логики, общие операции и приемы мышления возникли как кристаллизация наиболее общих и существенных практических операций.¹⁸ Поскольку эти операции соответствуют используемым в них закономерностям природы, фиксация их в сознании отражает и общие связи материального мира вообще. Именно так в первую очередь раскрывается уже приводившаяся мысль Ленина о том, что категории выражают закономерности не только внешней природы, но и человека.

Отнесение практики к отражаемому в сознании человека объективному миру не есть простая добавка к объектам познания еще одного, стоящего с ними в одном ряду (в некоторых случаях те или иные виды практики могут, конечно, выступать как объекты изучения, практика же в целом, ее макроструктура, условия ее оптимальной организации вообще становятся в настоящее время предметом изучения особой дисциплины — праксеологии). Различными путями практика опосредствует собой, в конечном счете, любое отражение человеком действительности, определяя выбор объекта, направление, форму, средства познания. Понимаемое таким образом отражение практики входит всегда в отражение всех природных явлений.

¹⁴ В. И. Ленин, т. 42, стр. 290.

¹⁵ В. И. Ленин, т. 1, стр. 419.

¹⁶ В. И. Ленин, т. 29, стр. 301.

¹⁷ Там же, стр. 170.

¹⁸ Там же, стр. 172, 198.

Практику, в ее динамике, отражает в общем и целом движение и развитие понятий. Развитие познания, как известно, далеко не всегда можно рассматривать как отражение движения самих предметов. Так, например, нелепо было бы пытаться объяснить развитие атомистических представлений от атомов Демокрита с их неделимостью до концепций современной физики в качестве отражения эволюции самого вещества. Развитие этих представлений отражало, в конечном счете, через сложный ряд опосредствующих звеньев, развитие общественной практики — производительных сил, техники промышленного производства, приборов и техники эксперимента.

В ее широком понимании практика охватывает в марксизме предельную деятельность людей во всех ее разветвлениях, образующую и изменяющую общественное бытие. Последнее, поскольку оно рассматривается со стороны его порождения деятельностью преследующего свои цели человека (и в той части, в которой оно может так рассматриваться), и есть практика, а общественная жизнь является тем самым в своей сущности практической. Марксистское понятие практики является, таким образом, одновременно как центральной гносеологической категорией, так и социологическим понятием, категорией исторического материализма. «У Энгельса, — пишет В. И. Ленин, — вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания...»¹⁹ Гносеологическое рассмотрение отражения действительности в сознании перерастает в связи с этим в марксизме в рассмотрение социальных отношений и их развития. Вторжение общественно-исторической практики в теорию познания означает включение в гносеологию истории. Диалектическая интерпретация активности познания сливается на основе исторического материализма с материалистической теорией отражения. В. И. Ленин дополняет известное высказывание Маркса о том, что предшествовавший материализм рассматривал предмет познания в отрыве от материальной, практической деятельности, замечанием, что основной бедой метафизического материализма было неумение применить диалектику к теории отражения, к процессу, развитию познания.²⁰ Отражение действительности в сознании определяется не просто и только самим отражаемым объектом, его свойствами и данной практической ситуацией, но и всей предшествующей историей общества, его производственной, социальной, культурной жизнедеятельностью. «... История есть база, основа, бытие, за коим идет сознание».²¹ Активные силы познания отдельного человека раскрываются как отражение и продолжение силы материальной практической деятельности,

¹⁹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 198.

²⁰ В. И. Ленин, т. 29, стр. 322.

²¹ Там же, стр. 237.

преобразующей действительность, и реализация исторически аккумулированных потенций общественной системы, одним из множества функциональных элементов которой выступает данная личность.

В ходе исторического развития познания и при гибком комплексном применении всей системы категорий и других познавательных средств снимается и упоминавшийся выше момент необъективности и ограниченности, связанный с активностью субъекта в познании. Вся история познания представляет собой в этом плане преодоление и элиминацию понимаемого в данном значении «субъективного» элемента из содержания знания. В соответствии с законами диалектики, порождаемая активностью сознания необъективность в познании отрицается на более высоком уровне развития самой активности. Степень объективности отражения определяется характером и степенью активности переработки данных, уровнем активности отношения к объекту, развитием практики. Чем активнее деятельность сознания и выше ее уровень, тем, в общем и целом, объективнее отражение внешнего мира.

Активность познания в смысле духовной деятельности есть, как уже говорилось, функция его общественно-практической сущности. Игнорирование активной стороны при одностороннем изложении марксистского материализма логически связано с рассмотрением познания в плане преимущественно индивидуальном и со сведением роли практики к критерию истины, выступающему в конце процесса как внешний по отношению к познанию масштаб. В развиваемой В. И. Лениным концепции познания как социально-исторического процесса в него включается практика.

Согласно такому пониманию, познание в широком смысле общественного процесса представляет собой противоречивое взаимодействие материального и идеального, объекта и субъекта. Движение состоит в совпадении этих противоположностей, снятии односторонности субъективного и объективного. Данное совпадение складывается, в свою очередь, из двух взаимопроникающих процессов: «теоретического познания» (в широком значении термина, соответствующем его употреблению в классической философии и не совпадающем с тем значением, которое ему придается в современной логике научного познания), т. е. познания как производства идеальных отражений, и практической деятельности. «Теоретическое познание» и практика — две стороны и два метода «уничтожения «односторонности» и субъективности, и объективности.»²² В ходе «теоретического познания» субъект усваивает действительность, приобретая объективное содержание, объективную истину. Единство противополож-

²² В. И. Ленин, т. 29, стр. 190.

ностей устанавливается здесь на основе идеального и субъективного. Содержанием субъективного делается форма объективных вещей в ее идеальном бытии. В практике то же единство устанавливается уже на противоположной основе. Содержание субъективного превращается в объективную форму материальных явлений. Единство устанавливается на основе объективного и материального. В познании в целом, в значении исторического процесса отражения и преобразования действительности, главной стороной является практика. Идеальная сторона является главной на том относительно самостоятельном этапе, который был обозначен как «теоретическое познание». Чем истиннее познание, тем полнее его совпадение с развивающейся действительностью, тем тождественнее становятся рассматриваемые противоположности. Адекватность мысли объективному миру подразумевает глубокую переработку материала опыта, моделирование, идеализацию и т. д. Познание есть творческое преобразование действительности в сознании. К итогам этого процесса относятся цели, планы, программы деятельности, служащие отправным моментом практики. Содержанием последней служит разрешение противоречия между целями и объективным миром, в ходе которого действительность уподобляется целям человека. «Односторонность» субъективного уничтожалась путем превращения его в объективное, односторонность последнего уничтожается теперь путем уподобления субъективному. В качестве процесса превращения идеального в материальное²³ практика с необходимостью включает в себя идеальную сторону — цель, план, контроль и коррекцию по схеме обратной связи и т. д. Но в единстве двух сторон главной является теперь объективное, материальное. Практика в силу всего этого — совокупность природных процессов, но не их простое воспроизведение, а особым образом организованное, целенаправленное взаимодействие, реализация мысли. Преобразующее действительность воздействие практики выражает, таким образом, силу познания, мерой которой является осуществленная человеком свобода.

В отмеченном более узком смысле познание как идеальное отражение проявляет свое активное действие в управлении и регуляции практикой. Важнейшим моментом этого проявления активности является теоретическое предвидение и предвосхищающее конструирование будущего. Это — высшее качество опережающего отражения действительности как всеобщей черты активности живого. Отражая объективные законы, причины, условия, связывая и противопоставляя их отражения, сознание отражает возможный результат их взаимодействия, будущее. Для механицизма же, отрицающего объективный характер возможности, цель, проект будущего не может быть отражением дейст-

²³ В. И. Ленин, т. 29, стр. 104.

вительности. Из той же самой посылки фактически исходит и экзистенциализм, согласно которому не цель человека отражает возможность, а возможность порождается целью, проектом человека, и будущее не может быть дано в настоящем, пусть даже только в виде записи на небе.²⁴

Неправильное понимание отношения между отражением и активностью, познанием настоящего и предвидением будущего может быть использовано для извращения программных положений коммунистического движения. В. И. Ленин, так же как и Маркс и Энгельс, строжайшим образом противопоставлял свои теоретические выводы, касающиеся перспектив будущего развития общества, фантазиям утопистов. Фальсификаторы марксизма не оставили не использованным и этого момента. Некоторые из них преподносят враждебность марксизма всяким утопиям как отрицание познания будущего вообще.²⁵ Источник такого извращения лежит в отождествлении познавательного отражения с отражением только непосредственно эмпирически данного и в рассмотрении образов будущего как полностью произвольного творчества субъекта. Другие критики, наоборот, обвиняют марксистов в выведении утверждений о будущем из «решений политической воли», а не из теоретического познания действительности. Коммунисты, заявляют эти критики, подчиняют в своей программе «мир, который нужно познать, миру, который нужно изменить».²⁶ И в данном случае программа будущего противопоставляется отражению самой действительности.

Вводя будущее в детерминацию своего поведения, человек перестает быть простой равнодействующей сил, влияющих на него в прошлом и настоящем. Познание будущего позволяет ему видоизменить характер напора, определяющего его прошлое. Но идеальный обзор будущего, определяющий действия человека, не может быть поставлен в этой своей функции на один уровень с отражениями прошлого и настоящего. Образ будущего создается на основе отражений настоящего (и прошлого), вторичен по отношению к ним, опосредствован ими. Подчеркивание этого отделяет диалектический материализм от идеалистической философии. «Всякий знает, — говорит В. И. Ленин, — что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации — и только», «... прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, эле-

²⁴ См. J. P. Sartre, *Drei Essays*, W.-Berlin, 1961, S. 17; P. Ricoeur, *Philosophie de la volonté*, Paris, 1949, p. 53.

²⁵ См., напр., P. Albon, *La psychologie de la prevision*, «Psychologie Française», t. VIII, 1963, N3, p. 182.

²⁶ R. Franchini, *Teoria della prevision*. Napoli 1964, p. 138.

менты, из которых вырастает будущий строй.»²⁷ Активному воздействию сознания на практику и внешний мир, направляемому образом будущего, предшествует активность на другом уровне — на уровне творческой переработки в сознании отражений настоящего.

Как уже отмечалось, активность человеческого сознания отличается не просто опережение хода внешних событий, экстраполяция прошлого и настоящего на будущее, а мысленное конструирование объекта, который может быть создан только как итог творческой деятельности человека. В своей характеристике формы труда, составляющей исключительное достояние человека, Маркс в качестве ее специфической закономерности указывает не на цель вообще, а на сознательную цель, на мысленное предвосхищение процесса и результата конструктивной деятельности в сознании.²⁸ Особенности целевых понятий и представлений в реальном сознании характеризуют их как особый вид объективно сложившейся в развитии психики воображаемой модели.²⁹ В этом — одно из отличий цели от собственно познавательных образов. Во-первых, она служит для предварительной проверки в ходе мысленных операций средств и способов применения этих средств. Во-вторых, целевые понятия и представления служат «образцом», отображение которого человек стремится создать в продукте своей деятельности. Процесс построения цели соответствует в мышлении процессу практической деятельности, являясь в общих чертах его идеальным образом так же, как сама цель является образом результата этой деятельности. Постановка цели включает в себя, таким образом, в какой-то мере элемент планирования, предвидения пути выполнения действий.³⁰

Активность сознания, проявляющаяся в целях человека, состоит не только и не в первую очередь в творческом процессе их конструирования. В еще большей мере она выражается в прак-

²⁷ В. И. Ленин, т. 1, стр. 186–187.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 189.

²⁹ Модель можно рассматривать и как произвольно применяемое средство познания и как естественно возникшую форму активности мышления, см. А. В. Славин, Мысленное моделирование как эвристическая операция, «Тезисы докладов на симпозиуме «Метод моделирования в естествознании», Тарту, 1966, стр. 27. Идея модельной природы цели высказывалась Бергсоном. См. А. Бергсон, Собрание сочинений, СПб., 1913, т. 1, стр. 49, 82.

³⁰ Внутренняя «модель» действия и внутренняя «модель» предмета, на который направлено действие, совпадают по меньшей мере на ранних генетических ступенях. См. Н. Hiebsch, Über das Grundgesetz der Persönlichkeitsformung, «Wissenschaftliche Zeitschrift d. Friedrich-Schiller-Universität Jena», Jg. 13, 1964, ges. sprach. Reihe, H. 2, S. 268.

Возможно, что в цели-модели фиксированы начало и конец программы или плана действия. См. Н. М. Амосов, Моделирование мышления и психики, Киев, 1965, стр. 287.

тической направленности цели. Цель представляет собой переход от сознания к действию, узел, в котором сплетены мысль и действие. Она выступает в качестве непосредственного сознательного побудителя и направляющего и регулирующего фактора. Роль побудителя к движению она может играть в силу того, что она скрывает в себе противоречие. «Мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его.»³¹ Противоречие между человеком и внешним миром, многократно отразившись и преломившись в его сознании, создает движущую, притягательную силу цели. Диктуемое ею направление действий зависит от всей проделанной сознанием работы.

Социально-историческое истолкование активности сознания связано с широким пониманием отражения. Оно не может быть сведено только к собственному познавательному отражению, знанию. Последним не является, как мы уже видели, отражение объективных связей в категориях и законах логического мышления, без которого немислимо само познавательное отражение. Отражениями действительности являются также потребности, интересы, чувства, настроения, иллюзии, привычки, характер и т. д. Особым видом отражения, своеобразно сочетающим в себе познавательные отражения с прямым и опосредствованным выражением потребностей, интересов, установок субъекта, являются ценности и оценки, цели и нормы. Именно они представляют собой высшее выражение активности сознания в собственно сфере идеального. Значительно упрощая имеющиеся здесь действительные зависимости, выделим в них две основные линии отражательного отношения. Во-первых, так сказать во внутреннем плане, оценки, цели и т. д. отражают психические же отражения зависимости человека от окружающего объективного мира, первичной формой которых является потребность. Это не только отражение, но и отношение причинной зависимости. Вторую линию составляет в данном случае отражение объективно существующих возможностей, закономерностей, условий, а также конкретных свойств объективных предметов.

Указание на эти два аспекта зависимости можно увидеть в замечании В. И. Ленина о том, что цели человека порождены объективным миром и одновременно «предполагают его, — находят его как данное, наличное».³² Различие между ними учитывалось В. И. Лениным при выработке отношения к целям и программам политических течений. Он рассматривал их не только с точки зрения истинности отражения в познавательном плане, но и с точки зрения причин, которые их вызвали к жизни, потребностей или реального состояния общественной психологии, которые они отражают. «Недостаточно критиковать эти

³¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 195.

³² Там же, стр. 171.

идеи с точки зрения их внутренней цельности, стройности или теоретической их правильности. Необходимо критиковать их с точки зрения той хозяйственной необходимости, которая получила в этих идеях свое отражение, как бы «капризно», неправильно, «криво» ни было иногда это отражение.»³³ Он ссылаясь при этом на мысль Энгельса о том, что «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле». «Ложный, — говорил Ленин, — в формально-экономическом смысле, народнический демократизм есть истина в историческом смысле; ложный, в качестве социалистической утопии, этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы».³⁴

Разграничение В. И. Лениным познавательного-теоретического и мотивационно-оценочного аспектов активности сознания помогает разобраться в некоторых противоречивых явлениях духовной и политической жизни современного капиталистического общества. Так, в распространенных сейчас среди части его молодежи анархистских идеях, путаных и ошибочных, можно увидеть не только заблуждение, но и отражение новых противоречий капитализма в условиях научно-технической революции. С указанным разграничением связано также проведение различия между идеологией в ее реальном воплощении в сознании масс, в данном случае — молодежи, и идеологией как продуктом духовного творчества отдельных теоретиков. «Одно дело — сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, — писал В. И. Ленин свыше пятидесяти лет тому назад, — претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима беспощадная борьба. Другое дело — организации молодежи, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело — готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно убеждения, а не борьбы.»³⁵

Как можно, однако, сочетать, задается иногда вопрос, непримиримую борьбу против всех проявлений буржуазной идеологии с политикой привлечения на нашу сторону масс, которые еще разделяют эту идеологию, установления с ними тесного союза? Некоторые философы-марксисты видят тут противоречие, обращая внимание на то, что в реальной действительности не существует идеологии в чистом виде, как чего-то отдельного от людей и их действий и что искусственная дихотомия социаль-

³³ В. И. Ленин, т. 21, стр. 384.

³⁴ В. И. Ленин, т. 22, стр. 120.

³⁵ В. И. Ленин, т. 30, стр. 226.

ных и идеологических процессов не соответствует действительной истории.³⁶ В самом деле, возможность вульгарно-доктринерских ошибок в данном вопросе не исключена. Избежать их, равно как и снять приведенное кажущееся противоречие, позволяя рассмотренные мысли В. И. Ленина о необходимости дифференцированного подхода к идеологическим отражениям, учета их различных взаимоотношений с практикой социальных движений.

Реальное сознание человека, участвующего в прогрессивном движении, поскольку оно действительно не может быть отделено от практической деятельности, должно быть так или иначе приспособлено к этому движению. Но это значит, что оно уже модифицировано, включило в себя какие-то дополнительные новые моменты и т. д. Ленинская политика убеждения и постепенного разъяснения находит в этих изменениях и дополнениях возможности воздействия, заключенные в самом сознании заблуждающихся. Опираясь на идеи Ленина, его выдающийся ученик А. Грамши считает, «что у человека — элемента массы есть два теоретических сознания (или одно противоречивое сознание): одно — содержащееся в самой его деятельности и реально объединяющее его со всеми его сотоварищами по практическому изменению действительности, и второе — поверхностно выраженное, или словесное, что досталось массе в наследство от прошлого и было воспринято ею без критики.»³⁷ Непримируемая идейная борьба коммунистов направлена против второго и, прежде всего, — против попыток буржуазии и ее идеологов закрепить, использовать, заново вооружить эту реакционную сторону сознания.

Активность сознания также проявляется во внутреннем плане в переходе к осознанию значения отражаемого содержания и к высшим степеням осознанности отражения. В. И. Ленин неоднократно указывал на различные отношения между субъектом, отражением им общественных процессов и объективной действительностью. Существуют разные формы выражения субъектом классового интереса и осознания последнего, уровни осознанности объективного содержания идей. Разным может быть и взаимоотношение познавательного содержания идей и их роли в происходящих общественных процессах. Осознание значения тех или иных отражений внешнего мира, переход к «представленности» отражаемого самому субъекту имеет в качестве своей основы происходящее в голове человека соотнесение воплощаемого в деятельности образа и отражения объекта, в котором реализовался данный образ.³⁸ Перестройка отношения субъекта к

³⁶ L. Gruppi, Il dibattito nell' URSS, «Il Contemporaneo», 1965, N 3.

³⁷ А. Грамши, Избранные произведения, М., 1959, т. 3, стр. 22.

³⁸ А. Н. Леонтьев, Понятие отражения и его значение для психологии, в кн. «XVIII Международный психологический конгресс, 4—11 авг. 1965 г.» М., 1969, стр. 18.

полученному им уже отражению действительности рассматривается В. И. Лениным как движение от субъективной идеи к объективной истине через практику.³⁹ Под субъективной идеей или субъективным знанием В. И. Ленин понимает, как это можно полагать, знание, содержание которого определено объектом, но в котором объективные отношения между элементами содержания еще достаточно не выявлены, не осознаны субъектом.⁴⁰ Движение познания, в процессе которого повышается степень объективности знания, включает в себя момент активного различения, осознания этих отношений.

В свете изложенных нами идей В. И. Ленина по вопросу активности сознания становится очевидной неправомерность встречающейся иногда в марксистской литературе тенденции противопоставить эту активность отражению. Так, например, в какой-то мере проявлением указанной тенденции является утверждение о том, что мышлению якобы присущи две функции — отражения и преобразования. Результаты первой состоят из идей и теорий, которые отражают закономерности мира. Результатами же функции преобразования, осуществляемой на базе первой функции, но отличной от нее, служат идеи и теории, проекты и планы, в которых указаны пути преобразования действительности и которые служат руководством к практическому действию.⁴¹ Близкой к этому пониманию вопроса является точка зрения, согласно которой воображение и фантазия состоят в создании новых образов на основе переработки прошлых отражений действительности. В ее последовательном проведении данная точка зрения означает, что фантазия не рассматривается как одна из форм отражения действительности в психике.⁴² Отсюда же вытекает вывод, что остальные формы познания представляют собой лишь чисто механические копии, пассивные отражения. Это противоречит тому, что, как мы уже видели, каждый акт психического отражения представляет собой не простую репродукцию объекта, а его более или менее значительное — чувственное, мысленное — активное преобразование. Напомним, что В. И. Ленин считал, что и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее содержится «известный кусочек фантазии».⁴³

Разделение и взаимопротивопоставление отражения и мысленного творческого преобразования объекта характерно, в частности, для французского философа Р. Гароди и австрийского

³⁹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 183.

⁴⁰ См. В. Лекторский, Ленинское понимание диалектики субъекта и объекта, — «Коммунист», 1967, № 6, стр. 42.

⁴¹ См. А. Т. Шумилин, Диалектический путь познания объективной действительности, автореферат, М., 1955.

⁴² См. критику этой точки зрения: А. В. Брушлинский, Воображение и познание, «Вопросы философии», 1967, № 11.

⁴³ В. И. Ленин, т. 29, стр. 330.

литератора Э. Фишера, авторов в прошлом серьезных марксистских работ. Р. Гароди, склонный рассматривать отражение в механическом смысле пассивного «отпечатка», возлагает на понимание мышления всецело как отражения ответственность за недооценку «активной стороны». Идея марксизма об активности познания и сознания вообще рассматривается французским философом как утверждение «примата практики над отражением». Практика как высшее проявление указанной активности противопоставляется отражению.⁴⁴ В связи с этим отвечающий практике творческий момент, вносимая субъектом «конструкция», предвосхищение будущего из отражения изымаются. Познание будущего, планы, цели — не отражение действительности, а дополнение к этому отражению.⁴⁵ В соответствии с этой точкой зрения, предвидение будущего в марксизме Э. Фишер относит полностью к утопии.⁴⁶ Программы построения будущего и цели не могут быть сопоставимы с существующей реальностью, являются научно не проверяемыми, грань между научным и утопическим социализмом исчезает. Исключение из отражения «активной стороны» означает также исключение из сферы объективного, научного знания всех оценочных и идеологических моментов вообще. Этому отвечают попытки ввести в марксистское понимание сознания понятие «мифа» как выражения любых идеалов и мировоззренческих убеждений личности вообще. Странники антикоммунистической доктрины «деидеологизации» ничего лучшего не могут для себя и пожелать! Аспектом противопоставления активности отражению является рассмотрение внутренней организации практической деятельности в качестве фактора, противоречащего объективности познания внешнего мира. Идеи, утверждает Э. Фишер, когда они охватывают массы и превращаются в материальную силу, требуют жесткой организации, последняя же предполагает «закостенение этих идей в идеологии.»⁴⁷ Всякая связанная с дисциплиной организация деформирует идею, которую пытаются реализовать при помощи этой организации. Чтобы избежать подобного вырождения теории необходимо отказаться от претворения ее в жизнь или, по крайней мере, от идеологической и организационной дисциплины в партии, от ленинских принципов партийной жизни.⁴⁸

⁴⁴ R. Garaudy, E. Fischer et le débat sur l'esthétique marxiste, — «Les lettres françaises», N 1039, 1964, p. 2.

⁴⁵ R. Garaudy, A propos du livre «De l'anathème au dialogue», — «L'Humanité», 4 juin, 1966.

⁴⁶ E. Fischer, Kunst und Koexistenz. Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik, Hamburg, 1966, S. 51.

⁴⁷ E. Fischer, Organisation und Ideologie, — «Weg und Ziel», 1965, N 7/8, S. 511.

⁴⁸ См. E. Fischer, Kunst und Koexistenz, S. 80; Communiqué du Bureau Politique du Parti Communiste Français sur un nouveau livre de Roger Garaudy, — «Humanité», 19. décembre, 1969.

Полный отход от марксизма-ленинизма, идейное и практическое ренегатство представляет собой в данном случае логически последовательный вывод из ложного понимания соотношения отражения и активности сознания. Проверенный же на колоссальном историческом опыте ленинский принцип демократического централизма, сочетающий требование свободного познания и обсуждения вопросов с требованием подчинения единой организации и дисциплине в ходе практического действия, полностью отвечает закономерностям связи отражения и практики.

Разработанный В. И. Лениным марксистский принцип «действенной стороны» предстает как выражение сложной и многосторонней активности сознания человека.

Активность сознания выступает прежде всего в виде преобразующей и творящей мир силы человеческой практики. Во внутренней структуре самой практической деятельности активность сознания как идеального отражения действительности заключается в его побуждающем, направляющем, регулирующем воздействии на поведение.

Внутри процессов психического отражения активность состоит в исходящем от субъекта движении конструирования, преобразования образов, оперирования ими и их элементами. Она проявляется здесь:

во-первых, в субъективном моменте, состоящем, в свою очередь, в избирательном и оценочном отношении к объекту, в зависящей от особенностей субъекта специфической форме отражения, в определяемых этими особенностями элементах неадекватности и ограниченности, прогрессивно элиминируемых в дальнейшем ходе познания;

во-вторых, в проникновении познания от явления ко все более глубоким уровням сущности путем преобразования информации в механизмах мышления;

в-третьих, — в предвидении, предвосхищении будущего, конструировании образов, моделей этого будущего;

в-четвертых, — в процессах осознания субъектом содержания отражений, переходе к более ясной осознанности их внутренних свойств и их значения, в активном воздействии на процессы познавательного отражения всей психики личности как целого.

Как подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», основатель нашей партии и нашего государства воспринял с самого начала своей деятельности революционный дух, творческий и деятельный характер марксизма, увидел в его творческом развитии необходимое условие действенности революционного учения. Развитый В. И. Лениным принцип активности сознания дает гносеологическое обоснование высоко поднятой им преобразующей роли теории.

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ПОЗНАНИЯ

Я. К. Ребане

В развитии В. И. Лениным учения марксизма о социально-исторической сущности познания (и сознания)¹ можно условно выделить две стороны. Первой из них является совокупность проблем, относящихся к социально-исторической обусловленности сознания людей определенной эпохи, нации, класса, социального слоя. Сюда относится теоретическая разработка В. И. Лениным положений о закономерностях формирования идеологии в общественном развитии, о возникновении религии и путях ее преодоления, о наличии различных культур в национальной культуре эксплуататорского общества и об отношении пролетариата к культурному наследию, о психологии наций, классов, социальных слоев, о происхождении и развитии морали, о закономерностях развития и задачах искусства, о коммунистическом воспитании молодежи и ряда других положений, непосредственно касающихся социально-исторической детерминации познания.

Эти ленинские положения получили конкретное развитие в таких дисциплинах как педагогика, социальная психология, этика, эстетика, религиоведение и научный атеизм, социология науки и знания и др. Они имеют важное значение также для решения многих проблем теории познания, связанных с социально-исторической детерминацией картины мира. Но непосредственной теоретической основой для дальнейшей разработки гносеологии служит вторая сторона ленинского учения о социально-

¹ Теория познания диалектического материализма — это вместе с тем и теория сознания, и теория мышления. Знаменитое высказывание из «Немецкой идеологии»: «Сознание (das Bewußtsein) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (das bewußte Sein)» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25) — не только игра слов. При изучении генезиса человеческой картины мира целостный подход является более плодотворным, чем априорное выделение какой-нибудь одной стороны («только научное познание», «только условия истинности знания» и т. д.).

исторической детерминации познания, относящаяся к пониманию *социально-исторического субъекта познания*.

Согласно взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса², последовательно развиваемым ими в течение всей своей деятельности, начиная с сороковых годов прошлого столетия, гносеологическим субъектом является не изолированный индивидуум, не отдельный человек как биологически-психологическое существо, а исторически-конкретный, социальный человек, поколения людей, через них — человечество в своем историческом развитии.³ В общей форме этот тезис признается всеми марксистами. Однако, в его практической реализации встречаются две одинаково неоправданные тенденции.

Во-первых, тенденция к отождествлению марксистско-ленинской теории познания с диалектизированным вариантом индивидуалистской схемы познания домарксовского сенсуализма (схема Локка-Кондильяка). В определенный период эта тенденция господствовала в учебной литературе. Начиная с середины пятидесятых годов она успешно преодолевается на основе реализации идей В. И. Ленина о совпадении диалектики, логики и теории познания и на основе ленинской программы гносеологических исследований.

Во-вторых, тенденция к интерпретации социальной сущности познания в социоменталистском духе. Эта тенденция является реакцией на натуралистский и индивидуалистский подход в области теории познания, принимая, однако, странные формы, выражающиеся в отказе от использования данных современной науки (антисциентизм как программа), в отождествлении общественного бытия и общественного сознания, в стремлении построить марксистско-ленинское учение о познании по образцу буржуазной философской антропологии.

Обе тенденции могут быть использованы ревизионистскими течениями в марксизме. Хотя нет однозначного соответствия между указанными гносеологическими тенденциями и теми или иными вариантами ревизионизма, но практически сложилась ситуация, когда правый ревизионизм в западных коммунистических партиях тяготеет преимущественно к философско-антропологическому, социоменталистскому подходу, а «левый» ревизионизм питает симпатию к индивидуалистской концепции позна-

² См. статью автора «К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной сущности познания», Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, XIII, Тарту, 1969.

³ П. В. Копнин при рассмотрении задач марксистской гносеологии посвящает специальную главу проблеме субъекта-объекта в плане социально-исторической детерминации познания. (См. П. В. Копнин, Введение в марксистскую гносеологию, Киев, 1966, стр. 58—93). Это представляется вполне правомерным. Социально-исторический субъект познания рассматривается и в ряде других работ по проблемам теории познания, диалектической логики, истории философии, социологии знания.

ния, где процесс познания сводится к двучленной схеме «индивидуум — среда».

На первый взгляд может показаться, что теоретический антигуманизм «левого» ревизионизма несовместим с индивидуализмом схемы Локка. Но это только на первый взгляд. Общий подход Локка к познанию осуществляется по принципу «индивидуум — вселенная», общепринятому в философии XVII века. Поэтому индивидуализм в гносеологии достаточно хорошо вписывается в те ревизионистские концепции, для которых реальные люди являются только пешками в игре надчеловечных сил. Пассивно-созерцательная роль субъекта, зеркальный, готовый, изначально данный характер отражения, ограничение активной деятельности субъекта только обозначением и классификацией внешних влияний — такие черты локковской схемы неплохо «работают» в подобных ревизионистских концепциях. В результате этого существует прямой переход от индивидуалистской схемы познания к извращенной, тяготеющей к объективному идеализму, интерпретации общества, человека, познания.

Это надо учесть и при оценке структурализма. Количественно-структурные методы, применяемые в социологии, лингвистике, этнографии, искусствоведении и т. д. необходимы для моделирования, формализации, математизации.⁴ Но «категорический структурализм»⁵ как мировоззрение противоположен марксистскому историзму и материалистическому пониманию общества. Это обнаруживается и в тех случаях, когда структурализм прикрывается диалектической фразеологией, например, популярный среди определенных левацких кругов Запада «диалектический структурализм» Л. Альтюсера. Л. Альтюсер представляет общественное развитие как «многопорядковую детерминацию» сложных противоречий, игры «социальных суперструктур», «инфраструктур», «аккумуляций влияний» и т. д.⁶ Реальные люди исключаются из истории. Марксистский гуманизм третируется как ревизионизм.⁷ Такой подход должен применяться, по мнению Л. Альтюсера, не только для анализа общества, но и для перестройки всей системы философских понятий.⁸

⁴ См. В. С. Черняк, Структурализм и математизация знания, — «Философские науки», 1969, № 5; Ноэль Мулу, Структурные методы и философия науки, — «Вопросы философии», 1969, № 2.

⁵ G. Gröber, Die Kategorie «Struktur» und der kategorische Strukturalismus, — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1969, H. 11.

⁶ L. Althusser, Contradiction and Overdetermination, — «New Left Review», 1967, No. 41, p. 24.

⁷ B. Brewster, Presentation of Althusser, — «New Left Review», 1967, No. 41, p. 12.

⁸ L. Althusser, Sur le travail theorique. Difficulties et ressources. La Pensee, No. 132, Avril, 1967, p. 3.

Наличие подобных вульгаризаторских тенденций ловко используется идеологами антикоммунизма. «Традиционные» обвинения в адрес марксизма («экономизм», «грубый материализм», «технологизм») уступают место новому способу критики: марксизм отождествляется с объективным идеализмом, его обвиняют в том, что марксизм-де игнорирует реального, исторически-конкретного человека. Например, инструменталист С. Хук утверждает, что «ортодоксальный диалектический материализм» является прикрытым объективным идеализмом⁹, игнорирующим реальных людей и постулирующим необходимость бесклассового общества из «структуры и развития космоса»¹⁰. Ф. Нортроп, в мировоззрении которого своеобразно сочетается влияние различных школ (методология науки Э. Нагеля, инструментализм, «социология познания»), считает, что у Маркса человек находится в плену абсолютно детерминированного развития культуры и марксистское понимание социальной детерминации тождественно гегелевскому.¹¹ Американский «теоретический антрополог» Д. Бидни пишет, что «объективный, метафизический культурологический идеализм и материализм являются антитезисом гуманистической позиции, согласно которой человек является действующей причиной и конечной причиной социально-культурной наследственности».¹² Идеолог негритюда Л. Сенгор заявляет, что учение марксизма — это абсолютный детерминизм, ограниченный стилем естествознания первой половины XIX века, игнорирующий социально-культурную обусловленность мышления, и поэтому-де марксизм принципиально неприемлем для негроафриканского миропонимания.¹³

Такие обвинения совершенно абсурдны. Основоположники марксизма пришли к пониманию социально-исторической сущности человека и познания уже в сороковых годах прошлого века, т. е. в период, когда конкретные гуманитарные науки, не говоря уже о буржуазной философии, изучали «человека вообще». Учение о социально-исторической сущности человека было и остается одной из центральных идей марксизма-ленинизма.

Наряду с этими нелепыми обвинениями марксизма-ленинизма «оптом» многие буржуазные идеологи, а также современные ревизионисты представляют дело так, якобы В. И. Ленин в понимании проблем теории познания стоял на точке зрения абстрактно-индивидуалистического подхода в стиле философии XVII—

⁹ S. Hook, *Philosophy and Human Conduct*, in: S. Hook, *The Quest for Being and Other Studies in Naturalism and Humanism*, London, 1961, p. 21.

¹⁰ S. Hook, *Materialism and Idealism*, in: S. Hook, *The Quest for Being*, p. 236, 237.

¹¹ F. S. C. Northrop. *The Meeting of East and West*, New York, 1959, p. 245.

¹² D. Bidney, *Theoretical Anthropology*, New York, 1953, p. 25.

¹³ L. S. Senghor, *On African Socialism*, New York, 1964, p. 72.

XVIII веков, в отличие от К. Маркса, развивавшего учение о социально-исторической сущности человека и познания. Такая версия включает в себя, кроме того, противопоставление философских работ Ф. Энгельса работам К. Маркса и утверждение, что В. И. Ленин опирался на работы Ф. Энгельса, а не К. Маркса. Далее, эта версия противопоставляет друг другу «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» В. И. Ленина, находит между ними «теоретические противоречия», причем, исходя из этих мнимых противоречий, единственно-правильным подходом объявляется подход «Философских тетрадей», якобы преодолевших «недостатки» «Материализма и эмпириокритицизма».¹⁴

На деле эта версия лишена всяких оснований. Она базируется на грубом извращении реального положения вещей. Конкретные задачи, которые В. И. Ленин ставит в «Материализме и эмпириокритицизме» и в «Философских тетрадях», действительно, отличаются друг от друга. В первом случае — критика махистских извращений марксизма, защита материализма, развитие диалектического и исторического материализма на основе новых данных науки и практики. В другом — конспекты, заметки, фрагменты для себя, не предназначенные для публикации, свидетельствующие, однако, о намерении написать еще одну крупную работу по философии. Но все это — различия только в форме, в изложении, в целях, в назначении. Эти различия не касаются главного: единства ленинского философского мировоззрения, спаянного в единый монолит внутренней логикой диалектического и исторического материализма.

*

Социально-историческая сущность познания подчеркивается В. И. Лениным во многих философских работах, отнюдь не только в «Философских тетрадях». Учет социально-исторической сущности познания органически входит в ленинскую теорию отражения.

Ленинская теория отражения имеет принципиальное значение для понимания всех аспектов познания. Выдвинутая В. И. Лениным идея об отражении как общем свойстве материи приобрела исключительно важное значение в связи с дальнейшим развитием науки, особенно с возникновением кибернетики. Сформулированное на основе применения идей кибернетики понятие информации выражает количественно-структурный аспект общего свойства отражения. По-видимому, понятие информации как

¹⁴ Ревизионизм «наизнанку» фактически придерживается такой же версии, объявляя, однако, «единственно правильным» «Материализм и эмпириокритицизм» и отрицая значение «Философских тетрадей».

передаваемой упорядоченности, структурности, разнообразия (или ограничения разнообразия) может быть использовано для характеристики любого звена в многоступенчатом, сложнейшем процессе человеческого познания. Такие понятия как «информация» (понимаемая как мигрирующая структура¹⁵), «изоморфизм (гоморфизм) систем», «соотношение оригинала и модели» выражают, каждое по-своему, количественно-структурный аспект отражения.

Однако, понимание В. И. Лениным отражения не ограничивается только количественно-структурным аспектом. Уже при рассмотрении отражения как общего свойства материи В. И. Ленин имеет в виду качественные различия форм отражения в зависимости от уровня организации материальных систем и возражает против гилозоистского понимания общего свойства отражения.¹⁶

Еще большее значение приобретает учет качественной специфики при понимании познания, мышления как отражения. Развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин рассматривает отражение мира сознанием разносторонне, глубоко диалектично, с учетом его качественной специфики. Изоморфизм образа и отражаемого является только одним из аспектов отражения действительности в сознании. Кроме фиксации структурного соответствия необходимо иметь в виду и движение, изменение познания. Не пассивно-зеркальное отражение, не получение изначально готовых, раз и навсегда данных копий, а вечное движение мысли от явления к сущности, от сущности первого порядка ко все более глубокой сущности,¹⁷ углубление познания на основе активности познающего и практически действующего субъекта, дающее все более точное, объективно-истинное знание — в этом суть марксистско-ленинской концепции отражения сознанием реальности. В марксистско-ленинскую концепцию отражения, следовательно, органически входит учение о социально-исторической сущности человека, базирующееся на неразрывном единстве диалектического и исторического материализма.

При анализе социальной сущности познания следует особенно подчеркнуть внутреннее единство марксистской философии. Диалектический материализм немислим без материалистического понимания истории. И наоборот. Без диалектического материализма невозможно последовательно материалистическое понимание истории. Нарушение внутреннего единства диалектического

¹⁵ См. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, XII, 1969, стр. 14—33.

¹⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 91. (Далее мы ссылаемся только на данное издание сочинений В. И. Ленина, ограничиваясь указанием тома и страницы).

¹⁷ В. И. Ленин, т. 29, стр. 227.

и исторического материализма ведет, кстати, к мнимой альтернативе психонатурализма и социоментализма: либо гносеологическим субъектом является отдельный «физический», «биопсихический» человек, либо гносеологическим субъектом является «человечество» как абстрактное, безличное духовно-деятельное существо. Однако такой альтернативы не может быть для марксизма-ленинизма. Дело не только в диалектическом единстве отдельного и общего, снимающем метафизическую противоположность номинализма и реализма. Дело также в том, что сама теория познания диалектического материализма невозможна без материалистического понимания истории.

В. И. Ленин неоднократно указывает на связь теории отражения с материалистическим пониманием истории. Уже в 1894 году, в работе «Что такое «друзья народа» и как они борются против социал-демократов» он рассматривает марксистское понимание «идеального как отражения материального»¹⁸ в общем контексте материалистического понимания истории.¹⁹ На единство теории отражения и материалистического понимания истории указывает В. И. Ленин и в таких работах как «Три источника и три составные части марксизма»²⁰, «Карл Маркс»²¹. Значительное место занимает связь теории отражения с материалистическим пониманием истории в фундаментальной философской работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин выступает с резкой критикой в адрес А. Богданова, который считал общественное бытие и общественное сознание тождественными на том основании, что люди в борьбе за существование не могут объединяться иначе, чем с помощью сознания. Без сознания, как полагал, Богданов, нет общения. Следовательно, социальность нераздельна с сознательностью. «Поэтому», пишет Богданов, *«социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая... Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны.»*²²

В. И. Ленин показывает несостоятельность подобных утверждений. Из того, что люди вступают в общение как сознательные существа, вообще не следует, что общественное бытие тождественно общественному сознанию. Вступая в общение, люди в сколько-нибудь сложных общественных формациях не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по какому закону эти отношения развиваются. И далее В. И. Ленин дает прекрасную характеристику отражения: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит

¹⁸ В. И. Ленин, т. 1, стр. 168.

¹⁹ Там же, стр. 163—168.

²⁰ Там же, т. 23, стр. 44.

²¹ Там же, т. 26, стр. 51—52, 55—56.

²² Там же, т. 18, стр. 342.

учение Маркса. Отражение может быть приблизительно верной копией отражаемого, но о тождестве здесь говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно.»²³

«Материализм вообще», подчеркивает В. И. Ленин далее, «признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там, и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи.»²⁴

Итак, В. И. Ленин, продолжая линию Маркса, отстаивает единство диалектического и исторического материализма в разработке фундаментальных проблем марксистской гносеологии.

Единство диалектического и исторического материализма проявляется в гносеологии весьма разносторонне. Для анализа социально-исторического процесса познания важное значение имеет тот аспект познания и деятельности, который К. Маркс выразил с помощью понятия опредмечивания. С точки зрения информационных процессов, на основе которых складывается картина мира реального человека, необходимо учесть не только наследственные биологические и психологические свойства субъекта, не только чисто-природные условия его существования, но и средства внегенетической информации, которые являются хранилищем «социальной памяти». Сюда относятся реальные люди как «социально запрограммированные» существа, производственная деятельность и созданная ею материальная культура, объективно-реальные социальные связи и отношения, язык в самом широком смысле. Эти явления входят также в общественное бытие людей, обуславливая индивидуальное и общественное сознание на конкретных этапах исторического развития. Только их учет на основе материалистического понимания общества позволяет правильно раскрывать сущность и способы передачи собственно познавательного, идеально-духовного содержания социальной памяти — знаний, ценностей, форм общественного сознания, логической структуры мышления, включая категории мышления и логические средства математики.

*

²³ В. И. Ленин, т. 18, стр. 343.

²⁴ Там же, т. 18, стр. 346.

Социально-историческая обусловленность познания выступает в теории познания на первый план в связи с такой принципиальной проблемой как проблема происхождения и сущности «форм» познания и мышления, т. е. логико-методологических средств, с помощью которых выражается система знаний, достигается преобразование исходных данных.

Для индивидуалистской схемы познания, которой руководствовался домарксовский сенсуализм, в процессе познания участвуют два члена: природа и человек как природное, т. е. биологическое и психологическое существо. В такой схеме, как показал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», выпадает из поля зрения важный момент: форма отражения природы в познании. Исследование познания со стороны формы Ф. Энгельс считал заслугой диалектического идеализма.²⁵

Материалистически переосмысливая философское учение Гегеля, В. И. Ленин неоднократно обращается к проблеме формы отражения.²⁶ Он разносторонне рассматривает роль исторически развивающихся форм отражения в познании человеком действительности.

Прежде всего, В. И. Ленин включает «форму отражения» в качестве «третьего члена» в структуру познания. Он пишет: «Тут действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека = мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc.»²⁷

Развитие познания В. И. Ленин связывает, прежде всего, с развитием «третьего члена» познания: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковы понятия, законы etc. (мышление, наука = «логическая идея») и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы... Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* при-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 581.

²⁶ При оценке взглядов В. И. Ленина в данном вопросе следует иметь в виду, что эта часть «Диалектики природы» была опубликована только в 1925 году. В то же время совпадение взглядов Энгельса и Ленина в отношении оценки значения формы познания вне всякого сомнения. Наиболее существенное различие в понимании Энгельсом и Лениным проблемы связано с уровнем развития естествознания. Руководствуясь современным ему естествознанием, Ф. Энгельс признавал наследственность приобретенных свойств и допускал наряду с социальной передачей прошлого опыта познания также его биологическо-наследственную передачу. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 581—582.)

²⁷ В. И. Ленин, т. 29, стр. 164.

ближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»²⁸

В. И. Ленин подчеркивает, что логическая структура и категориальный аппарат мышления развиваются *на основе общественно-исторической практики*. Гегель старается подвести целесообразную деятельность человека под категории логики. «... ЭТО НЕ ТОЛЬКО НАТЯЖКА, НЕ ТОЛЬКО ИГРА», пишет В. И. Ленин, «ТУТ ЕСТЬ ОЧЕНЬ ГЛУБОКОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ЧИСТО МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ. НАДО ПЕРЕВЕРНУТЬ: ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДА БЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ А К С И О М.»²⁹ «Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения.»³⁰

На вопрос о том, развивается ли категориальный аппарат мышления, В. И. Ленин отвечает утвердительно. «Если *все* развивается,» пишет он, «относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение».³¹ Категории, которыми пользуются люди, возникли в ходе исторического развития: «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею.»³²

Активность сознания, учит В. И. Ленин, не означает игнорирования закономерностей материального мира: «Идея, будто сознание может «создавать» всеобщие формы, заменять первичный хаос порядком и т. п., есть идея идеалистической философии. Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность.»³³

Учение В. И. Ленина об объективной, абсолютной и относительной истине также основано на учете общественно-исторического характера познания.

Критикуя А. Богданова, считавшего истину организующей формой человеческого опыта и отрицавшего объективность истины, В. И. Ленин указывает, что в данном случае смешаны два вопроса: 1) может ли в человеческих представлениях быть

²⁸ В. И. Ленин, т. 29, стр. 163—164.

²⁹ Там же, стр. 172.

³⁰ Там же, стр. 198.

³¹ Там же, стр. 229.

³² Там же, стр. 85.

³³ В. И. Ленин, т. 18, стр. 174.

такое содержание, которое не зависит от субъекта, т. е. существует ли объективная истина; 2) если такое содержание существует, то дано ли оно сразу, или достигается постепенно, путем постепенных приближений. Признание объективного содержания знаний — это обязательная черта всякого материализма, а признание диалектического развития истинных знаний — специфическая черта диалектического материализма. Диалектика абсолютной и относительной истины связана с историческим развитием познания: «Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания.»³⁴

Созвучно этому высказывание из «Философских тетрадей»: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их.»³⁵ Мы видим, что В. И. Ленин, так же как Ф. Энгельс, связывает учение об абсолютной и относительной истине, прежде всего, с социально-историческим характером процесса познания.

Положение о социально-историческом развитии познания необходимо иметь в виду также при оценке знаменитого высказывания В. И. Ленина о диалектическом пути достижения истины. Мы уже сказали, что идея о движении мысли от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике трактовалась в определенный период в духе локковского сенсуализма, т. е. «живое созерцание» отождествлялось с данными чувств, а «абстрактное мышление» — с обобщением этих данных с помощью слова-названия. Правомерно ли это? По-видимому, нет.³⁶ Прежде всего, В. И. Ленин рассматривает в этом фрагменте характеристику познания как бы в двух планах: в плане критики Канта Гегелем и в плане марксистского учения об истине. Действительно, критика Гегелем Канта базируется на интерпретации локковской схемы, причем Гегель указывает на существенный недостаток этой схемы: на предположение, что понятие выражает только некоторую «бедную» сторону чувственно-конкретного. Но у самого Гегеля, естественно, возникновение понятия не связано с абстрагирующей деятельностью индивидуального разума.

В. И. Ленин рассматривает здесь движение познания именно в социально-историческом контексте. Отметив, что правильное

³⁴ В. И. Ленин, т. 18, стр. 137.

³⁵ В. И. Ленин, т. 29, стр. 177.

³⁶ См. также В. А. Смирнов, Уровни знания и этапы процесса познания, сб. Проблемы логики научного познания. М., 1964.

мышление, восходя от абстрактного к конкретному, не отходит от истины, а подходит к ней, В. И. Ленин пишет: «Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее.*»³⁷

И вслед за этим: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и *от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности.»³⁸

Можно ли интерпретировать это высказывание по схеме до-марксовского сенсуализма? Очевидно, нет.

Во-первых, живое созерцание не может быть отождествлено с чувственным отражением. Ни абстракция материи, ни абстракция закона, ни абстракция стоимости, о которых говорит В. И. Ленин, не могут быть непосредственно выведены из чувственных данных. Необходимо множество промежуточных ступеней, с обязательным включением вербального и понятийного компонентов (выражаемых с помощью языка, социально-исторически обусловленных смысловых значений и научных понятий). Живое созерцание в данном контексте — это эмпирическое знание, включающее в себя как чувственные, так и смысловые-понятийные компоненты.

Во-вторых, практика в марксистском понимании не сводима к способности «разумного индивидуума» к отождествлению и различению предметов на основе набора наименований, которым он располагает. Такое индивидуалистско-номиналистское понимание познания и практики неизбежно ведет к агностицизму, как это показал уже «Трактат об ощущениях» Кондильяка. В марксистском понимании практика означает целенамеренную, материально-преобразующую деятельность, с обязательным включением «функционального» орудийного аспекта использования предметов и явлений. В. И. Ленин с полной отчетливостью демонстрирует это уже при разборе знаменитого примера Ф. Энгельса об ализарине.³⁹ В «Философских тетрадах» В. И. Ленин неоднократно подчеркивает, что практика — это целенаправленная деятельность, опосредствованная техникой. Он специально говорит о практике в свете движения познания к истине: «Истина есть процесс. От субъективной идеи человека идет к объективной истине *через* «практику» (и технику) ... Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине.»⁴⁰

³⁷ В. И. Ленин, т. 29, стр. 152.

³⁸ Там же, стр. 152—153.

³⁹ В. И. Ленин, т. 18, стр. 102—103.

⁴⁰ В. И. Ленин, т. 29, стр. 183.

Итак, диалектический подход к познанию, согласно взглядам В. И. Ленина, означает, что субъектом познания является активный, практически действующий, опирающийся на опыт предыдущих поколений, исторически-конкретный человек. Но это означает, вместе с тем, выход за рамки индивидуалистической схемы познания. Носителем знаний, «добытчиком» новых знаний является, кроме отдельных людей, также коллективный, исторический, реализующийся в ряде поколений социально-исторический субъект. Из многочисленных моментов, связанных с активностью такого субъекта, В. И. Ленин особенно выделяет следующие.

Во-первых, прогресс познания достигается благодаря развитию «формы» познания, т. е. логических средств и понятийного содержания науки.

Во-вторых, социально-исторический процесс познания представляет собою движение ко все более точным знаниям на основе диалектики объективной, абсолютной и относительной истины.

В-третьих, развитие познания достигается на основе социально-исторической практики, в которой определяющая роль принадлежит производственной деятельности и технологии.

В-четвертых, В. И. Ленин в различных контекстах подчеркивает активность социально-исторического субъекта познания, который не только отражает, но и преобразует мир в соответствии со своими целями. Но при этом необходимо учесть, что и цели человечества, и возможность преобразования мира базируются на объективных закономерностях мира.

Эти ленинские идеи особенно злободневны в настоящее время, в период взрывоподобного развития науки. Они касаются таких фундаментальных проблем методологии науки как проблема логических средств и языков познания, проблема дифференциации науки и единства человеческих знаний, проблема роли технических средств эксперимента и наблюдения в формировании и развитии научных теорий, проблема превращения науки в важнейший фактор социального прогресса.

*

Во многих случаях высказывания В. И. Ленина о социальной сущности познания являются как бы программными, они обращены на дальнейшую разработку марксистской теории познания.

Мы уже говорили, что процесс познания В. И. Ленин рассматривает в неразрывной связи с историческим развитием общественной практики и человеческих знаний. Принцип историзма подчеркивается им и в том случае, когда речь идет об единстве диалектики, логики и теории познания. В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин пишет: «А диалектика, в

понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.»⁴¹

Эту мысль об единстве диалектики и гносеологии на основе изучения исторического развития познания необходимо иметь в виду также при оценке знаменитого высказывания В. И. Ленина: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо 3-х слов: это одно и то же) материализма».⁴² Вопрос о том, идет ли речь об единстве, тождестве или еще каком-нибудь другом соотношении диалектики, логики и теории познания, неоднократно обсуждался в литературе. Как показывают дискуссии, центр тяжести проблемы лежит не в интерпретации «единства», «тождества» и т. д., а в том, как тот или иной автор представляет себе гносеологию, логику, диалектику. Эти представления зависят в значительной степени от процессов дифференциации в самой науке. Например, «логику» можно понимать как современную формальную логику, как традиционно-школьную формальную логику, как диалектическое учение о категориях мышления. В зависимости от этого видоизменяется и соотношение логики с диалектикой и теорией познания. Тем не менее, в ленинских высказываниях имеется важная общая основа, которую целесообразно иметь в виду при всех обсуждениях проблемы. О единстве (или совпадении или тождестве) диалектики и теории познания (в статье «Карл Маркс»), логики, диалектики и теории познания (замечания по поводу плана диалектики (Логика) Гегеля) В. И. Ленин говорит в связи с необходимостью диалектически обобщать историю науки и познания. В замечаниях по поводу плана диалектики (Логика) Гегеля он пишет: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход *естествознания и политической экономии* (и истории). Диалектика Гегеля есть *постольку* обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*. В логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления.»⁴³ Эту мысль В. И. Ленин приводит и в другом месте, говоря о том, что продолжение дела Гегеля и Маркса должно «состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и

⁴¹ В. И. Ленин, т. 26, стр. 54—55.

⁴² Там же, т. 29, стр. 301.

⁴³ Там же, стр. 298.

техники.»⁴⁴ И еще: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развитие всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира.»⁴⁵

Очевидно, можно вполне однозначно констатировать, что внутреннее единство логики, диалектики и теории познания мыслилось В. И. Лениным на основе изучения с позиции материалистической диалектики развития знаний в процессе социально-исторического познания. Это относится также к начертанию им предмета и задач теории познания. Перечисляя в «Философских тетрадах» те «области знания, из коих должны сложиться теория познания и диалектика»⁴⁶, В. И. Ленин включает сюда историю философии и вообще историю познания, историю отдельных наук. Но он не ограничивает задач теории познания только обобщением истории науки. Кроме того необходимо изучать также возникновение самого человеческого познания, сознания, психики, предысторию познания, материальные механизмы и закономерности отражения. Изучение умственного развития ребенка, изучение психического развития животных, история языка, психология и физиология органов чувств — эти области, по мнению В. И. Ленина, также должны стать фактической базой марксистской теории познания.

Ленинские наброски программы гносеологических исследований приобрели исключительно важное значение в связи с развитием науки в XX веке. Только на основе марксистско-ленинского учения о социально-исторической сущности познания возможна действительно научная разработка важнейших проблем гуманитарных наук, а также эффективная борьба против буржуазной идеологии.

Следует иметь в виду, что интерес к социально-исторической детерминации познания в немарксистской мысли значительно возрос со второй половины XIX века. Это было вызвано, в первую очередь, развитием конкретных наук. (Тут имеется известная аналогия с идеей развития, которая также проникла в буржуазную мысль через конкретную науку, биологию, однако — в одностороннем, извращенном виде). В результате бурного развития естествознания выяснилась относительность научной картины мира любой эпохи. В то же время в психологии, языкознании, этнографии накапливалось все больше данных, свидетельствующих о социально-исторической обусловленности повседневной картины мира.

⁴⁴ В. И. Ленин, т. 29, стр. 131.

⁴⁵ Там же, стр. 84; см. также стр. 80.

⁴⁶ Там же, стр. 314.

В буржуазной мысли XX века, как правило, признается социально-историческая обусловленность познания. Но осознание значения социальных факторов приводит немарксистских мыслителей очень часто к тому, что эти факторы, без которых вообще не может быть человеческой картины мира, превращаются в перегородку, отделяющую мир от человека. При этом односторонне абсолютизируются некоторые реальные моменты социального процесса познания. Если гносеологические корни идеализма вообще связаны с абсолютизацией известных моментов многостороннего, диалектического процесса познания, то в современных условиях все чаще обнаруживается, что *идеализм связан с абсолютизацией и неправильной интерпретацией известных моментов социального процесса познания*. Вот некоторые из таких тенденций, базирующиеся на абсолютизации некоторых реальных моментов социального процесса познания.

В конце прошлого и в начале нашего века ведущее место занимали концепции, которые подчеркивали роль социально-психологических факторов в формировании картины мира. Сюда относятся, например, «коллективные представления» Э. Дюркгейма, «партиципация» и «дологическое мышление» Л. Леви-Брюля, «душа народов» Г. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, «социальный мозг и психика» Г. Тарда, «сознание рода» Ф. Гиддингса, «архетипы» К. Юнга. Эти психологические концепции сохраняют в какой-то мере свое значение и в наше время.

Наряду с ними, особенно в результате учета современных данных эволюционной теории и кибернетики, появляются более широкие модели процесса познания, в которых психологический подход сочетается со структурно-функциональным и эволюционистским. Наиболее существенные изменения, по сравнению с биологически-редукционистскими и бихевиористскими моделями конца прошлого века, связаны с современными представлениями о наследственности и пониманием роли популяций в процессе эволюции, а также с использованием данных зоопсихологии, этологии, «зоосемиотики».⁴⁷

Важную роль в познании играют язык и знаковые системы. Они исследуются и превращаются в самодовлеющий фактор в английской лингвистической философии, в американской «общей семантике», в теориях лингвистической относительности.

В англо-американской «культурной антропологии» осознание социально-исторической детерминации картины мира привело к победе культурного релятивизма. Хотя в последнее время учащаются выступления против крайностей релятивизма, он про-

⁴⁷ См. наши статьи «О концепции «надорганического» в современной буржуазной литературе» и «О биологических предпосылках возникновения социальной памяти», Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по философии, XV, 1970.

должает пока что господствовать. Культурный релятивизм используется также идеологами негритуада, которые в теориях исключительности негро-африканского мышления сочетают черты учения о «дологическом мышлении», лингвистической относительности и культурного релятивизма.

Социально-историческая детерминация познания исследуется также социологией знания. Но социальность выступает здесь в качестве деформирующего («идеологического») фактора. Хотя многие представители социологии знания претендуют не только на исследование «идеологических искажений», но и общей социальной детерминации познания, в целом они склонны видеть в социальной фактор, искажающий некую «изначально правильную» картину мира.

Можно указать еще на другие односторонности, связанные, например, с осознанием громадного значения технологии в истории человечества, с современным состоянием теории антропогенеза и проблемой «мозгового Рубикона», с психологическими теориями личности и т. д. Все это свидетельствует о том, какое важное место занимает проблема социальной сущности человека, познания и сознания в современной идейной жизни.

*

Мы остановились только на некоторых наиболее существенных чертах ленинского учения о социальной сущности познания. Все они могут непосредственно применяться как для решения методологических проблем науки, так и для построения и развития марксистско-ленинской теории познания.

Во-первых, органическая связь ленинской теории отражения с материалистическим пониманием истории. Водораздел между марксизмом-ленинизмом и немарксистскими концепциями социальной лежит в материалистическом понимании истории. Только на основе материалистического понимания истории возможно раскрытие тех причинно-следственных отношений, на которых базируется единый процесс развития человеческого общества, культуры, психики, сознания и познания. Современные идеалистические, метафизические, вульгарно-материалистические извращения буржуазных мыслителей связаны, в первую очередь, с отказом рассмотреть человека в материальной социальной среде, а не с отказом от учета данных биологии или физиологии.

Во-вторых, ленинские идеи об активной роли социально-исторического, практически действующего субъекта познания. Они имеют принципиальное значение не только для общих гносеологических вопросов, но и для диалектико-материалистической разработки многочисленных проблем методологии научного познания.

В-третьих, ленинские идеи о задачах дальнейшей разработки гносеологии диалектического материализма. Положение о социально-исторической сущности познания занимает центральное место в ленинской программе гносеологических исследований. Это положение является важнейшим методологическим принципом для целого комплекса гуманитарных наук.

Поступила в редакцию
15-го декабря 1969 г.

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ МОДЕЛИ В СВЕТЕ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

Л. О. Вальт

Краеугольным камнем марксистско-ленинской теории познания является принцип отражения. Марксистская философия рассматривает отражение диалектически, исследуя соотношение различных уровней и форм отражения с объектом познания и друг с другом, выясняя их роль и место в процессе познания. «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракции, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. ... и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»¹. Эти слова Ленина в полной мере относятся к выработке и применению различных, а в первую очередь т. н. мысленных моделей в современной науке. Советские философы, исходя из теоретико-познавательных идей Ленина, добились в последнее десятилетие значительных успехов в исследовании сущности и гносеологических функций моделей (работы В. А. Штоффа, И. Б. Новика и ряда других авторов). Исследование гносеологических проблем моделирования в марксистско-ленинской философии вступило сейчас в такую фазу, в которой становится насущей потребностью систематический анализ их на материале исторического развития ряда отраслей знания (физики, химии, биологии, психологии и др.), а также и на материале истории некоторых прикладных и технических наук (учение о сопротивлении материалов, теория упругости и пластичности, например). Дальнейшая разработка логических и методологических аспектов моделирования должна шире опираться на анализ истории науки. Характеризуя общую диалектику развития человеческого познания, В. И. Ленин отметил: «Чрезвы-

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 163—164. (Далее мы ссылаемся только на данное издание сочинений В. И. Ленина, ограничиваясь указанием тома и страницы.)

чайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*. В логике история мысли **должна**, в общем и целом, совпадать с законами мышления»².

Модель как понятие теории познания определяется автором как реально существующий или воображаемый предмет, исследование которого дает информацию о другом объекте (оригинале, прототипе). Близкое к данному определение принято сейчас многими исследователями. Очевидно, как объект, так и модель являются в таком понимании системами; отсюда тесная связь проблем моделирования с системно-структурными исследованиями.

Однако до сих пор существует еще немало различных точек зрения о месте моделирования в структуре научного познания, в типологии моделей, в понимании соотношения модели с такими понятиями гносеологии, как отражение, образ, абстракция, идеализация и т. д. Тут многое еще нуждается в исследовании и уточнении. Нельзя, однако, принять концепцию (иногда высказываемую и в советской литературе), в которой фактически сводится на нет специфика моделирования: моделирование отождествляется с более широкими понятиями гносеологии (отражение, познание).

Строго фиксируемое соотношение двух объектов (подобие, изоморфизм, гомоморфизм, аналогия) является объективной основой моделирования как операции познания. Исходя из этого требования модель либо конструируется (в предметном или идеальном плане), либо выбирается (последнее нередко имеет место в биологии). Насколько удачным является создание или выбор модели, выясняется в конечном счете путем практической проверки, хотя некоторую помощь оказывают и теоретические эвристические критерии.

Соотношение модели и оригинала нередко характеризуется как изоморфизм их структур. Изоморфизм как отношение обладает свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности. Если модель изоморфна с оригиналом, то в силу симметрии факты, установленные на модели, могут быть переистолкованы как относящиеся к оригиналу. В силу транзитивности «свойство модельности» может переноситься с одного объекта на другой.

Полный изоморфизм (изоморфизм по всем отношениям) свойственен только моделям, которые имеют характер вещественного образцового экземпляра, представляющего класс тождественных на определенном уровне объектов. Но это значение термина «модель» не относится к моделированию как методу познания. Все другие виды моделей имеют в целом лишь гомоморфное соответствие с оригиналом, причем это понятие распространяется

² В. И. Ленин, т. 29, стр. 298.

и на соответствие объекта и мысленной модели. Процесс приближения наших знаний к абсолютной истине путем накопления относительных истин есть не что иное, как приближение соответствия содержания отражения и отражаемого к более полному изоморфизму через гомоморфизмы и приближенные изоморфизмы.³ В этой связи следует отметить глубоко философское содержание теоремы о гомоморфизмах.⁴ В случае гомоморфного соответствия структур двух систем (в данном случае оригинала и модели) элемент одной структуры (системы-модели) отображает не один элемент оригинала, а целое множество этих элементов. Это значит, что оригинал отображается на модели приближенно, с неполным различием состояний. В случае гомоморфного соответствия оригинала и модели существует такое упрощение оригинала, которое является изоморфным с моделью. Если это упрощение сохраняет главные, определяющие в данном отношении элементы и свойственную им структуру⁵, то мы имеем модель, которая истинно отражает отношения, свойственные оригиналу и которая в то же время отвлекается от второстепенных и побочных факторов, выделяет определенное явление в чистом виде. Марксистский диалектический метод является той нитью Ариадны, которая дает ученому возможность уверенно ориентироваться, чтобы идти, используя образное выражение Р. Беллмана, «...прямой и узкой дорогой между Западными Переупрощения и Болотом Переусложнения»⁶.

Модель как конкретное воплощение метода аналогии опирается на тождественность определенных сторон и отношений в двух объектах. Но развитие познания на этой основе возможно лишь тогда, когда кроме того отношения, которое служит основой аналогии, из модели вытекает еще другое отношение, предположение которого в действительности и является содержанием вывода по аналогии. Если же такого «свободного» отношения в модели не оказывается, то мы можем установить лишь факт аналогичности и ничего больше. Ясно, что подобная модель бесплодна как средство познания. (Близко к такой крайности стоит, например, модель ферми-газа в теории атомного ядра; из нее можно извлечь весьма мало выводов). С другой стороны, если «свободных» отношений в модели много, то она, вероятно, слиш-

³ О приближенных изоморфизмах см.: L. Apostel, *Towards the Formal Study of Models in Non-Formal Science*, — «Synthese», № 2/3, 1960, p. 141—145.

⁴ Формулировку этой теоремы см., например, в книге А. Г. Куроша «Лекции по общей алгебре», М., 1962, стр. 113—114.

⁵ Об определяющих элементах и упрощении сложных структур см.: В. И. Свидерский, *О диалектике элементов и структуры*, М., 1962, стр. 51—57 и 256—258 соответственно.

⁶ Р. Беллман, *Динамическое программирование*, М., 1960, стр. 11.

ком произвольна. «Слишком хорошая модель бесплодна, слишком отдаленная модель вводит в заблуждение»⁷.

Видимо, модель должна обладать некоторой, не слишком большой избыточностью по числу вытекающих из нее отношений над теми отношениями, которые служат для установления самого факта аналогичности.

В основе построения модели всегда лежит ограниченное количество экспериментальных и теоретических данных. Модель не может быть построена однозначным образом; она определена лишь с точностью до изоморфизма. В процессе углубления наших знаний, по мере того, как включаются в анализ и моделирование все большее количество свойств объекта — оригинала, класс возможных моделей сужается и в то же время повышается их адекватность. История физики дает огромное количество замен одних моделей другими. Неадекватность модели обнаруживается при выходе за пределы того ограниченного опыта, на основе которого она была построена. Интересно отметить, что на некоторых ограниченных этапах развития науки даже принципиально неправильные модели могут играть положительную роль.

Представление о мировом эфире было основой классических работ Френеля и Юнга по волновой оптике. Модель течения теплорода была исходным пунктом в исследованиях Фурье и Карно по термодинамике. Полученные ими результаты сохраняют свое значение и в настоящее время, хотя модели, на которые они опирались, противоречат современной физике. Такого рода «инвариантность» теории по отношению к модели пытаются использовать субъективные идеалисты в качестве аргумента для опровержения «метафизики» (т. е. признания независимой от сознания объективной реальности) и для обоснования концепции «чистого описания» и конвенционализма. Однако указанная «инвариантность» отнюдь не говорит в пользу субъективного идеализма, а свидетельствует о том, что в наших знаниях, в теории, даже неполной и ограниченной, есть независимая от субъекта и способа познания объективная истина. Тот факт, что теория может быть построена, опираясь на неадекватную в конечном счете модель, вовсе не значит, что разум предписывает законы природе. Дело в том, что возможен широкий класс моделей, каждый из которых в определенных пределах соответствует исследуемому явлению. Единственным критерием, который может дать решающий ответ в деле выбора модели или метода ее усовершенствования, является соответствие модели и действительности, раскрываемое практикой.

⁷ R. A. Hinde, Models and Concept of «Drive», — «The British Journal for Philosophy of Science», vol. VI, № 24, p. 323.

Неадекватность модели может проявляться двояким образом. Во-первых, она может быть обусловлена тем, что то упрощение объекта, которое является изоморфным с данной моделью, слишком схематично, т. е. оно не охватывает тех элементов и связей объекта, изучение которых уже стало насущной потребностью практики. В этом случае модель необходимо дополнить, ввести в нее новые элементы, отображающие те стороны объекта, от которых раньше отвлекались. При этом оказывается, что одна из возможных моделей допускает такое расширение естественным образом, а другая — нет. Модели, изоморфные между собой на одном уровне наших знаний, будучи на этом уровне эквивалентными отображениями оригинала, на более глубоком уровне уже не являются таковыми. Отсюда получается объяснение уже отмеченному нами сужению класса возможных моделей при углублении исследования.⁸

Во-вторых, неадекватность модели может быть связана с тем, что она не передает изоморфно некоторое кардинальное отношение. Попытки дополнения такой модели могут вести только к кажущимся успехам; рано или поздно приходится отказать от таких моделей. Напомним в этой связи историю моделей эфира. Они не могли дать удовлетворительного объяснения (и даже описания) электромагнитных процессов в конечном счете потому, что они все были неизоморфны с действительностью уже на самом низком уровне — «уровне существования», так как того реального объекта, моделями которого они мыслились, просто не существует в природе.

Возможность выделения при моделировании одной стороны, одного аспекта исследуемого явления имеет онтологическую основу в самой структуре реального мира, в его расчлененности на структуры разного порядка. Относительная самостоятельность элементов в структуре дает возможность отвлекаться в определенных пределах от их собственной внутренней структуры, так как эта структура не очень значительно сказывается на том уровне организации материи, куда исследуемый объект входит как относительно целостный, неизменный и автономный. Например, химическая структурная формула изоморфно отображает состав молекулы и способ связи атомов в ней. На уровне химии

⁸ Тут законно поставить вопрос: всегда ли возможно такое дополнение? Если речь идет о воображаемой модели, элементы которой почерпнуты из чувственно непосредственно воспринимаемого мира и интерпретируются в их первоначальном значении, то ответ на данный вопрос отрицательный, если объект исследования относится к онтологически иному миру (например, к микромиру) (См. об этом в книге В. П. Бранского «Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике», Ленинград, 1962, часть III, глава I). В общем случае, по нашему мнению, возможности отражения действительности в воображаемых моделях более широки благодаря перетолкованию, переосмысливанию элементов такой модели по сравнению с их генетическим образом.

атом выступает как относительно неизменный «элемент», что позволяет во многих проблемах отвлекаться от его собственной структуры и оперировать символом атома. Но как только возникает вопрос о природе химической связи, мы вступаем в такую область, где уже необходимы модели, учитывающие структуру по крайней мере внешней электронной «оболочки» атома.

Наличие изоморфного на определенном уровне соответствия двух объектов — объективная предпосылка того, чтобы один из них мог бы выступать в качестве модели другого; но этот объект будет моделью лишь в той мере, в которой он будет включен в ход познания как особый «квазиобъект», исследуемый с целью получения информации о другом объекте. В этом плане модель — средство познания. Конечно же, модель имеет и другие аспекты, в частности она и выражение предварительного знания (она связана с существующей теорией, зависит от «стиля мышления», принятой в данной науке в данный момент, содержит определенную гипотезу и т. д.). Но здесь существенно подчеркнуть, что описание моделирования исключительно в понятиях изоморфизма и гомоморфизма уместно только на том уровне абстракции, на котором можно отвлекаться от процесса создания и «функционирования» модели, и рассматривать только соотношение модели и оригинала (т. е. на том уровне абстракции, где деятельность субъекта познания специально не исследуется). Основная структура моделирования является не двухэлементной (объект и модель), а трехэлементной (объект, субъект и модель). Без субъекта модели нет, есть лишь онтологическая основа создания (герр. выбора) модели. Это полностью соответствует общей диалектической расчлененности познания, которую абстрактно уловил Гегель и выразил на языке материалистической диалектики В. И. Ленин: «Тут, действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека, . . . 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc.»⁹.

Нет полного единодушия в том, какие модели могут рассматриваться в качестве гносеологических образов и свойственно ли моделям истинностное значение. В. А. Штофф считает, что не только идеальные, но и материальные модели являются гносеологическими (но, разумеется, не психологическими) образами¹⁰, и понятие истинности распространяется на любые модели. При этом он исходит из широкого понимания истинности

⁹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 164.

¹⁰ См. В. А. Штофф, Ленинская теория отражения и некоторые философские вопросы моделирования, В сб.: «Ленинский этап в развитии марксистской философии (К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). Материалы научной конференции (вып. 1), Ленинград, 1969, стр. 59—76, см. также: В. А. Штофф. Моделирование и философия, 1966, глава 8.

как соответствия знания (или отражения) действительности. В этом плане истинностным значением обладают многие формы и уровни отражения, начиная от ощущений и кончая мировоззрением. Но проблема отражения действительности в модели может рассматриваться и с точки зрения более узкой концепции истинности, по которой истинностное значение свойственно только суждениям. В этом случае адекватность модели освещается с новой стороны.

Раскрывая диалектику процесса познания, В. И. Ленин писал: «Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельностью», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»¹¹ При исследовании сложных объектов одна модель может отражать лишь некоторые стороны объекта, его отдельные проявления в упрощенных условиях, вне ряда действительных связей и т. д. Если объект исследования онтологически отличается от базиса познания или же модель охватывает узкий аспект объекта (а так бывает весьма часто), то требуется множество комплементарных моделей, каждая из которых со стороны познания коррелируется с определенной проблемой, а со стороны объекта — с его частным проявлением. При этом появляются противоречия между различными комплементарными моделями (например, между моделями «независимых» и «коллективных» частиц в теории атомного ядра). В силу этих противоречий синтез полученных знаний вырастает в самостоятельную, специфическую проблему. Если истинность рассматривается как свойство, присущее комплементарным моделям, то неизбежны затруднения с упорядочением их в смысле приближения к абсолютной истине, хотя нет никакого сомнения в том, что в этих моделях есть объективное содержание. Более того: сама противоречивость комплементарных моделей имеет объективную основу, но нельзя все же усмотреть в этой противоречивости непосредственное отражение имманентных противоречий объекта познания. Мысленные модели, в том числе и комплементарные, суть отражения действительности, но не непосредственные, а многоступенчато опосредованные (через чувственные формы познания, абстракцию, идеализацию, «вторичную наглядность» и т. д.). Если модель рассматривается в эвристической функции (как средство получения нового знания), то неуместно говорить о ее истинности или неистинности, а только о ее адекватности или неадекватности по отношению к данному объекту и данной проблеме. Постановка проблемы и выбор модели, конечно, в определенных пределах подвластны субъекту, но в конечном счете и они детерминируются объективным миром. Их субъективность однопорядковая с субъективностью понятий:

¹¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 164.

«Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹². «Свобода» субъекта сводится здесь к возможности испытания различных подходов.

Итак, одна из познавательных функций моделей проявляется в связи с решением проблем (вопрос о роли моделей в постановке проблем требует самостоятельного обсуждения). Модель М объекта О адекватна по отношению к проблеме П тогда и только в той мере, в какой она продуцирует в процессе познания в качестве решения проблемы истинные суждения, подтверждаемые практикой. В той мере, в которой модель продуцирует ложные суждения, она неадекватна. Такая трактовка не противоречит понятию истинности в широком смысле. Истинность — всегда бинарное отношение, а адекватность — отношение тернарное: объект — проблема — модель.

* *
*

В постановке проблемы, в создании модели и исследовании ее проявляется активность субъекта в процессе познания. В понимании активности субъекта происходит острая борьба марксистов против различных форм идеализма и против ревизионистского уклона.

Современные противники теории отражения из лагерей ревизионизма и откровенного субъективного идеализма не располагают какими-либо существенно новыми аргументами. Утверждается, например, что понятие отражения якобы исключает всякую познавательную или даже практическую активность, оно приводит фатальным образом к созерцательности, пассивности. Так, например, югославский философ Г. Пётрович пишет, что теория отражения несовместима с марксистской трактовкой человека как деятельного творческого существа, а теория познания, которая исходит из идеи ленинских «Философских тетрадей», может быть теорией отражения только чисто номинально¹³.

Основы диалектико-материалистической теории отражения заложены Марксом и Энгельсом. «Все идеи извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные»¹⁴. Противопоставление же отражения и активной познавательной деятельности субъекта как взаимоисключающих друг друга на чисто игнорирует большую марксистскую литературу, показывающую активную природу отражения на разных уровнях по-

¹² В. И. Ленин, т. 29, стр. 190

¹³ См. G. Petrović, *Dialectical Materialism and the Philosophy of Karl Marx*. — «Praxis», № 3, 1966, p. 332—335.

¹⁴ К Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 629.

знания¹⁵. Отражение мира человеком всегда имеет активную сторону; пассивным оно изображается лишь на том уровне абстракции, где рассматривается лишь соответствие образа и объекта и совершенно отвлекаются от того, как отражаемое переходит в отражение, в частности, от того, как создаются и функционируют в процессе познания модели разного рода.

Одна из вечнозеленых форм метафизики, открывающей путь к идеализму в теории познания — это сведение гносеологии к какому-либо новому и модному ее источнику, т. е. к частной науке, которая в данный момент располагает существенно новым и важным для дальнейшей разработки теории познания материалом. Теория познания — это определенный концентрат всего исторического опыта человеческого познания. Все науки вносят сюда определенную, но далеко не равную лепту. Несомненно, роль таких наук, как физиология органов чувств (на это, в частности, обратил внимание В. И. Ленин) или, скажем, кибернетики исключительно велика. Но глубоко ошибается тот, кто надеется найти в одной области знания ключ для построения теории познания в целом. При таком подходе реальное богатство новой отрасли знания остается в значительной степени неиспользованным, а «новое» в теории познания сводится к тривиальному переводу гносеологических положений на язык частной науки или даже к чисто терминологической эквилибристике. В. И. Ленин показал подобное явление на примере «психофизиологической теории познания» Т. Цигена: вся оригинальность цигеновского берклианства сводится к новому понятию «редуцированных ощущений»¹⁶. Таким же путем идет в наши дни западно-германский философ Г. Стаховяк¹⁷ — с той лишь разницей, что предлагаемая им реформа гносеологии заключается в сведении ее к кибернетике. Стаховяк признает неудовлетворительным «традиционный путь» — философский анализ идей, понятий и методов кибернетики — и ставит своей целью построение кибернетической теории познания. Последняя мыслится Стаховяком не как теория, учитывающая то новое, что дала кибернетика для понимания процесса познания, а как теория, в которой кибернетический подход становится непререкаемой нормой и делает по существу излишними все другие аспекты анализа познавательной деятельности. И вот первый осязаемый плод этой «новейшей» концепции: «Вопрос о том, должны ли ощущения

¹⁵ Из последних см., напр., А. Н. Леонтьев, Понятие отражения и его значение для психологии, XVIII международный психологический конгресс 4—11 авг. 1966 года, Москва, 1969, стр. 7—20; Ю. К. Наумов, Активность субъекта в познании, Москва, 1969; Ленинская теория отражения и современность, София, 1969, раздел второй.

¹⁶ См. В. И. Ленин, т. 18, стр. 234.

¹⁷ H. Stachowiak, Denken und Erkennen im kybernetischen Modell, Wien—N. York, 1965.

всегда быть ощущениями чего-нибудь», т. е. должны ли они иметь «существующий само по себе реальный субстрат» — эта как философская проблема может быть в этой связи исключена»¹⁸. Вывод слишком уже знакомый, в комментариях он не нуждается. Намечаемая Стаховяком теория должна «освободить современных гносеологов от затруднений, в которые они попали в результате 200-летней дихотомизации так называемой совокупной действительности на гипостазированные суперкатегории «мышления» и «бытия»¹⁹. В случае физических моделей, по мнению Стаховяка, все идет в этом направлении: ничего, мол, не говорится о материальном содержании, исключаются все привычные представления о субстанции, изображаются только лишь «формальные порядки»²⁰. Настолько же все это близко к идеям «исчезновения материй», раскритикованным Лениным! Выдвинутые Лениным аргументы столь же действенны и против современных идеалистических спекуляций. В то же время — опять-таки следуя указаниям Ленина — следует учесть и использовать те рациональные зерна, которые содержатся в работах буржуазных мыслителей. В частности, Стаховяк дает интересную кибернетическую схему некоторых аспектов продуктивного мышления, высказывает ряд соображений относительно классификации моделей и т. д.²¹

Изменение роли моделей при переходе от классической физики к квантовой идеалисты стараются повернуть против материалистической теории отражения. Такую линию проводит, например, неокантианец Ф. Каульбах. Он пишет, что в классической физике модели понимались «реалистично», т. е. рассматривались как приближенные отражения объективно существующих вещей. Но современная физика, по Каульбаху, «не придерживается догматически такого реализма»²². Подвергая критике метафизический материализм, Каульбах выдает его за материализм вообще. Цель Каульбаха — доказать, что теория отражения несовместима с современной физической наукой и она в наши дни — просто анахронизм, «рецидив реализма». На этом же настаивает воинствующий агностик Э. Мей.²³ Он начинает с «критики наивной теории науки», которая полагает, что действительность сама по себе, т. е. независимо от восприятия и по-

¹⁸ H. Stachowiak, *Deuken und Erkennen im kybernetischen Modell*, Wien — N. York, 1965, стр. 4.

¹⁹ Там же, стр. 186.

²⁰ Там же, стр. 212.

²¹ H. Stachowiak, *Gedanken zu einer allgemeinen Theorie der Modelle*, — «*Studium generale*», 1965, Hf. 7.

²² F. Kaulbach, *Die Anschauung in der klassischen und modernen Physik*, — «*Philosophia naturalis*», 1958, № 1, S. 69.

²³ E. May, *Zur Entwicklung der Prinzipien und Grundmodellen des wissenschaftlichen Denkens*. In: «*Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache in geistigen Sein*», Berlin, 1958, S. 416—424.

знания, в чем-то сходна с картиной мира, даваемой наукой. Что касается моделей, то их создание, по Мею, ведет лишь «к многочисленным ошибкам и путаницам». Мей развивает своеобразный агностицизм, утверждая, что мир в любых своих проявлениях настолько сложен, что никакая модель не способна отобразить его даже приближенно. Но если дело обстоит действительно так, то в чем же вообще заключается смысл научного познания, в частности, построения мысленных моделей? Для того, чтобы понять это, по утверждению Мея надо «... избавиться от старой реалистической теории отражения»²⁴. Тогда, — объясняет Мей, — станет ясно, что модели — это элементы порядка, вводимого познающим субъектом в поток поступающих чувственных данных: модели, как и принципы науки — произвольное творение ума. По Мею, «... задача моделей состоит не в том, чтобы отражать многообразие какой-то предметной области, а в том, чтобы создать в этом запутанном и само по себе необозримом многообразии твердую почву и порядок»²⁵. Тут налицо кантианское раздвоение мира и отрицание какого-либо соответствия между познанием и объективным миром. В субъективно-идеалистической гносеологии сам процесс создания модели выступает как способ «конструирования мира». Эддингтон, один из наиболее сильных литераторов среди апологетов субъективного идеализма, приводит следующее сравнение. Человек, познавая «мир», кладет его на гносеологическое ложе Прокруста. Однако, говорит Эддингтон, конец истории о Прокрусте малоизвестен: он измерял по утрам уходящих гостей и написал на основе полученных данных научный труд «О константной длине путешественников» для ученых записок антропологического общества Атики»²⁶.

Большинство естествоиспытателей капиталистических стран противопоставляет идеалистическому пониманию моделей стихийно-материалистическое. Известный голландский ученый Д. ван Дантциг в ряде работ изложил материалистическое в основном толкование мысленных моделей. В частности, он подверг критике раздвоение мира на «мир в себе» и «мир для нас», приводимое в книге Эддингтона «Природа физического мира». По Эддингтону, наука имеет дело только с миром чувственных впечатлений и она абсолютно некомпетентна в вопросах, относящихся к реальному миру. Ван Дантциг показал, что Эддингтон необоснованно отождествлял конструирование модели и научной теории в целом с конструированием самого мира. Ван Дантциг не без

²⁴ E. May, Zur Entwicklung der Prinzipien und Grundmodellen des wissenschaftlichen Denkens. In: «Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache in geistigen Sein», Berlin, 1958, S. 422.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: E. Hunger, Von Demokrit bis Heisenberg, Braunschweig, 1958, S. 46.

иронии отмечает, что если последовательно придерживаться взгляда Эддингтона, то и он (т. е. сам Эддингтон) станет перед нами в двух экземплярах: один — субстациональный, другой — иллюзорный. Ван Дантциг показывает, что данные измерения бессмысленны, если они не интерпретируются как характеристики реального мира. «Как бы ни важно для шкипера падение барометра, он намного больше обеспокоен самим тайфуном»²⁷. В работах Д. ван Дантцига наряду с суровой критикой как субъективного идеализма, так и крайнего рационализма дан анализ процесса развития научной теории, включающий и построение все более адекватной модели²⁸.

Познавательная ценность любой модели зависит от того, насколько полно в ней отражены существенные черты исследуемого явления. Мысленная модель является единством научной абстракции и наглядного образа; это — специальное представление, к которому мы приходим главным образом со стороны абстрактного мышления. В современной физике роль абстракции в моделях значительно возрасла, но это никак не означает, что они произвольные конструкции ума, за которые их пытаются выдавать философы — идеалисты.

²⁷ D. van Dantzig, *General Procedures of Empirical Science*, — «Synthese», № 9/10, 1947, p. 445.

²⁸ См. ук. соч., а также его работу «Het wiskundige Modell in Ervaringswetenschappen», — «Euclides», 1953, N 29, S. 39—41.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

У. О. Ури

Проблема объективности законов природы и общества основательно разработана классиками марксизма-ленинизма. Особенно большой вклад в этой области внесен в философию В. И. Лениным. Его наследие глубоко изучается современным поколением философов диалектического материализма и используется как острейшее оружие борьбы против идеализма. Наши главные усилия направлены при этом прежде всего против субъективно-идеалистических взглядов, критика которых является наиболее актуальной. В то же время наблюдается известная недооценка опасности объективного идеализма, что в ряде случаев приводило, на наш взгляд, к не совсем четким формулировкам. В данной статье предпринимается попытка критики таких формулировок. Если сказанное нами сможет представить некоторую основу для обсуждений, в ходе которых оно будет опровергнуто более глубокими аргументами, то и в таком случае работа, как мы надеемся, не будет совсем напрасной.

В своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин писал: «Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам. Но они, эти законы, не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий»¹ (Подчеркнуто мною — У. У.).

¹ В. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, М., 1952, стр. 5—6.

В силу ряда обстоятельств эта точка зрения стала в свое время общепринятой и по инерции повторяется по сей день, хотя и все реже: «Закон не уничтожается, а теряет силу. На это обстоятельство указывает тот факт, что закон может снова начать действовать, если восстановятся условия и отношения, на базе которых он действовал»²; «... законы природы и общества действуют на базе определенных условий, с исчезновением которых одни законы сходят со сцены, ...»³. Эта концепция может быть выражена и другими словами: «Законы с неизбежностью проявляются, вступают в действие там и тогда, где и когда созревают соответствующие необходимые для их действия условия. Земля, например, существует примерно 5—6 миллиардов лет, однако биологические законы вступили в действие на ней гораздо позже — с появлением первых живых существ, а законы общественного развития — и того позже — около миллиона лет тому назад. Законы же развития социалистического общества начали действовать совсем недавно — с победой Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года»⁴. Начать действовать может лишь то, что существовало до этого, хотя и не действовало, иначе мы говорили бы о возникновении. Следовательно — по концепции автора — закон имеет две формы существования: форма действующего закона («на сцене») и форма недействующего закона («за сценой»). Если же заменить слова «вступили в действие» словом «возникли», то все станет на свое место. Именно так выражаются естествоиспытатели: «Переход от животных предков человека к человеку безусловно означал снятие закономерностей, господствующих в эволюции этих животных предков, и возникновение новых закономерностей».⁵

Слабость изложенной формулировки в том, что она интерпретируема и в духе объективного идеализма. Раз имеется «сцена», то должно быть также «помещение за сценой», куда «потерявший силу актер» уходит отдыхать и откуда он после отдыха может вернуться; конкретный закон превращается в проявление «закона вообще», существовавшего вне материальной действительности. На самом деле такой вывод не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, так как противоречит положению об историческом характере законов природы и общества.

В основе отмеченной неточности лежит то обстоятельство, что авторы критикуемых формулировок как бы забывают, что за

² В. П. Тугаринов, Законы объективного мира, их познание и использование, Л., 1955, стр. 76.

³ Ж. Туленов, Закон как философская категория, Алма-Ата, 1959, стр. 38.

⁴ В. Г. Афанасьев, Понятие закона в марксистско-ленинской философии, — «Вопросы философии», 1963, № 9, стр. 151.

⁵ Л. Ж. Давиташвили, Вопросы методологии в изучении эволюции органического мира, Тбилиси, 1968, стр. 146.

словом «закон» скрываются два⁶ связанных, но не тождественных понятия: объективный закон и закон науки. Классиками же марксизма-ленинизма, особенно В. И. Лениным, это различие очень четко и последовательно проводится. И если с самого начала не делать этого, тогда нельзя понять ни исторического характера закона, ни отношения человека к закону.

Существование конкретного объективного закона природы или общества предполагает наличие необходимых условий (составляющих в совокупности необходимо-достаточные условия данного закона). Эти условия неразрывно связывают бытие закона с материальным субстратом. Вопрос «Мыслим ли закон без материи?» имеет такой же отрицательный ответ, как вопрос, «Мыслимо ли движение без материи?». Как результат зависимости от своих необходимых условий бытие конкретного объективного закона ограничено пространственными и временными границами. Лишь универсальные законы не имеют таких границ.

Если мы говорим о существовании или несуществовании закона, надо прежде всего ответить на вопрос «где?», уточнить фон; иначе рассуждение теряет свой смысл. Человечеству этот фон дан в виде Земли. «Вся наша официальная физика, химия и биология исключительно геоцентричны, рассчитаны только для Земли»⁷. Шаг за шагом наука выходит из этого фона и выясняет, существуют ли «Земные законы» также вне Земли и где именно. Не везде и не всегда это так. Ф. Энгельс пишет: «Что вода при температуре от 0° до 100°С жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должно быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На Луне вовсе нет воды, на Солнце имеются только составляющие ее элементы, и для этих небесных тел указанный закон не существует»⁸. И наоборот, мы узнаем постепенно законы, которые на Земле не существуют. «Химия Солнца только еще нарождается, и она по необходимости совершенно иная, чем химия Земли; она не отменяет последней, но находится вне ее»⁹. Такие законы могут существовать на Земле только как законы науки.

Существование объективного закона имеет и временной аспект. Законы имеют только относительно устойчивый (исторический) характер. Движение является атрибутом материи — каждое явление когда-то возникает и когда-то исчезает. Это относится и к тем явлениям, которые составляют необходимые усло-

⁶ В данной работе не изучается юридический закон.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 553. (Далее: К. Маркс и Ф. Энгельс, т., стр.).

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 553.

⁹ Там же.

вия того или иного закона. С исчезновением необходимых условий закона (хотя бы одного из них) исчезает и закон данной предметной области. Он не «сходит со сцены», а просто прекращает существование. Это возможно как в актуальном, так и потенциальном плане. Если на данном фоне какой-либо класс явлений, выступивший в отношении определенного закона как его необходимое условие, вообще прекращает свое существование, то и данный закон исчезает даже в потенциальном плане.

Иначе обстоит дело с существованием законов науки.

Законы науки являются отображением объективных законов и как таковые вторичны по отношению к последним. Они возникают как результат открытий. Но раз возникнув, они приобретают в своем существовании относительную самостоятельность.

В пространственном плане существование законов науки ограничено рамками той системы, которая является носителем идеального. Нам пока известна только одна такая система — человеческое общество (этим, конечно, не отрицается возможность существования других цивилизаций). Живет оно на Земле, и в этом аспекте законы науки носят только земной характер. Утверждение, что и объективные законы являются исключительно земными было бы ошибочным, хотя некоторые объективные законы по всей вероятности и являются исключительно земными. Фоны существования законов науки и объективных законов могут быть абсолютно различными. Если бы человечество, например, открыло существование жизни на Марсе, то специфические объективные законы этого явления были бы марсианскими, а законы науки — земными, точнее — человеческими.

Во временном аспекте законы науки возникают в момент открытия и продолжают свое существование в общественной памяти человечества. Они могут продолжать свое существование и после исчезновения объективного закона на данном фоне и быть открытыми спустя долгое время после его исчезновения. Объектами некоторых наук являются именно, хотя и не исключительно, такие законы (палеонтология, история и т. п.). Как свидетельствует развитие человеческого познания, возникновение закона науки может в некоторых случаях (когда улавливается тенденция развития) также опередить возникновение объективного закона.

Итак, существование закона науки во многом отличается от существования объективного закона. Если абсолютизировать специфические черты существования законов науки и переносить их на законы природы, то возникает иллюзия о неуничтожимости закона природы и возможности его существования «за сценой», ведь «абстракция, категория, взятая как таковая, то есть оторванная от людей и их материальной дея-

тельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной»¹⁰.

Эту ошибку можно называть «путанием идеи и вещей»¹¹. Вполне оправдан вопрос, почему она происходит, почему: «законы, абстрагированные из реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразоваться»¹². Эта ошибка имеет свои гносеологические корни. Гегель пишет: «Сознание, следовательно, в опыте имеет бытие закона, но точно так же оно имеет его как понятие, и только в силу обоих обстоятельств, вместе взятых, закон для него истинен; . . .»¹³. Это так: связь действительности принимается нами как закономерная лишь тогда, когда мы имеем «понятие закона». В конкретном акте познания «понятие закона» предшествует отражению конкретной закономерной связи. Возникает иллюзия, что «понятие закона» первично, а конкретная закономерная связь является лишь его проявлением. Именно таков вывод Гегеля, ведь он продолжает: «. . . закон имеет силу закона потому, что он проявляется в явлении и в то же время в себе самом есть понятие»¹⁴. Такая точка зрения является ошибочной, поскольку само «понятие закона» (т. е. определенный закон науки) принимается как данное, как бы вечно существующее. К. Маркс критикует Прудона за аналогичную ошибку: «Вместо того, следовательно, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции действительных, переходящих исторических общественных отношений, г-н Прудон, мистически извращая вопрос, видит в действительных отношениях лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира»¹⁵. Но это не так: «понятие закона» есть продукт диалектического развития познания в прошлом, оно есть лишь отражение (более или менее истинное) объективных связей, и как таковое вторично.

Формулировки, согласно которым законы «не уничтожаются, а теряют силу и сходят со сцены», могут существовать в форме «действующих и недействующих законов» и т. п. встречаются в настоящее время все реже и их критика была бы даже излишней, если они не лежали бы в основе более развернутой и укрупнившейся концепции объективности законов. Она излагается

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 27, стр. 409.

¹¹ Там же, стр. 403.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 38.

¹³ Гегель, Соч., т. IV, М., 1959, стр. 135. (Далее: Гегель, т., стр.).

¹⁴ Гегель, т. IV, стр. 135.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 27, стр. 407.

в виде следующих четырех тезисов: 1. Законы природы и общества действуют независимо от того, познаны они нами или нет. 2. Они действуют независимо от того, желательно ли их действие для нас или нет. 3. Человек не может создавать или уничтожать их. 4. Люди могут успешно осуществлять лишь то, что соответствует законам природы и общества. Впервые эта концепция в такой целостной форме была выдвинута В. П. Тугариновым в его монографиях «Об объективном характере законов природы и общества» (с 1954 года) и «Законы объективного мира, их познание и использование» (с 1955 года). С тех пор она повторялась в трудах многих авторов. В подтверждение ее живучести можно сослаться на автореферат докторской диссертации Дж. Ахмедли¹⁶ (с 1965 года), на статью Д. Зиду «Ленинское учение о законах науки»⁵⁷ (с 1968 года) и на статью К. Жуламанова «Марксистско-ленинское понятие закона»¹⁸ (с 1968 года).

Эта концепция, содержащая много истинного, требует, на наш взгляд, некоторого уточнения. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в рассматриваемой концепции объективность трактуется не только как существование вне и независимо от человека и человечества, но и как то, что человеческая деятельность даже в принципе не может ни изменить, ни уничтожить, ни создать. Ни один марксист-ленинец не принимает всерьез мнения, что объективность материи означает неизменяемость или несоздаваемость конкретной материальной вещи или даже целого класса вещей. Почему же объективность закона должна быть истолкована противоположным образом? Не ведет ли это к логическим противоречиям? Ведь мы признаем: 1) возможность изменения, создания и уничтожения вещи и класса вещей; 2) что закон есть класс связей; 3) что связь не может существовать без связанных сторон, т. е. вещей. Каким образом согласовать эти предпосылки с признанием «абсолютной неприкосновенности» закона?

В этом, между прочим, и слабость следующего аргумента: «Подобно тому, как нельзя уничтожить или создать материю, невозможно уничтожить или создать объективные законы ее движения»¹⁹. Но из неуничтожимости (или *vice versa*) материи не следует неуничтожимость конкретной вещи или класса вещей. В этом случае исключалось бы движение как атрибут материи.

¹⁶ См.: Дж. Ахмедли, Категория закона в материалистической диалектике, Автореферат докторской диссертации, Баку, 1965, стр. 33.

¹⁷ См.: Д. Зиду, Ленинское учение о законах науки, — «Коммунист Молдавии», 1968, № 5, стр. 67.

¹⁸ К. Жуламанов, Марксистско-ленинское понятие закона, В кн.: Проблемы философии. Алма-Ата, 1968, стр. 57.

¹⁹ В. Г. Афанасьев, Понятие закона в марксистско-ленинской философии, — «Вопросы философии», 1963, № 9, стр. 151.

Из неуничтожимости (или *vice versa*) всеобщей закономерности не следует неуничтожимость специфического закона определенной предметной области.

Но проанализируем подробнее вышеизложенную концепцию.

1) Правильен ли тезис, согласно которому «законы природы и общества действуют независимо от того, познаны они или нет»? Да, он является правильным — только от знания в действительности ничего не изменится. Но если же знание рассматривается как элемент целевого отношения, как исходная и управляющая сторона деятельности, то она «превращается в материальную силу». Решение проблемы этого аспекта конкретизируется в ходе анализа последующих тезисов.

2) Справедливо ли, что законы природы и общества «действуют независимо от того, желательно ли их действие нам или нет»? Когда разговор идет только о желании (безразлично, сопровождается оно знанием или нет), то и данный тезис правилен. Только от одного желания таким же образом ничего не изменится. Но желание характеризуется стремлением переходить в деятельность, и если оно сопровождается знанием путей достижения своего предмета (и наличием средств), то оно и переходит в действительность.

Решение этого вопроса также конкретизируется в ходе анализа третьего тезиса, где мы постараемся показать, как соотносятся целенаправленная деятельность человека, с одной стороны, и «неприкосновенность» закона, с другой стороны.

3) Правильно ли, что люди «не могут ни создать, ни уничтожить законы»?

Прежде всего констатируем, что эта точка зрения, хотя и поддерживается многими, уже не является единственной. Против нее выступают отдельные философы — Ю. А. Жданов, А. Д. Сабо; экономисты — Я. Кронрод; она прямо или косвенно оспаривается видными естествоиспытателями — академики К. Скрябин, Г. М. Франк, В. А. Энгельгард. В наиболее сжатой форме выражает это Я. Кронрод: «Используя законы, люди направляют свои действия на преобразование объективных условий своей жизни и тем самым условий действия законов, создают почву для возникновения новых законов и отмирания старых законов и т. д.»²⁰

Приступим к изложению собственной точки зрения.

А) При наличии определенных условий возникает вполне определенная закономерная связь как элемент некоторого закона; она не может при наличии этих условий не возникнуть или быть чем-то иным. Например, каждый раз, когда тело свободно

²⁰ Я. Кронрод, Объективный характер экономических законов и хозяйственная деятельность социалистического общества. — «Вопросы экономики», 1968, № 7, стр. 91.

падает, его падение представляет собой прямолинейное равномерно ускоренное движение; скорость v этого движения изменяется равномерно, т. е. $v = gt$, где t — время и g — ускорение силы тяжести, постоянное для данного места. Если словами «человек не может ни уничтожить, ни создать закон», хотя и сказать только это, то никаких споров нет и быть не может. Именно так мы истолковываем соответствующее выражение К. Маркса: «законы природы вообще не могут быть уничтожены».²¹ В этом смысле любой закон природы и общества является вечным законом и человек действительно не может его ни уничтожить, ни создать. Когда уже дана некоторая предметная область, определенные объективные условия, в ней могут действовать только определенные законы (законы возникают из природы, из сущности вещей), абсолютно независимые в этом отношении от сознания, воли и действия человека. Человеческая деятельность сама может быть успешной лишь тогда, когда она учитывает, что: «... необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой: ...»²².

Так что в этом аспекте рассматриваемая концепция является истинной и не вызывает возражений. Но нет ли других аспектов?

Б) Может ли объективный закон возникнуть или исчезнуть стихийным образом? Да, может. Но, конечно, не в том смысле, что при одних и тех же условиях некоторая закономерная связь то возникает, то исчезает, а в том смысле, что сами необходимые условия закона имеют исторический характер. Марксистско-ленинская философия, выдвигая тезис об историческом характере законов природы и общества, говорит именно об этом. Ответ Б. М. Кедрова на обсуждаемый вопрос кажется нам удачным и мы его повторяем: «В природе существуют, конечно, и такие законы, как всеобщий закон сохранения материи и движения (энергии), которые в подлинном смысле слова относятся к абсолютным, вечным законам природы, действующим всегда и везде, при всех условиях. Все же остальные частные законы обладают относительным характером в том смысле, что они действуют лишь в определенных условиях, связанных с определенными формами материи; при изменении же условий, при смене одной формы движения другой или ограничивают сферу своего действия и могут даже исчезать вовсе»²³.

Таким образом, существование объективного закона опосредовано существованием объективных условий и «неприкосно-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 32, стр. 461.

²² В. И. Ленин, Пол. собр. соч., т. 18, стр. 196.

²³ Б. М. Кедров, Предмет и взаимосвязь естественных наук, М., 1962, стр. 138.

венность» общих и частных законов имеет свою Ахиллесову пяту. Не может ли человечество выступать в роли Аполлона, пустившего стрелу из лука Париса?

В) Но если в природе законы возникают и исчезают стихийным образом, может ли это произойти как результат деятельности человека?

а) Может ли человек уничтожить объективный закон? Как было сказано, существование закона предполагает наличие определенных условий. Следовательно, вопрос о возможности уничтожения определенного закона сводится к вопросу, может ли человек уничтожить хотя бы один класс вещей, который входит в комплекс необходимых условий этого закона. Мы не видим принципиальных препятствий для достижения цели подобного типа. Полиомиелит, например, — закономерно протекающая болезнь. Не так уж давно он был источником инвалидности детей и страха родителей. Теперь он практически в Советском Союзе ликвидирован. Законы развития болезни не существуют в актуальном плане. Уничтожение законов протекания данной болезни в потенциальном плане гораздо сложнее — это означало бы полное уничтожение возбудителя болезни. Но в принципе мы здесь не видим ничего, что могло бы называться «непреодолимой стеной невозможности»; человек ведь уже уничтожил многие виды животных и растений. «Одно из важнейших направлений биологии — изучение комплекса явлений, — писал академик К. Скрябин — связанных с наличием в живой природе многочисленных макро- и микроскопических вредоносных паразитических организмов животного и растительного происхождения, вызывающих серьезные, а зачастую и смертельные заболевания человека, полезных животных и культурных растений. Над разработкой этой задачи трудятся медики, ветеринары, фитопатологи. Основная цель работы — изыскать комплекс таких мероприятий, применение которых в массовом масштабе и в плановом порядке позволит добиться вначале резкого снижения заболеваний, а затем полностью освободить нашу страну и всю планету от всякого биологического паразитизма»²⁴. Но если такая цель будет достигнута, то это означает и уничтожение специфических законов распространения и протекания этих болезней. Конечно, решение данной задачи в глобальном масштабе дело будущего, но локального успеха добились и в настоящее время. В этой же статье академик К. Скрябин приводит следующий пример: «В 1959 году в Целиноградском районе заражение овец эхинококкозом достигало 36 процентов, а в 1963 году в результате борьбы с этим заболеванием процент заражения доведен до нуля»²⁵.

²⁴ К. Скрябин, От поисков — к активному наступлению, — «Правда» от 26 февраля 1965.

²⁵ Там же.

б) Другая сторона вопроса — может ли человек создать новый закон? — сливается с проблемой, может ли человек реализовать такие возможности, которые не реализуются стихийным образом? Это признается. Ф. Энгельс говорит: «... , что мы в состоянии вызывать также движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), — по крайней мере, не встречаются в таком виде ...»²⁶. Элементы таких возможностей, разумеется, должны внутренне-потенциально содержаться в самой материальной действительности (*ex nihilo nihil fit*). Через реализацию таких возможностей человек создает новые вещи, которые в природе без деятельности человека не возникают. Создается ноосфера. Могут ли между созданными человеком вещами возникать существенные и необходимые классы связей, которых в природе раньше не было? Каким образом можно обосновать отрицание такой возможности?

Но что говорит практика? Можем ли мы назвать хотя бы один закон, который был бы создан человеком? Как известно, К. Маркс открыл экономические законы использования машин.²⁷ Можно ли доказать, что это не человек создал машины, или что эти законы существовали до создания машин?

Член-корр. АМН СССР Г. М. Франк и акад. В. А. Энгельгардт пишут: «Более того, в работе таких электронных схем возникают совершенно новые процессы, хотя и являющиеся чисто физическими, однако принципиально несвойственные отдельным элементам и, более того, вообще несвойственные закономерностям, до настоящего времени известным в процессах, совершающихся в мертвой природе». Несколькими строками ниже они продолжают: «... , оперируя элементами неживой природы с хорошо исследованными свойствами, человек научился искусственно создавать такую взаимосвязь этих элементов, которой не свойственны закономерности неживой природы...»²⁸. Нельзя же утверждать, что эти законы существовали на Земле в актуальном плане до создания сложных современных электронных схем. Их существование могло носить лишь характер очень отдаленной возможности.

Как итог сказанному, мы представляем читателю выдержку из статьи Ю. Жданова: «В первую очередь со всей категоричностью следует подчеркнуть, что при создании форм второй природы человеческая практика опирается на объективные законы внешнего мира. Они являются основой целеполагающей деятельности человека.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20, стр. 544—545.

²⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. 1, гл. 13, ст. 2 К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23.

²⁸ Г. М. Франк и В. А. Энгельгардт, О роли физики и химии в исследовании биологических проблем, в кн.: Философские проблемы современного естествознания, М., 1959, стр. 298—299.

Однако то обстоятельство, что человек не навязывает природе никаких чуждых ей, измышленных законов, отнюдь не означает, что во второй природе не возникает новых закономерностей. Следуя мысли В. И. Ленина о том, что сознание не только отражает объективный мир, но и творит его, мы должны признать, что этот творимый мир может иметь свои отличительные законы развития. Человек не навязывает природе каких-то своих законов, но с появлением человека природа переходит на более высокую ступень развития. Если человек налагает на природу черты своей организации, то это он делает как природное, а не как особое сверхъестественное существо»²⁹.

Но если мы утверждаем, что человек может уничтожить или создать объективный закон, то это не общеутвердительное, а лишь частноутвердительное суждение. В отношении универсальных законов это невозможно. Это невозможно и в отношении общих законов основных форм движения материи, в том числе общих законов развития общества. Это возможно лишь в отношении некоторых специфических законов очень узкой предметной области.

4) Некоторого уточнения требует и последний тезис: «Эта объективность означает, наконец, что люди могут успешно осуществлять лишь то, что соответствует законам природы и общества». Эта формулировка хотя и правильна, но в силу своей общности скрывает то обстоятельство, что практика показывает возможность противопоставления действию одного закона действий другого. Гегель пишет: «Разум столь же хитер, сколько могущественен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель»³⁰. Ни одно закономерное следствие определенных условий не является абсолютно тождественным следствию других условий данного класса. Всегда существует некоторая (детерминированная сопутствующими условиями) деривация следствий. Закон инерции, например, гласит: всякое тело сохраняет состояние покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока приложенные силы не заставят его изменить это состояние. Но фактически ни одно тело не движется ни равномерно, ни прямолинейно — ведь всегда найдутся силы, заставляющие его изменить это состояние. Деривация следствий может быть детерминирована не только стихийными факторами, но и целе-

²⁹ Ю. А. Жданов, О двух формах объективной реальности, в сб.: Совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР. М., 1960, стр. 110.

³⁰ Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1930, стр. 318—319.

направленной деятельностью человека. Мы, например, можем отклонить некоторое тело от прямолинейного и равномерного движения путем использования или магнитных, или реактивных и т. п. сил. Чтобы добиться при этом желаемого, надо точно предвидеть к чему ведет вмешательство, а это предполагает как учет того закона, который определяет качество данного закономерного следствия, так и тех законов, на основе которых мы регулируем направление и величину отклонения. Комбинированное использование законов значительно расширяет человеческие возможности и позволяет иногда реализовать цели, которые являются противоположными общему действию некоторого отдельного закона. Если бы это было иначе, мы вообще ничего не могли бы сделать. Это предполагает, конечно, наше господство над условиями хотя бы некоторыми, участвующими в процессе законов. И поскольку здесь речь идет о борьбе, то результат зависит от силы борющихся сторон: следствие одного и того же закона, в зависимости от силы, с которой он действует, то переборим, то нет. И если мы утверждаем, что есть законы, следствия которых преодолеваются путем использования других законов, то это не общеутвердительное, а лишь частноутвердительное суждение. Преодолеть универсальные законы, общие законы основных форм движения материи, в том числе общие законы развития общества, или вообще невозможно, или возможно лишь в очень ограниченных пространственных и временных границах.

В. И. ЛЕНИН И МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Р. Н. Блюм

«Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить
наследство» (Гёте)

После II съезда РСДРП в 1903 г. патриарх русской социал-демократии Г. В. Плеханов совершил крутой политический поворот. От поддержки позиции В. И. Ленина он перешел к ожесточенной борьбе против нее. В статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» Плеханов обвинил Ленина в отходе от марксизма. «Во взгляде Ленина мы видим не марксизм, а, прошу прощения за некрасиво звучащее слово, — бауэрнизм, новое издание теории героев и толпы».¹ Это была, пожалуй, одна из первых, если не первая, характеристика ленинизма как теории, отошедшей от основных принципов марксизма. С тех пор это обвинение стало традиционным, оно повторялось и повторяется в разных вариантах и в работах мелкобуржуазных противников пролетарской революции, и в работах многочисленных буржуазных авторов. Обвинения в отходе от марксизма направляются в основном против ленинской теории революции, которой, утверждают критики, свойственны чуждый марксизму волюнтаризм, индетерминизм, авангардизм, активизм и т. п.² А поскольку теория революции — главное в ленинизме, то отсюда делается вывод, что марксизм и ленинизм представляют собой, по-существу, разные социальные доктрины.³

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 133.

² Подробное об этом в кн.: Ю. А. Краси н, «Социология революции» против революции. М., 1966; его же, Ленин, революция, современность, М., 1967, стр. 15—25.

³ Вариаций на эту тему довольно много — от утверждения, что В. И. Ленин модифицировал марксистскую теорию революции (A Dictionary of Social Sciences, Glencoe, 1964, p. 603.), до тезиса о том, что Ленин вообще порвал с марксистской теорией революции и создал совершенно новую теорию (A. Meuer, Leninism, Cambridge, Massachusetts, 1957, p. 270). Встречаются у весьма известных буржуазных авторов и такие перлы: Ленин, де, утвер-

Искажение истинных связей между взглядами Маркса и Энгельса, с одной стороны, и Ленина, с другой, встречается не только в буржуазной литературе. Тенденция противопоставить эти взгляды наблюдалась, например, в работах Сталина. Ю. А. Красин справедливо отмечает, что «акцентируя внимание на отличии ленинских идей о закономерностях социальной революции пролетариата от взглядов основоположников марксизма, сталинская постановка вопроса оставляла в тени их органическое единство».⁴

Настоящая статья имеет своей целью показать, что в конце XIX и начале XX века фундаментальные идеи марксистской теории революции были восприняты и развиты в первую очередь и главным образом В. И. Лениным.

Неоспоримо, что идея революционного преобразования общества была тем стержнем, который пронизывает всю теоретическую и практическую деятельность Маркса и Энгельса. Уже в молодости, придя к мысли о необходимости радикального изменения окружающего мира, они поставили цель разработать теорию революции и сделать ее руководством для того класса, бытие которого является отрицанием существующего общества. Этой цели они с поразительной последовательностью неуклонно следовали в течение всей жизни.

Проблема радикального изменения существующего общества была остро поставлена в известной дискуссии конца 30-х начала 40-х гг. XIX в. среди немецких младогегельянцев. «Своим требованием постоянного преобразования существующего посредством критики Бауэр вслед за Чешковским и Руге пролагал дорогу к революционной теории».⁵ Эта проблема имеет свое философское обоснование в противопоставлении младогегельянами (особенно Б. Бауэром) самосознания субстанции. Это противопоставление было результатом разложения гегелевской системы на составляющие ее и в ней совпадающие основные компоненты. Против субстанционального подхода к истории, в котором подчеркивалась объективность, необходимость, закономерность общественного развития, младогегельянцы выдвигали подход с позиций самосознания, в котором подчеркивалась активность и творческая самодеятельность субъекта, критикующую

ждал, что если русские рабочие не подготовлены к захвату власти, то компартия заставит их выполнить свою историческую миссию. В. В. Росту, Стадии экономического роста, Нью Йорк, 1961, стр. 226. Этот же нелепый тезис защищает Росту и в другой своей книге «The Dynamics of Soviet Society», N. Y., 1962, pp. 19, 32.

⁴ Ю. А. Красин, Ленин, революция, современность, стр. 18.

⁵ О. Корню, К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, М., 1959, стр. 166.

щего и конструирующего действительность в соответствии со своим самосознанием, активность, принимавшую очень часто абстрактный и оторванный от реальности характер. Попытка связать точку зрения самосознания с задачами социальной практики вела к убеждению в необходимости коренного преобразования социальной действительности в соответствии с идеальными представлениями о ней, т. е. обуславливала признание необходимости социальной революции и коммунизма. По такому пути пошли наиболее радикальные элементы из среды младогегельянцев, в том числе Маркс и Энгельс. С другой стороны, абстрактно понятая активность, замкнувшаяся в сфере духа и оторванная от реальной жизни, неизбежно вела к отказу от действительной революции, к страху перед ней, к отвержению любой «массовидной» деятельности, в том числе и политической, к уходу во внутренний мир критически мыслящей личности. Такой путь проделала основная группа младогегельянцев. Те из них, которые, подобно Максиму Штирнеру, провозгласили тотальный и бескомпромиссный разрыв самосознания с действительностью, смогли лишь дойти до проповеди индивидуалистического бунта.

Радикальные представители философии самосознания (деятельности) отвергали политическую революцию и противопоставляли ей революцию социальную. Это противопоставление было типичным для взглядов того времени. Оно сложилось после Великой французской революции в среде тех мыслителей и политических деятелей, для которых революция вообще была приемлемым способом изменения существующего общества. Концепция политической революции ограничивала задачи революционного переворота, главным образом, изменениями в сфере политической надстройки, отвергая необходимость сколько-нибудь существенных социальных изменений и явно стремясь избежать сколько-нибудь массовых народных выступлений. Концепция социальной революции шла неизмеримо дальше. Она видела в революции средство коренной перестройки всех социальных отношений, уничтожения эксплуатации, установления строя подлинного равенства, свободы и справедливости.⁶

В каком отношении находятся эти концепции революции к упомянутому выше философскому спору? По нашему мнению, есть прямая связь между философией самосознания (деятельности) в том виде, какой придало ей радикальное крыло младогегельянцев, и концепцией социальной революции. По-видимому, неслучайно, что сторонники этой философии довольно решительно отвергали политическую революцию и заявляли себя

⁶ О различии двух концепций революции см. книгу автора статьи «Sotsiaalse revolutsiooni teooria». Tallinn, 1969, lk. 12—15

адептами революции социальной.⁷ Вот что писал по этому поводу Ф. Энгельс в 1843 г.: «Уже осенью 1842 г. некоторые деятели партии пришли к выводу, что одних политических изменений недостаточно, и заявили, что только при *социальной* революции, основанной на коллективной собственности, установится общественный строй, отвечающий их абстрактным принципам ... Коммунизм был столь *необходимым* следствием неогегельянской философии, что никакое противодействие не могло помешать его развитию... Кроме д-ра Гесса, одного из редакторов ныне закрытой «Рейнской газеты», который фактически первым из этой партии стал коммунистом, теперь имеется уже большое число других, а именно: д-р Руге ...; д-р Маркс ...; Георг Герверг...»⁸

В словах молодого Энгельса обращает на себя внимание указание на тесную связь «неогегельянской философии» и социальной революции. Действительно, философия деятельности (так, пожалуй, правильнее назвать эту неогегельянскую философию) в ее радикальном, стремящемся найти путь к практической борьбе, варианте не могла остаться на позициях политической революции, т. е. на позициях сохранения социально-экономического статус кво, на позициях революции, которая, в лучшем случае, могла обеспечить развитие уже существующих отношений и преобразовательная функция которой довольно ограничена. В то же время социальная революция должна была обеспечить, во-первых, возможность коренного преобразования общества и создание строя, соответствующего целевым установкам и идеалам передовой части человечества. Иными словами, если политическая революция довольствуется тем, что есть в действительности, освобождая наличные силы от стесняющих и мешающих им развиваться оков, то социальная революция смотрит в будущее — она, в своих главных определениях, творит, созидает новую действительность, новые социальные отношения. Во-вторых, в процессе социальной революции может быть окончательно преодолено отчуждение человека, между тем как политическая революция, уничтожая одни, создает иные формы отчуждения. Именно поэтому социальная революция как человеческая эмансипация противостоит политической революции как лишь политической эмансипации.

⁷ Так, М. Гесс утверждал, что будущая революция должна иметь не политический, а социальный характер. Тем самым «он предупреждал будущие воззрения части младогегельянцев и прокладывал дорогу, которая должна была привести к гуманизму и коммунизму». (О. Корню, Указ. соч., т. 1, стр. 236). Близок к Гессу был и М. А. Бакунин, выступавший под псевдонимом Жюль Элиазар на страницах «Немецкого ежегодника» (1842 г.) (Там же, стр. 302—305). Ф. Энгельс, обсуждая вопрос о будущей революции в Англии, писал, что в ней «революция будет не политической, а социальной». (Соч., т. 1, стр. 503).

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 539—540.

Наконец, в-третьих, социальная революция есть процесс, в котором человек выступает как общественное, родовое существо, как участник массовой борьбы, в ходе которой он познает и организует свои «общественные силы».⁹

В таком понимании социальной революции имеется изрядная доля утопизма и идеализма. И вряд ли можно считать случайным, что большинство приверженцев философии деятельности избрали в дальнейшем либо путь идеалистических спекуляций (М. Гесс), либо анархистский утопизм (М. Бакунин). Лишь К. Маркс и Ф. Энгельс, связывая философию деятельности с материализмом, с практической борьбой, с реальными социальными отношениями, сумели преодолеть ограниченность социальной концепции революции. Именно серьезное отношение молодого Маркса к революции и ее перспективам в Германии послужило важнейшим основанием для его разрыва с младогегельянами.¹⁰ Это относится в полной мере и к молодому Энгельсу.

Важнейшей проблемой для Маркса и Энгельса становится не конструирование будущего, не стремление догматически его предвосхитить, а «посредством критики старого мира найти новый мир».¹¹ Следовательно, беспощадная критика действительности, изучение ее такой какая она есть в своей «субстанциональности», раскрытие имеющихся в ней тенденций развития и формулирование на этой основе истинных лозунгов борьбы предполагает и новое отношение к политическим преобразованиям, к политике. «Критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов, которые завзятому социалисту кажутся не стоящими никакого внимания».¹² И далее, «ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с

⁹ «... лишь тогда, когда человек познаёт и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и поэтому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 406).

¹⁰ Характерна в этом отношении переписка К. Маркса с А. Руге (1843 г.). Маркс не сомневался в том, что страна движется к революции. «Государство — слишком серьезная вещь, чтобы можно было бы превратить его в какую-то арлекинаду. Судно, полное глупцов, можно было бы еще, пожалуй, предоставить на некоторое время воле ветра, но оно плыло бы навстречу своей неминуемой судьбе именно потому, что глупцы этого не подозревают. И эта судьба — предстоящая нам революция» (Там же, т. I, стр. 372).

¹¹ Там же, стр. 379. Эту же мысль К. Маркс выражает в следующих словах: «... мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет». (Там же, стр. 381).

¹² Там же, стр. 380.

с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной борьбой*.¹³

Из этого нового философского принципа и вытекающего из него нового отношения к политике следуют и изменения в подходе к революции. Ранее существующее противопоставление социальной и политической революций теряет свой смысл и заменяется новой теорией, базирующейся на диалектическом единстве этих двух революций. В 1844 г. в статье «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», кстати говоря, направленной против А. Руге, К. Маркс формулирует важнейший тезис новой теории революции: «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический* характер». ¹⁴

Политическая революция в марксовской концепции главным образом играет роль разрушителя старой власти и старых отношений. Социальная же революция выполняет функции собственно созидания, творчества и организации. (Разрушение старого общества *немыслимо* без создания на его месте нового). Она преодолевает отчуждение человека, устанавливает его истинную общность. «*Революция* вообще — *ниспровержение* существующей власти и *разрушение* старых отношений — есть *политический акт*. Но *социализм* не может быть осуществлен без *революции*. Он нуждается в этом *политическом* акте, поскольку он нуждается в *уничтожении и разрушении* старого. Но там, где начинается его *организующая деятельность*, где выступает вперед его *самоцель*, его *душа*, — там социализм отбрасывает *политическую оболочку*». ¹⁵

Этот взгляд впоследствии подвергся корректировке в направлении признания за «политической оболочкой» (диктатурой пролетариата) важнейшей роли в переходе к коммунистическому обществу, в то же время основное ядро проанализированных выше тезисов вошло составной частью в общую концепцию зрелого марксизма.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 381.

¹⁴ Там же, стр. 448. На важность проблемы соотношения политической и социальной революций в системе взглядов молодого Маркса указывал Т. И. Ойзерман («Формирование философии марксизма», М., 1962, стр. 235—237). В то же время ряд авторов явно недооценивает значение этой проблемы. В интересной книге Н. И. Лапина отрицается даже факт противопоставления Марксом в определенный период своего творчества этих двух революций («Молодой Маркс», М., 1968, стр. 224). А Э. Л. Розин утверждает, вопреки истине, что Энгельс вначале не проводил, а затем начал проводить различие между политической и социальной революциями («Возникновение марксистского учения о государстве и праве», М., 1967, стр. 38).

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 448.

Таким образом, политическая революция и социальная революция олицетворяют два различных, но тесно связанных и переплетенных друг с другом социальных процесса, два различных вида социальной практики. Один, — в котором преобладает, так сказать, «субстанциональный» элемент, устремлен в настоящее, он занят разрешением уже созревших противоречий, освобождением наличных общественных сил, он исходит из имеющихся налично условий.¹⁶ Другой, — в котором преобладает момент того, что философы называли «самосознанием», момент конструктивной, творческой стороны, направленной, главным образом, в будущее, стремится претворить в действительность существующие в виде реальных возможностей тенденции, создает новые условия жизни и борьбы. При этом необходимо еще раз указать на диалектику этих двух сторон марксистской концепции революции, что прекрасно выражено в тезисе: «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства».¹⁷ Следует иметь в виду также и определяющую роль в этом диалектическом взаимодействии «субстанциональной» стороны.

Рассмотренная проблема не была предметом интереса Маркса и Энгельса только лишь в молодые годы. В последующие периоды своей деятельности они неоднократно возвращались к проблемам соотношения зрелости объективных условий революции и активности и творческой деятельности революционных сил, к проблемам политической и социальной революций, ведя острую борьбу как против фаталистического объективизма, так и против анархистского волюнтаризма.

Резюмируя, отметим следующее: марксистская теория революции базируется на материалистическом понимании истории, и, пожалуй, без преувеличения, является наиболее ясным его выражением и прямым выводом из него. Философия марксизма вообще, исторический материализм в частности, содержат два важнейших основополагающих момента, неразрывно связанных друг с другом, взаимопроникающих и взаимообуславливающих. Это, во-первых, принцип объективности общественного развития, экономической детерминации социальных процессов, и, во-вторых, принцип революционной активности, принцип дея-

¹⁶ «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общества, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 37).

¹⁷ Там же. В другом месте эта диалектика раскрывается применительно к процессу революции, в которой «с одной стороны, низвергается власть прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества, с другой — развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему ...» (Там же, стр. 68).

тельности, свободы воли человека, познавшего историческую необходимость, преобразующего действительность, осуществляющего активный поиск реальных возможностей развития и борьбы и не уповающего на автоматизм окружающего мира. Марксистская теория революции представляет собой конкретизацию этих общих философско-социологических принципов. Революция, с ее точки зрения — это органическое слияние объективного и субъективного, стихийного исторического процесса и сознательной деятельности определенных социальных групп и классов, необходимости и свободы, разрушения и творчества, социального и политического (базиса и надстроек, как любил говорить А. Грамши).

Поскольку в теории внутренне содержатся противоречивые элементы, постольку существует реальная возможность раздвоения единой теоретической системы на составляющие ее элементы, разрыв диалектического синтеза. Конечно, эта возможность может быть реализована, превращена в действительность не только и даже не столько в результате имманентного развития самой теории, сколько в результате воздействия на нее внешних теорий факторов, в первую очередь, социально-политических. Именно такая судьба постигла философию Гегеля, о чем уже шла речь выше.

Аналогичная ситуация сложилась и в марксистской теории социальной революции на рубеже XIX и XX веков. Те общие социально-экономические и политические процессы, которые обусловили изменения в европейском социал-демократическом и вообще рабочем движении и которые подробно проанализированы в марксистской литературе, нашли свое своеобразное преломление в теории социальной революции. Руководство и теоретики социал-демократии подчеркивали и выдвигали на первое место экономическую детерминацию исторических событий, объективный характер основных линий общественного развития, известный его автоматизм. Они все больше и больше склонялись к механическому детерминизму, клеймили как революционный авантюризм мало мальское проявление революционной активности, противопоставляя ей умеренность, постепенность, парламентскую борьбу и считая революцию неактуальной, по крайней мере, в предвидимом будущем. Иными словами, фактически, несмотря на словесные отговорки, а порой даже вопреки личным симпатиям и антипатиям тех или других лидеров рабочего движения, ориентировка на революцию, на активную преобразовательную деятельность, направленную против социальных и экономических основ существующего строя, перестала оплодотворять политическую деятельность социал-демократических партий многих европейских стран, и в первую голову Германии. Возникло положение, точно охарактеризованное А. Грам-

ши, когда механистический детерминизм «будучи возведен интеллигенцией в ранг продуманной и стройной философии, превращается... в причину пассивности, причину идиотской самоудовлетворенности».¹⁸

С другой стороны, идеологи, которые отражали настроения довольно широких слоев рабочего класса, в том числе и его мелкобуржуазной части, неудовлетворяющихся спокойной, умеренной, неревOLUTIONной парламентской тактикой социал-демократических партий, искали ответа на свои запросы в принципе активности и преобразовательной деятельности, содержащемся в марксистской теории революции и составляющем ее важнейший составной элемент. Подобные настроения и взгляды нашли свое выражение в получившем довольно широкое распространение в конце XIX и начале XX века анархо-синдикализме. Конечно, было бы неверным представлять анархо-синдикализм как какое-то однородное идейное течение. В нем можно найти весьма резко отличающиеся друг от друга школы и направления. Но среди видных идеологов анархо-синдикализма имелась группа таких (Ж. Сорель, Ар. Лабриола и некоторые другие), которые пытались найти в марксизме определенные отправные пункты для своих взглядов.¹⁹ Правда, этот поиск в анархо-синдикализме принял резко односторонний характер, привел к фактическому (не словесному) отрицанию экономической детерминации общественных явлений вообще, к историческому идеализму.

В статье В. И. Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» дан обстоятельный анализ причин появления односторонних идейно-политических течений. В. И. Ленин отмечает, что сложный, противоречивый характер общественного развития при капитализме далеко не всегда может быть понят массами, и это обуславливает тот факт, что «отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок»

¹⁸ А. Грамши, Избр. соч., т. III, М., 1959, стр. 27.

¹⁹ Ар. Лабриола с одобрением цитирует слова Сореля о марксизме как философии действия. Соглашаясь с последним тезисом Маркса о Фейербахе, он пишет: «Кто становится на ту точку зрения, что существенным в историческом процессе является именно преобразование общественного строя, причем предполагается, что человек есть фактор собственной истории и вершитель собственной судьбы... тот уже по необходимости извлекает элементы чистой доктрины из практической политики и опыта», и далее: «мы остаемся верными духу марксизма, который будучи теорией действия, не позволяет отделять чисто научное исследование ритма общественного процесса от вопроса о силах, которые должны быть применены для исправления и преобразования существующего общественного строя». (А. Лабриола. Реформизм и синдикализм. СПб., 1907, стр. 137, 139).

этого развития».²⁰ Кроме того, необходимо учитывать также влияние буржуазного миросозерцания, которое нередко бросается из одной крайности в другую. «Прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, обьявляющие взаимно исключаящими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса».²¹

Анархо-синдикалистский активизм был реакцией на механистический детерминизм, на экономический материализм, который был философской основой все более и более распространявшегося социалистического реформизма и парламентского кретинизма, столь свойственного для многих социал-демократических партий Европы на рубеже XIX и XX вв. Революционные анархо-синдикалисты довольно точно оценивали тенденции, постепенно усиливающиеся в рядах европейской социал-демократии и ведущие к превращению рабочей партии в составную часть политического механизма буржуазного государства. Они правильно констатировали тот факт, что институционализация рабочих партий приводила к усилению бюрократических влияний, к созданию аппарата, вышедшего из-под контроля рядовых членов партий и обладающего своими собственными групповыми интересами, аппарата, который угрожал превратиться в новых хозяев над рабочим классом. В. И. Ленин обращал внимание на эту черту революционного анархо-синдикализма, указывая, что в условиях, «когда международное рабочее движение проявляет симптомы глубокого брожения и шатания... крайности оппортунизма, «парламентского идиотизма» и филистерского реформизма вызвали обратные крайности революционно-синдикализма».²²

Верно, конечно, что оппортунизм является главным врагом революционного движения, верно и то, что без революционного воодушевления, о котором так много писали анархо-синдикали-

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66. (В дальнейшем: В. И. Ленин, т., стр.).

²¹ Там же. Ленинскую оценку дополняют слова А. Грамши: «Произошло следующее: философия практики в действительности претерпела двойную ревизию, то есть оказалась компонентом двоякого философского сочетания. С одной стороны, некоторые ее элементы, в выраженном или скрытом виде вошли как составные части в некоторые идеалистические течения (достаточно назвать философские концепции Кроче, Джентиле, Сореля, того же Бергсона, прагматизм). С другой стороны, так называемые ортодоксы, озабоченные тем, чтобы найти философию, которая была бы, в соответствии с их очень ограниченной точкой зрения, чем-то большим, нежели «простое» толкование истории в основном отождествили ее с традиционным материализмом...» (Избранные соч., т. III, стр. 79).

²² В. И. Ленин, т. 15, стр. 243.

сты, невозможно бороться против капитализма. Но одного воодушевления мало, одно оно еще слабое орудие революционной борьбы, и активизм, не подкрепленный трезвым и научным анализом существующей исторической обстановки, приводит в конце концов к тем же результатам, что и оппортунизм.

Это проявилось в самом существе теории и практики революционного анархо-синдикализма. Он как и реформизм остался в сущности на позициях стихийности в отношении к революционному движению. «В самом главном, т. е. во взгляде на общий ход современного капиталистического развития, — реформизм и «революционный» синдикализм тождественны друг с другом. Взятые вместе, они представляют собою нечто похожее на пару перчаток: левая перчатка в известном смысле противоположна правой. Но это не мешает ей быть совершенно подобной ей».²³

В практике рабочего движения такая же картина. «И те, и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при всяких условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительном марксистском миро-созерцании».²⁴

Таким образом, анархо-синдикалистская теория революции являлась по своему идейному генезису результатом не продолжения и развития марксистской теории, как об этом писали многие буржуазные авторы,²⁵ а результатом ее одностороннего понимания, абсолютизации одной ее стороны, а, следовательно, ее искажения, ибо, известно, что истина, распространенная за пределы ее действительных границ, превращается в свою противоположность.

В начале статьи указывалось, что в марксистской теории революции была снята противоположность между концепциями политической и социальной революций, существующая в домарксовской общественной мысли. На рубеже XIX и XX вв. наблюдается своеобразное воспроизведение этой противоположности, в связи с односторонним использованием и абсолютизацией

²³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, стр. 30.

²⁴ В. И. Ленин, т. 20, стр. 66—67.

²⁵ Так, кадетский идеолог А. Изгоев писал, что анархо-синдикализм «последовательно марксистская теория, гораздо более марксистская, чем учение социал-демократов («Русская мысль», 1907, IX, стр. 148). Нельзя, правда, сказать что эту точку разделяли все его партийные друзья. В следующем номере журнала выступил П. Струве, который заявил совершенно противоположное: «Социалистическая» философия Сореля ... знаменует собой в сущности полный отказ от самой идеи научного социализма (Там же, 1907, X, стр. 223). Затем через полтора года А. Щепетев опять повторил утверждение Изгоева. Таким образом, можно констатировать, что в рядах «единомышленников» согласия явно не было.

во взглядах лидеров европейской социал-демократии, с одной стороны, и теоретиков революционного анархо-синдикализма, с другой, различных сторон марксистской теории революции.

Многие лидеры социал-демократических партий, по-существу, приняли программу политической революции, отказавшись от ее социальных задач. Это становится особенно очевидным, если обратиться к анализу их политических взглядов, базирующихся на механистическом детерминизме, исходя из которого, преобразования в социальной, и прежде всего в экономической сфере, могут быть лишь результатом спонтанного, автоматического развития, исключающего какое-либо революционное вмешательство. На долю активной, преобразовательной деятельности класса или социальной группы падает, следовательно, в лучшем случае, решение политических задач революции.

В то же время революционный анархо-синдикализм, восприняв анархистское отрицание политики и политических задач революции, ориентировался лишь на социальное преобразование, полностью отказавшись от политической революционной борьбы.

Таким образом, была воспроизведена, естественно, на новой основе альтернатива политической и социальной революций, альтернатива, за которой стоят различные классовые силы, сыгравшие значительную роль в революционных процессах XX века. Это, во-первых, те слои рабочего класса, которые находились под сильным влиянием буржуазии (рабочая аристократия), а также значительные группы буржуазной интеллигенции и мелкой буржуазии, и, во-вторых, постоянно растущий мелкобуржуазный слой пролетариата, разоряющиеся слои мелкой буржуазии города и деревни, мелкобуржуазная интеллигенция.

Все это не означает, конечно, что марксистская теория революции разделила судьбу многих теоретических систем, которые после их раздвоения, по-существу, потеряли свое влияние. Мы уже отмечали односторонность, как так называемых «ортодоксов», так и их левых критиков, и те и другие взгляды представляли собой отклонения от прямого развития марксистской теории. Но сохранилась и прямая преемственность в теории революции Маркса и Энгельса, теории, являющейся научным выражением настроений и взглядов индустриального пролетариата. Ее основополагающие идеи были восприняты и развиты в теоретической и практической деятельности лидера марксистов России В. И. Ленина.

Ситуация, сложившаяся в европейском рабочем движении, с известными коррективами воспроизводилась и в России. Позицию европейских «ортодоксов» по вопросам революции в целом

повторяли меньшевики. Что касается анархо-синдикализма, то он не получил сколько-нибудь широкого распространения среди рабочих России. Тем не менее нельзя сбрасывать со счета влияние различных анархистских групп и левого крыла эсеровской партии, в особенности эсеров-максималистов, которые пропагандировали идею социальной революции, противопоставляя ее политической. Нельзя также не учитывать активной деятельности небольшой группы анархо-синдикалистских теоретиков (Новомирский и др.), а также пропаганды махаевцев (Махайский, Лозинский). В борьбе как с «отечественными», так и «зарубежными» извращениями марксистской теории революции, анализируя и обобщая богатейший опыт революционной практики начала XX века, В. И. Ленин создавал то, что сейчас с полным правом называется ленинской теорией революции, являющейся прямым и непосредственным продолжением идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Для В. И. Ленина, как и для Маркса и Энгельса, революция есть диалектическое единство объективных исторических процессов и активной, творческой деятельности общественного человека (революционных классов, партий, личностей). Отвергая обвинения в неразрешимом противоречии между «идеей исторической необходимости и значением личной деятельности», которое якобы присуще марксизму (обвинение, которое, кстати говоря, до сегодняшнего дня выступает в качестве ходячего аргумента в антимарксистской литературе), В. И. Ленин писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий... Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей».²⁶

Из единства этих двух сторон прямо вытекает и другая важнейшая особенность марксистского мировоззрения, которая лежит в основе ленинской теории революции, а именно: соединение научности и революционности. Сила марксистской теории, по словам В. И. Ленина, как раз и состоит в том, что «она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно».²⁷

Указанные основные принципы определяют и ленинское понимание соотношения социальной и политической революций.

²⁶ В. И. Ленин, т. I, стр. 159.

²⁷ Там же, стр. 341.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее. В 1897 г. в работе «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин писал: «Социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической революции».²⁸ Из текста статьи следует, что под политической революцией подразумевается революция буржуазная. Не сталкиваемся ли мы здесь со знакомым противопоставлением политической и социальной революций? Анализ содержания работы убеждает, что это не так. Весь ее пафос как раз и направлен на доказательство неразрывности демократической (политической) и социалистической борьбы, на показ того, что только рабочий класс является до конца последовательным демократом. В связи с этим особенно важное значение имеет мысль В. И. Ленина, что «только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих».²⁹ Что касается терминологии — «политическая», — с одной стороны, «социалистическая», — с другой, то, по-видимому, она объясняется принятым и широко распространенным в социалистической литературе того времени именно таким употреблении этих терминов. В дальнейшем даже такое терминологическое различие в работах В. И. Ленина не встречается.

Так, в 1902 г. В. И. Ленин указывает: «Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата».³⁰ В это же время в работе «Аграрная программа русской социал-демократии» В. И. Ленин обосновывает в противоположность распространенному в литературе отождествлению социальной революции с революцией социалистической марксистское понимание социальной революции, как вообще революции, разрушающей старые экономические и социальные структуры. «Социальная революция, ниспровергающая господство крепостников-помещиков (т. е. такая же социальная революция буржуазии, каковой была великая французская революция), возможна и на базисе данного, буржуазного порядка».³¹

²⁸ В. И. Ленин, т. 2, стр. 452.

²⁹ Там же, стр. 455.

³⁰ В. И. Ленин, т. 6, стр. 46 (примечание).

³¹ Там же, стр. 315.

Идея органического единства политической и социальной революций, основополагающий принцип диалектического синтеза научности, объективности и основанной на ней революционной активности проходит через все ленинское учение о революции. Детальная разработка и обоснование этих принципов составляют важнейший вклад В. И. Ленина в марксистскую теорию революции, вклад, представляющий собою новый этап в развитии теории и позволяющий называть ее марксистско-ленинской теорией революции.³²

Размеры статьи не дают возможности подробно проанализировать указанные принципы в ленинском учении в целом. Остановимся коротко лишь на некоторых проблемах ленинского понимания сущности революции.

Ленинское понимание революции характеризуется строгой оценкой объективных условий (куда входят не только данная социально-экономическая обстановка, предшествовавшая революции, вся культура предреволюционного и революционного общества, но и динамичная расстановка классовых сил в ходе революции), зрелости субъективного фактора,³³ и, что особенно важно для нашего обсуждения, тех реальных возможностей, которые рождаются в революционных действиях широких масс и их авангарда и которые существуют во всякой подлинной социальной революции.

«Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы».³⁴ Живые общественные силы, действующие в данных объективных условиях — в эту формулу вмещается широкий диапазон различных факторов, от взаимодействия которых зависят результаты революционной борьбы, успех или неуспех революции, разрешение ею противоречий различных уровней. К объективным условиям можно отнести степень технологического и экономического развития, социальную и политическую обстановку, общее состояние культуры данного общества, а также классовые

³² «В отличие от основоположников марксизма В. И. Ленин акцентировал внимание на роли субъективного фактора. Ленинский подход отражал потребности международного рабочего движения в эпоху зрелости мировой капиталистической системы для социалистической революции. Объективные условия для штурма капитализма созрели; нужно было собрать силы, способные идти на штурм. Каковы эти силы, каковы взаимоотношения между ними, как их подготовить, каким образом они должны действовать? Все эти вопросы настоятельно встали перед марксистской теорией и нашли решение в ленинской концепции социалистической революции». (Ю. А. Красин, Указ. соч., стр. 143).

³³ См. об этом: Б. А. Чагин, Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., 1968; Ю. А. Красин, Указ. соч., стр. 137—246.

³⁴ В. И. Ленин, т. 17, стр. 43.

«инстинкты», стихийные движения масс, побуждаемые непосредственными интересами³⁵ — все это своеобразный субстанциональный элемент революционного процесса. К живым общественным силам принадлежат силы, находящиеся на различных уровнях революционного самосознания: проникнувший сознанием революционной борьбы против существующего порядка народ, массовая революционная партия (партии), наконец, революционное руководство (вожди, идеологи). Ясно, что переход от объективных условий к «живым силам» не носит резкого характера, между ними масса промежуточных ступеней и состояний. Кроме того, важно отметить, что объективные условия революционного периода не есть какой-то внешний по отношению к «живым силам» фактор, они представляют собою результат человеческой деятельности, в которой эти «живые силы» занимают не последнее место.

При анализе революционной ситуации и самого процесса революции В. И. Ленин придавал большое значение всем революционным компонентам, указанным выше. Это важно подчеркнуть, так как вот уже много лет перепеваются ставшие, так сказать, традиционными обвинения ленинской теории революции в бланкизме и субъективизме.³⁶

В то же время ясно, что значение и роль различных компонентов на разных этапах революционного процесса изменяется. Поэтому В. И. Лениным выделяются различные аспекты революции в те или другие исторические периоды. Но при всех обстоятельствах, подчеркивал он, революция не может решить стоящих перед ней объективных задач, если она не примет массового характера. Он любил повторять известные слова К. Маркса о зависимости глубины исторического действия от объема массы, принимающей в нем участие.³⁷

³⁵ См. об этом: Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, стр. 11—72.

³⁶ Вот образец такой грубой фальсификации: «Ленин решил ввести программу прямых действий, включая террор, и обеспечить пролетариату позицию номинального лидера восстания, в то же время обеспечивая для немногочисленной элиты революционной интеллигенции практический контроль над революцией». (R. R a u n e, The Rise and Fall of Stalin, N. S., 1966, p. 94). Подробнее об этом см.: Ю. А. Краси н, «Социология революции» против революции, М., 1966; И. Якушевский, Ленинизм, революция и «советология», Л., 1968.

³⁷ «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве». (В. И. Ленин, т. 42, стр. 140).

«В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики не были отдельные поражения, как бы не ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями».³⁸

Не ставя перед собой задачу подробно рассмотреть вопрос о роли масс в революции,³⁹ отметим лишь два момента. Первый — исходя из положений марксистской философии о революционной практике, В. И. Ленин видит в процессе революции решающее средство самоизменения людей, массовое изменение их сознания и поведения, благодаря непосредственному включению в революционную деятельность. «Революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки. За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни».⁴⁰ В другом месте В. И. Ленин высказывается в том же духе: «Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса».⁴¹ В связи с характеристикой революции как процесса массового самоизменения человека В. И. Ленин обосновывает одну из своих важнейших идей, что только в активной борьбе, в самостоятельной творческой деятельности, преобразующей и формирующей действительность, только тогда, когда массы сами принимают решения и осуществляют их, т. е. в процессе ликвидации и преодоления всех форм отчуждения, может быть осуществлено подлинное социалистическое и коммунистическое воспитание масс и преобразовано общество. «Действительное воспитание

³⁸ В. И. Ленин, т. 9, стр. 208—209.

³⁹ См. В. А. Кузин, Народные массы и революция, Из-во Казанского у-та, 1966.

⁴⁰ В. И. Ленин, т. 34, стр. 55.

⁴¹ Там же, т. 11, стр. 103.

масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».⁴²

В ходе ломки и разрушения старых норм и ценностей формируются и усваиваются новые нормы и ценности, создаются совершенно специфические условия для социализации личности (кстати говоря процесс очень любопытный и, к сожалению, почти не исследованный социологами). Эти новые нормы и ценности не могут по своему содержанию и общей направленности не иметь революционного характера, ибо формируются они в процессе революционной борьбы, революционной деятельности. Отсюда вытекает важное следствие — массовая борьба неизбежно ведет к глубоким социальным преобразованиям (или, по крайней мере, к попыткам их совершить), она есть основной двигатель социальной революции, она есть то, что превращает революцию именно в революцию социальную. И в то же время любое прямое или косвенное, открытое или скрытое стремление к ограничению размаха массовой борьбы, к сужению числа ее участников ведет фактически к отказу от социальной революции как цели, к превращению ее (или к стремлению превратить), по-существу, в революцию политическую.

Второй момент — широкое и всеохватывающее участие масс в революции обеспечивает не только последовательное разрешение назревших противоречий, но и создает необходимые предпосылки для ее продвижения вперед. История революций показывает, что для завоевания и обеспечения тех объективных целей, которые непосредственно стоят перед данной революцией, она должна идти значительно дальше этих целей, стремится решить задачи, которые перед этой революцией еще непосредственно не стоят. При этом возникает ситуация, зафиксированная В. И. Лениным в следующих словах: «... действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было. И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться».⁴³ Иными словами, революционные массы в революциях руководствуются такими ценностями, которые прямо противоположны ценностям, господствующим в старом обществе, руководствуются идеалами,

⁴² В. И. Ленин, т. 30, стр. 314.

⁴³ В. И. Ленин, т. 45, стр. 401.

строящимися по принципу контраста — полной противоположности к основам и принципам, на которые опиралось разрушаемое общество.

В результате, с одной стороны, обеспечивается смелое и последовательное разрешение социальных задач революции в важнейших сферах общественной жизни. С другой стороны, возникают опасности, порождаемые забеганием вперед, неумением учесть диалектику революционного процесса, непониманием необходимости своевременного перехода от процессов революционной ломки к сознательной и планомерной регуляции общественной жизни посредством реформ, осуществляемой революционной властью. В связи с этим В. И. Ленин предостерегал: «Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному».⁴⁴ Блестящим примером глубокого понимания диалектики революционного процесса являлось провозглашение и осуществление ленинской новой экономической политики.

Несколько слов о другом компоненте «живых сил» революции — революционном авангарде. Известно, что в трудах В. И. Ленина проблема руководства революции, проблема гегемонии занимает очень большое место. Это естественно вытекает из понимания им сущности революции как процесса, в котором решающее значение приобретает революционное самосознание, активность, деятельность, творческий порыв осознавшего объективные задачи общественного развития революционного авангарда. «В критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги».⁴⁵ В то же время В. И. Ленин настойчиво подчеркивал необходимость постоянного тесного контакта и взаимодействия революционного авангарда с революционными массами, имея в виду, что социальные задачи революции могут быть решены лишь в массовой борьбе. В этой связи интересно замечание, сделанное В. И. Лениным в докладе на IX Всероссийском съезде Советов (1921 г.). Отметив, что «все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса», он обращает вни-

⁴⁴ В. И. Ленин, т. 44, стр. 223.

⁴⁵ В. И. Ленин, т. 36, стр. 361.

мание на обязательность следующего шага, шага от политического завоевания к глубоким социальным преобразованиям. А это возможно сделать лишь тогда, когда массы «переварят» великий политический переворот, претворят его в жизнь, когда этот переворот войдет в «условия существования масс».⁴⁶

С другой стороны, революционный авангард способен выполнить свои задачи лишь в том случае, если он не ограничивается функциями фиксатора событий, а идет впереди масс и играет организующую роль, если он умеет использовать малейшие возможности для углубления и развития революции. «Надо, чтобы... руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелесть наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе... Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь».⁴⁷

Всякая социальная революция, поскольку она социальна, неизбежно вскрывает в своем развитии новые «пласты» противоречий, «завязывает» новые «узлы» классовых столкновений и конфликтов. На этой основе в ходе революции проявляются интересы и потребности, которые существовали до нее в скрытом и неявном виде или же были весьма мало распространены. Сложные и многоплановые процессы социальной революции, захватывающие все сферы общественной жизни, создают целое поле различных возможностей развития. В этих условиях от научной проницательности, активности и смелости революционного авангарда, — в первую очередь, революционной партии, — зависит как эти возможности будут использованы и превращены в действительность. Таким образом, обязанностью революционной партии, по В. И. Ленину, является организация революции в ходе самой революции.⁴⁸

⁴⁶ В. И. Ленин, т. 44, стр. 326—327.

⁴⁷ В. И. Ленин, т. 11, стр. 103.

⁴⁸ На традиционные обвинения, что такая постановка вопроса носит волюнтаристский характер хорошо ответил П. Тольятти: «В общих чертах вопрос может быть сформулирован так: является ли процесс революции чем-то определяемым вне зависимости от человеческой воли, или тем, на что организованная воля людей может оказывать действительное и притом постоянное влияние? Должны ли мы только ожидать возникновения революционной ситуации, или же наша подготовка, наша деятельность и степень сознательности и способности, при помощи которых мы содействуем приобретению их рабочим классом, являются фактором, действительным образом определяющим развитие революции? При такой постановке вопроса всякий подлинный революционер и марксист может не колеблясь назвать себя «волюнтаристом». Безусловно,

Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую представляет собою конкретное воплощение изложенной выше философской позиции. Согласно этой теории, революция, последовательно решающая социальные задачи буржуазно-демократического этапа, при активном и решающем участии народных масс неизбежно выходит за пределы буржуазного строя и создает реальные возможности (в условиях относительно развитого капитализма) для перехода к разрешению более глубоких противоречий — основных противоречий капиталистического строя, для перехода к социалистическим преобразованиям. Но эта возможность может быть реализована лишь в ходе активной борьбы, творческой, организующей деятельности марксистской партии. Говоря о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революций, В. И. Ленин писал: «Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерастить первую».⁴⁹

Подводя итог проведенному анализу, следует сказать, что крупнейшим вкладом В. И. Ленина в марксистскую теорию социальной революции является подробная и глубокая разработка вопроса о соотношении политических и социальных задач революции, о диалектическом единстве объективного и субъективного факторов, о значении активной, творческой деятельности живых революционных сил. Теоретические положения В. И. Ленина, и это самое важное, выдержали проверку самого строгого исторического судьи — проверку практикой. Известный тезис Маркса — «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» — стал не только руководством к действию, но и впервые был реализован в практической деятельности революционных масс.

причиной исторического развития является, на наш взгляд, изменение производственных отношений, но верно также и то, что производственные отношения выражаются в классовых отношениях, а класс представляет собой элемент, который организуется, приобретает сознание, имеет волю и своей волей, своим сознанием и своей организацией оказывает влияние на весь процесс социального преобразования. Сознание, организация и воля даются классу партией, которая образуется в его лоне. Пролетарским силам, которые частью должны быть разбужены, а частью сделаны сознательными, объединенными, организованными и направляемыми, противостоят другие силы — силы буржуазии, которая оказывает не пассивное сопротивление, а в свою очередь организуется и выступает активно. Для буржуазии было бы очень удобно, если бы волевой элемент, предоставленный вмешательством классово-партийной и ее тактикой, отсутствовал». (Цит. по «Вопросы философии», № 1955, стр. 93—94).

⁴⁹ В. И. Ленин, т. 44, стр. 147.

ИДЕИ В. И. ЛЕНИНА И НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

П. Э. Ярве

С именем В. И. Ленина связан новый этап развития всего марксизма, в том числе и марксистской философии. «Непреходящее значение, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», — имеют дальнейшая разработка Лениным материалистической диалектики, исследование им проблем теории познания диалектического материализма, его идея союза естествознания и философии. Ленин — первый мыслитель века, который в достижениях современного ему естествознания увидел начало грандиозной научной революции, сумел вскрыть и философски обобщить революционный смысл фундаментальных открытий великих исследователей природы. Он дал блестящее философское истолкование новых научных данных в период крутой «ломки принципов» в ведущих отраслях естествознания. Высказанная им мысль о неисчерпаемости материи стала общим принципом естественнонаучного познания».¹

Хотя у В. И. Ленина нет работ, специально посвященных только вопросам психологии, его философские и другие работы по сей день имеют принципиальное значение для всей психологической науки. За годы советской власти наша психологическая наука встала на материалистические позиции и достигла научных успехов, значительность которых отмечается даже теми, кого трудно подозревать в особой симпатии к марксизму.²

«Но и сейчас еще нельзя сказать, — писал недавно А. Н. Леонтьев, — что психология исчерпала сокровищницу идей марксизма-ленинизма.»³

¹ «Правда» от 23 декабря 1969 г.

² См.: A symposium by seven authors. Ed. by N. O'Connor. Oxford etc. Pergamon press, 1966.

³ А. Н. Леонтьев, Карл Маркс и психологическая наука. — «Вопросы психологии», 1968, № 5, стр. 4.

На аналогичной точке зрения стоит и А. А. Смирнов. «Важнейшая среди всех задач, стоящих перед советскими психологами, — пишет он, — задача дальнейшего развития психологической теории на основе бессмертного учения Маркса, Энгельса, Ленина и современных достижений научного познания».⁴

По известной классификации наук, предложенной Б. М. Кедровым, психология занимает троякую позицию в системе наук. В этой нелинейной классификации наук психология стоит между тремя основными группами наук: естественными, общественными и философскими.⁵ Этим, в частности, объясняется широта и многоплановость психологической проблематики, в том числе теоретической. Наибольшее значение в теоретико-методологическом смысле имеет отношение «психология — философские науки», где решаются самые важные для развития психологии проблемы. Это — философские основы и общие методологические установки психологической науки. Именно для этой «стратегической» области психологии работы В. И. Ленина имеют наибольшую ценность. На наш взгляд, можно выделить два типа влияния ленинских идей на психологию. Во-первых, фундаментальное значение для современной психологии имеет разработанная Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» и в «Философских тетрадах» теория отражения. Это — влияние через общефилософское учение. Во-вторых, большое значение для понимания путей развития психологического знания имеют отдельные, непосредственно связанные с психологической проблематикой высказывания Ленина о задачах психологической науки и отдельных этапах в ее истории, оценка конкретных направлений в психологических исследованиях. («Что такое «дружба народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др.)

Такое деление является, конечно, относительным, потому что как первый, так и второй тип влияния, взаимно обогащаясь, приводят к одной цели — к дальнейшему развитию психологии как науки.

В рамках какой-нибудь одной работы, видимо, нельзя всесторонне раскрыть сущность влияния ленинских идей на психологическую науку.⁶ Исходя из этого, мы рассмотрим здесь лишь

⁴ А. А. Смирнов, О некоторых актуальных задачах советской психологии, — «Вопросы психологии», 1968, № 6, стр. 4.

⁵ См. Б. М. Кедров, Классификация наук, т. II, М., 1965, стр. 469 и Ж. Пиаже, Психология, междисциплинарные связи и система наук, — «Вопросы философии», 1968, № 12, стр. 74—75.

⁶ Отдельную главу в этом влиянии составляет, например, статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», роль которой в решении задачи марксистской перестройки психологии в нашей стране трудно переоценить. Подробнее см. об этом в монографии: А. В. Петровский, История советской психологии, М., 1967.

некоторые методологические вопросы психологии из большого множества тех, для которых ленинские высказывания продолжают иметь актуальное значение.

Одно из направлений в психологии, где в настоящее время ведется много исследований и которое иногда называют естественнонаучным — изучение субстрата психических явлений. Для современного ученого ясно, что успех здесь достигается главным образом путем усовершенствования методики и технических средств исследования, обработки данных и т. д. Применение объективных методов исследования он считает необходимым в своей работе, стихийно или сознательно стоит на позициях материализма. Однако не всегда дела обстояли таким образом. Как показано, например, Е. А. Будиловой⁷ на материале истории русской психологии конца XIX начала XX века, естественнонаучный подход к изучению деятельности человеческого мозга с использованием объективных методов физиологии и использование полученных данных в психологических концепциях вызвали враждебную реакцию со стороны психологов, стоявших на идеалистических позициях и признававших только субъективный, интроспективный метод в качестве истинного метода изучения психики. «В это время материалистический путь развития русской психологии был оценен марксизмом как единственно правильный научный путь».⁸ Оценка эта была дана В. И. Лениным в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против со-

⁷ См. Е. А. Будилова, Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX — начало XX в.), Изд-во АН СССР, М., 1960.

⁸ Е. А. Будилова, указ. соч., стр. 102.

⁹ Критикуя понимание Михайловским «Капитала», Ленин сравнивает объективный метод изучения общественных явлений с объективным методом психологии: «... Пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли *a priori* общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. Поэтому обвинение г. Михайловского совершенно таково же, как если бы метафизик-психолог, всю свою жизнь писавший «исследования» по вопросу, что такое душа? (не зная в точности объяснения ни одного, хотя бы простейшего, психического явления) — принялся обвинять научного психолога в том, что он не пересмотрел всех известных теорий о душе. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов, и дал, скажем, анализ и объяснение такого-то или каких-то психических процессов. И вот наш метафизик-психолог читает эту работу, хвалит — хорошо-де описаны процессы и изучены факты, — но не удовлетворяется. Позвольте, вол-

циал-демократов?»⁹ Как отмечают Е. А. Будилова¹⁰ и А. В. Петровский¹¹, под научным психологом Ленин имел ввиду И. М. Сеченова, или по крайней мере то направление, представителем которого в то время в России был И. М. Сеченов. Борьба за научный метод в психологии, за использование в психологии данных физиологии мозга была (и остается в настоящее время) совершенно необходимой и с точки зрения идеологической борьбы, т. к., по справедливому замечанию Г. Уэллса, психология, которая не опиралась на физиологию мозга, создавала спекулятивные теории, многие из которых служили скорее интересам класса капиталистов, чем соответствовали объективной действительности.¹² Однако обсуждение идеологических приложений психологии не является задачей этой статьи. Это — тема специального исследования. Наша цель — обратить внимание на общеметодологическую значимость постановки вопроса Лениным. Можно согласиться с А. Коссаковским, который считает важным, «... что Ленин в то время, когда психология становилась все больше и больше спекулятивной ... поставил перед ней задачу не спекулировать по поводу сущности психического, а посредством истинно-научного исследования раскрывать один секрет за другим».¹³

Творчески продолжая линию И. М. Сеченова и И. П. Павлова, советские ученые достигли новых успехов в изучении нервных процессов и нейронной организации мозга.¹⁴ Благодаря применению новой техники нейрофизиологического исследования (микроэлектроды вместо макроэлектродов), было, например, создано представление о стохастическом характере работы центральной нервной системы,¹⁵ позволяющее лучше объяснить некоторые особенности функционирования мозга, в том числе факты регенерации психических функций, известные из практики лечения локальных поражений мозга.

нуете он, слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии этим ученым, об особом методе научной психологии, — позвольте, кипятится философ, — да в каком сочинении изложен этот метод? Ведь в этой работе «одни только факты»? В ней и помину нет о пересмотре «всех известных философских теорий о душе»? Это совсем не соответственная работа!» В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 1, стр. 141—142.

¹⁰ Е. А. Будилова, указ. соч., стр. 103.

¹¹ А. В. Петровский, указ. соч. стр. 14.

¹² Г. Уэллс. Павлов и Фрейд, М., 1959, стр. 276.

¹³ А. Kossakowski, Zu einigen Hinweisen Lenins für die psychologische Forschung. «Wiss. Zeitschr. der Karl Marx Univ. Leipzig» Ges. und Sprachwiss. Reihe, 1959—1960, ур. 9, Нf. 4. S. 548.

¹⁴ Характеристику достижений наших ученых в этой области в связи с обсуждаемой идеей Ленина см. А. В. Петровский, В. И. Ленин и проблемы психологии, — «Советская педагогика», 1969, № 4.

¹⁵ См. А. Б. Коган, Вероятностно-статистический принцип нейронной организации функциональных систем мозга, «Доклады АН СССР», 1964, т. 154, № 5. Также см. Б. Бернс, Неопределенность в нервной системе, М., «Мир», 1969.

Однако было бы ошибкой думать, что можно при помощи изучения материального субстрата психики решить все проблемы психологии. Как показал А. Н. Леонтьев, с исследованием только нервных процессов психология теряет свой предмет изучения и переходит в нейрофизиологию.¹⁶ Поэтому для психологии имеют непосредственное значение такие исследования нервных процессов, которые проводятся с целью обнаружения механизмов, реализующих те или иные психические функции. Новое знание, полученное таким путем, является необходимой составной частью системы современных знаний о психическом.

Если в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин поставил общую задачу исследования субстрата психики, то в «Материализме и эмпириокритицизме» он сформулировал эту задачу, исходя из необходимости разработки теории отражения, более конкретно. Отметив трудности при объяснении возникновения ощущения и выступая против попытки Маха преодолеть эти трудности «словечком «элемент», Ленин пишет: «... на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям».¹⁷ Таким образом, здесь задача изучения субстрата психики поставлена уже как задача выяснения механизма генезиса одной из высших форм отражения — ощущения.

Надо сказать, что вопрос о генезисе отдельных форм отражения остается мало разработанным до сегодняшнего дня. Его решение предполагает, видимо, изучение всех промежуточных форм отражения, связывающих материю, обладающую самыми элементарными формами отражения, с материей, «обладающей ясно выраженной способностью ощущения». Одной из областей современной науки, где занимаются экспериментальным и теоретическим исследованием различающихся по степени сложности механизмов отражения, является моделирование психической деятельности. Представители разных наук — психологи, кибернетики, нейрофизиологи, психиатры, философы и др. пытаются общими усилиями решить эту комплексную проблему. Объем публикаций по этой проблеме у нас за последние годы значительно возрос, что свидетельствует о повышении интереса

¹⁶ Философская энциклопедия, т. 4, стр. 421.

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 40. (В дальнейшем: В. И. Ленин, т., стр.)

к вопросам моделирования психической деятельности.¹⁸ «Непосредственный интерес эта проблема представляет для психологии, — пишут одни авторы, — которая, собственно, и призвана изучать отражательную способность материи, организованной особым образом.»¹⁹ Это, конечно, так; отметим еще, что не только для психологии, но и для марксистско-ленинской теории отражения представляет прямой интерес выяснение особенностей отражения.

Однако, несмотря на увеличение числа работ по моделированию психики, ряд вопросов с самого начала до сих пор остается предметом спора. (Мы не будем говорить здесь о дискуссионных моментах в разных концепциях моделирования как такового.) Спорными являются, главным образом, отдельные вопросы относительно возможностей и целесообразности моделирования психической деятельности. Прежде чем переходить к рассмотрению этих спорных пунктов, нам хочется сделать одно замечание по поводу тех терминов, которые часто употребляются при обсуждении методологических вопросов моделирования психики. На наш взгляд, имеется тенденция употреблять термины, которые являются слишком общими для обозначения того конкретного случая, о котором идет речь. Сказанное относится прежде всего к употреблению «главного» термина этой области — «моделирование психической деятельности». Иногда, например, говорят о «моделировании психики или психической деятельности», а фактически имеют в виду один конкретный вид моделирования, к примеру, «кибернетическое моделирование мышления». Таким образом, вся психическая деятельность отождествляется с мышлением, а многогранность метода моделирования сводится к одному лишь кибернетическому моделированию. Другой раз, когда говорят о «моделировании психической деятельности», подразумевают под этим современные разработки в этой области. Так, например, А. А. Братко и др. в своей книге основное внимание уделяют проблемам современного состояния работ по моделированию психики, главным образом кибернетическому моделированию. Эти авторы, говоря о положении дел в моделировании биологических систем, правильно

¹⁸ Например, за один год были выпущены следующие книги: А. А. Братко. Моделирование психики, М., «Наука», 1969. И. Б. Новик, Философские вопросы моделирования психики, М., «Наука», 1969. А. Н. Кочергин, Моделирование мышления, Изд-во ПЛ, М., 1969. А. А. Братко, П. П. Волков, А. Н. Кочергин, Г. И. Царегородцев, Моделирование психической деятельности, М., «Мысль», 1969. См. также материалы специальных симпозиумов: Проблемы моделирования психической деятельности (Материалы к симпозиуму), Новосибирск, 1967. Проблемы моделирования психической деятельности (Материалы к симпозиуму) Выпуск 2. Новосибирск, 1968. Основные подходы к моделированию психики и эвристическому программированию (Материалы симпозиума, Киев, 1968 г.). М., 1968.

¹⁹ А. А. Братко и др., указ. соч., стр. 104.

указывают на необходимость исторического подхода к этому вопросу для правильной его оценки. Они пишут: «Благодаря развитию кибернетики и бионики моделирование биологических систем в наши дни постепенно уравнивается в правах с другими видами моделирования. Чтобы правильно оценить этот факт, мы должны рассмотреть моделирование биологических систем в его историческом развитии. Только при таком подходе можно рассчитывать на наиболее точное определение перспектив развития моделирования биологических систем и на возможность избежания ошибок при планировании исследований».²⁰ Ввиду того, что моделирование психики авторами рассматривается как наиболее современный этап в развитии моделирования биологических систем, требование исторического подхода ими фактически распространяется на проблемы моделирования психической деятельности лишь частично, т. к. задача анализа материала истории психологии не ставится. Это нельзя ставить в упрек указанным авторам, потому что не все проблемы могут быть рассмотрены в одной работе. Но такое положение дел наталкивает, по меньшей мере, на мысль, что термины «моделирование психической деятельности» и «моделирование в психологии»²¹ могут отражать существенно различные подходы к проблемам моделирования психической деятельности. Неудивительно, что при таком употреблении терминов возникают разногласия — оценки, совершенно законно полученные в результате осмысления конкретных работ по моделированию психики, затем нередко «отчуждаются» от своего источника и применяются для вынесения приговора моделированию психической деятельности вообще. Удивительным было бы другое — если такие споры не возникали бы.

Можно сделать такой вывод: поскольку психическая деятельность явление многоплановое и существуют разные методы моделирования, научная ценность которых изменяется во времени, то следует быть очень осторожным в выводах относительно целесообразности или нецелесообразности, эффективности или неэффективности и т. д. применения метода моделирования как такового к психической деятельности в целом, чтобы можно было избежать малопродуктивных дискуссий; а лучше

²⁰ А. А. Братко и др., указ. соч., стр. 24. Это требование соответствует известному указанию Ленина, что для научного подхода к вопросам общественной науки надо «... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь». В. И. Ленин, т. 39, стр. 67.

²¹ Такое употребление термина со всеми вытекающими из этого последствиями встречается, например, в работе А. В. Брушлинского «О некоторых методах моделирования в психологии». — Сб. Методологические и теоретические проблемы психологии, М., «Наука», 1969, стр. 246—273.

каждый раз указать — о каком виде моделирования и о какой форме психической деятельности идет речь. Иногда, видимо, не мешало бы еще добавить, какой исторический период развития познания имеется в виду. Если уже давать оценку всей проблеме, то надо указать на какой основе она делается, хотя, на наш взгляд, еще не настало время для вынесения более или менее окончательных решений по этому вопросу.

На этом мы заканчиваем обсуждение вопросов терминологического порядка и переходим к рассмотрению некоторых более содержательных проблем, возникающих в связи с кибернетическим моделированием психической деятельности.

Здесь заслуживает внимания вопрос о гносеологической ценности кибернетики для психологии. Целесообразно в этом вопросе различать два аспекта: 1) ценность общих идей и принципов кибернетики для психологии; и 2) ценность материальных кибернетических (машинных) моделей для психологии.

Ценность общих идей и принципов кибернетики для психологии обсуждается сравнительно редко, если сравнить с дискуссиями о т. н. мыслящих машинах. Однако, с точки зрения развития собственно психологического исследования, т. е. изучения психики человека, общие идеи и принципы кибернетики имеют в некоторых случаях бóльшую методологическую и гносеологическую ценность, чем различные кибернетические устройства. Смысл этого утверждения можно пояснить ссылкой на известную особенность развития психологической науки. В истории психологии часто можно наблюдать случай, когда для изучения психологической деятельности прибегают к помощи теории, которая разрабатывалась до этого где-то за пределами психологии. Происходит перенос теории из одной области знания в другую.²² При этом обычно удается перенести не всю теорию, а лишь ее основной принцип или принципы, которые в этой новой области будут выполнять роль мысленных моделей. Такой перенос можно сравнивать с интерпретацией абстрактной математической теории в некоторой более содержательной области, в результате чего получают модель этой абстрактной теории. Это сравнение представляется уместным прежде всего потому, что не одна математическая теория уже нашла себе путь в психологию. В качестве одной из последних можно назвать теорию информации. Методологическая и гносеологическая ценность подобных мысленных моделей вытекает из того факта, что они часто играют решающую роль при выборе направления дальнейшего исследования. Это бывает, ко-

²² Р. Драйштадт, например, приводит ряд примеров из истории психологии, когда теории из различных областей науки были использованы в психологии. См. R. Dreistadt, *An analysis of the use of analogies and metaphors in science*, — "The Journal of Psychology", 1968, 68, p. 104.

гда наши знания с необходимостью совершают «вторжение» в сферу неизвестного. Тогда мы имеем дело со своеобразным «логическим вакуумом» — отсутствует логика движения мысли в неизвестном, т. к. объективные законы, господствующие в этой сфере, наукой еще не раскрыты. Такая ситуация возникает, например, на таком важном этапе развертывания научного исследования как постановка проблемы.

«Изучение показывает, что постановка проблемы — это исследовательское действие. Постановку проблемы ни в коем случае нельзя сводить к простому указанию на неизвестное.

В ходе постановки проблемы применяется большой круг логических операций (всех, или почти всех тех, которые участвуют в познании неизвестного). Но особенно употребляются при этом приемы сравнения и аналогии, которые, кстати говоря, и обеспечивают возможность выдвижения предположения о функционировании неизвестного закона по примеру уже известного, благодаря чему удается локализовать неизвестные отношения до такой степени, чтобы они могли быть подвержены исследовательскому анализу.»²³ Основную логическую схему для таких т. н. правдоподобных рассуждений (сравнение, аналогия и др.) в большинстве случаев предоставляют вышеупомянутые мысленные модели. Однако такой обмен на уровне общих идей большой эвристической силы между кибернетикой и психологией является взаимным, если смотреть на взаимоотношения этих двух наук с исторической точки зрения. Ведь не является секретом, какую роль играла физиология при рождении кибернетики, а также и то, какую высокую оценку дали многие видные кибернетики работам И. П. Павлова. И в настоящее время дальнейший прогресс в кибернетике, в особенности в области создания новых кибернетических машин, ставится в зависимость от успехов в нейрофизиологии и психологии.²⁴

Промежуточным между вышеупомянутыми двумя аспектами гносеологического значения кибернетики для психологии (значение общих идей и принципов, и значение материальных кибернетических (машинных) моделей) можно назвать взаимодействие понятийных систем этих наук. Преобладающим в этом взаимодействии на данном этапе является влияние кибернетических понятий на психологические, отражающее и воплощающее общую популярность кибернетики. В качестве результата такого влияния отмечаются некоторые изменения в самих психологических понятиях. Б. Бернс, например, пишет: «Пожалуй, самый важный эффект этой модной в наше время аналогии (между универсальной вычислительной машиной и центральной

²³ Логика научного исследования, М., «Наука», 1965, стр. 28.

²⁴ См. И. Б. Новик, указ. соч., стр. 62—63.

нервной системой — П. Я.) состоит в том, что нейрофизиологи, общаясь со специалистами по вычислительной технике и математической логике, вынуждены точнее определять понятия, которыми они пользуются». ²⁵ Нечто сходное с этим отмечается и в отношении психологии. Так, А. А. Братко и др. пишут: «Необходимость некоторых изменений (в устоявшихся психологических представлениях — П. Я.) возникает прежде всего в связи с тем, что построение эффективных (кибернетических — П. Я.) моделей психики, которые могли бы служить основой психологической теории, невозможно без переосмысливания некоторых принципов, сформировавшихся в психологии, а также тем, что с применением метода (кибернетического — П. Я.) моделирования в психологии появляется новая, «кибернетическая» терминология, которая в свою очередь заставляет переоценивать установившиеся в психологии представления и понятия». ²⁶ Но наряду с отмеченным влиянием кибернетических понятий в литературе можно увидеть и результаты влияния другого рода — случаи чисто механического переноса понятий кибернетики и родственных с ней наук в психологию, или, точнее говоря, простого перевода содержания имеющихся психологических знаний на «новые языки». Такой путь нельзя считать эффективным путем исследования психики, т. к. в самой теории информации, в которую иногда делаются такие переводы, установлено, что перекодирование информации не увеличивает ее количества. Признавая необходимость применения математических методов, вариационной статистики, теории информации в психологии, формализации психических процессов и их моделирования в интересах развития психологической науки, А. А. Смирнов, на наш взгляд, правильно отмечает, что «именно для того, чтобы все это действительно играло свою положительную роль, необходимо, чтобы оно не подменяло собой изучение самой психической деятельности, давало бы возможность лучше понимать психологические закономерности, способствовало обогащению психологической науки с содержательной стороны. Когда-то физические идеалисты пытались утверждать, что применение математики, дифференциальных уравнений в физике означает, что «материя исчезает» и остаются одни уравнения. Ленин решительно восстал против этой попытки возродить старую кантианскую идею о том, что разум якобы предписывает законы природе... Конечно, никто сейчас не будет утверждать, что с применением математики в психологии психика как свойство высокоорганизованной материи, продукт мозга исчезнет. В реальной жизни такая опасность, естественно, не грозит. Но из психологической литературы психика, образно говоря, все

²⁵ Б. Бернс, указ. соч., стр. 31.

²⁶ А. А. Братко и др., указ. соч., стр. 101.

же может исчезнуть, поскольку авторы некоторых работ математическими формулами действительно подменяют реальный предмет психологического исследования. ... То же самое следует сказать и об использовании теории информации и о моделировании психических процессов. ... Самый лучший перевод на самый совершенный язык сам по себе не есть еще раскрытие новых фактов и закономерностей и может не двигать науку вперед».²⁷

Эффективностью в отрицательном смысле обладает и обратный механический перенос — психологических понятий в кибернетику, например, характеристика кибернетических машин как «мыслящих», «думающих» и т. д., являющаяся источником целого ряда недоразумений. Внедрение кибернетики на широком научном фронте не могло не влиять на состояние самой кибернетической терминологии. Так, Е. Бойко отмечает многозначность кибернетических терминов, таких как модель, механизм, программа и информация. Это создает трудности при моделировании механизмов психической деятельности. Поэтому, считает Е. Бойко, «необходимо в максимальной степени стремиться к конкретизации и уточнению содержания общекибернетических терминов, когда они применяются к психологическим объектам.»²⁸ Правда, Е. Бойко считает, что эта многозначность является неизбежной на первых порах²⁹ (подчеркнуто нами — П. Я.), однако не указывает при этом, какой период развития кибернетики он имеет ввиду. Если он в тот период включает и время сверхпопулярности кибернетики, что в наших конкретных условиях, быть может, и было неизбежным, со всеми не менее неизбежными отрицательными последствиями этого для самой кибернетики, то можно с ним вполне согласиться. Кибернетике, как видно, пришлось за бурный рост собственной популярности расплачиваться четкостью некоторых своих терминов.

Ценность материальных кибернетических (машинных) моделей для психологии является объектом постоянных споров. И. Б. Новик справедливо указывает, что «если сам факт определенной объективной общности между мозгом и кибернетической машиной неоспорим, то проблема степени этой общности остается объектом острых дискуссий».³⁰ На самом деле, отрицание какой-либо объективной общности между кибернетической машиной и мозгом было бы равносильно отрицанию все-

²⁷ А. А. Смирнов, О некоторых актуальных задачах советской психологии, — «Вопросы психологии», 1968, № 6, стр. 18—19.

²⁸ Е. Бойко, На трудных рубежах, Сб. Основные подходы к моделированию психики и эвристическому программированию (Материалы симпозиума, Киев, 1968 г.). М., 1968, стр. 59.

²⁹ Там же, стр. 51.

³⁰ И. Б. Новик, указ. соч., стр. 67.

общего свойства отражения материи. В то же время гносеологическая ценность машинных моделей психических процессов для психологии непосредственно вытекает из той степени общности, которая существует между работой мозга и работой указанных машин. Ясно, что чем больше эта общность, тем большую гносеологическую ценность представляет работа кибернетических машин для психологии. Чтобы выяснить степень этой общности, нужно сравнить мозг с кибернетическими устройствами. В указанной работе И. Б. Новика сформулированы четыре методологических принципа подхода к такому сравнению. Первый из них «заключается в признании содержательной основой такого сопоставления общематериального атрибута отражения».³¹ В конкретном случае это означает сравнение вещественных субстратов мозга и машины, реализуемых этими субстратами форм отражения. Поскольку различные формы отражения самым непосредственным образом связаны с соответствующими формами движения материи, то для решения проблемы возможной степени общности между мозгом и кибернетической машиной закономерно использовать решение, данное в марксизме проблеме редукции различных форм движения материи. В свое время уже Энгельс показал, что высшие формы движения материи в своей специфичности в принципе не сводятся к низшим формам. Следовательно, работа современных кибернетических машин, вообще говоря, не отражает специфику работы мозга. Почему же все-таки не утихают споры вокруг этого вопроса? Ответ на это следует, в частности, искать в надежде, которая возникла после первых успехов моделирования простых видов интеллектуальной деятельности, что при искусственном введении в определенный субстрат (в форму движения) внутренне ему не свойственной дополнительной организации, можно в конце концов ликвидировать качественное отличие между низшей и высшей формами отражения, движения материи. Особенностью развития высшей формы отражения является то, что она, уже включая в себя в качестве своего фундамента низшие формы отражения, вторично обращается к этим низшим формам с целью их использования в качестве своего внешнего органа. Но эти низшие формы она может использовать не в их природном виде, а лишь после дополнительной их организации. В результате мы получим необходимые для человечества предметы, вещественные орудия труда и познания. Пока общество имело дело с орудиями труда, облегчающими главным образом физический труд, все было более или менее ясным: человеческое сознание — это одно, разные вещи, в том числе машины, — это нечто принципиально другое, это продукты человеческой деятельности, дело рук человека, воплощение в природном

³¹ И. Б. Новик, указ. соч., стр. 71.

материале его знаний, идей и т. д., дающее ему определенную власть над силами природы. Непонятой оставалась лишь одна существенная деталь: в силу каких причин продукты человеческой деятельности становятся враждебными самому человеку, своему создателю. Раскрывая в своих работах сущность отчуждения, К. Маркс внес ясность и в этот вопрос. Однако появление машин, способных заменить человека в некоторых сферах умственного труда, снова заострило внимание на соотношении человека и продуктов его деятельности. Феномен отчуждения, ежедневно воспроизводимый в мире частного капитала не мог не оказывать своего влияния на трактовку этого соотношения. В пессимистических картинах будущего, конструируемых буржуазными теоретиками и идеологами, кибернетические машины стали материальным воплощением отчужденного, враждебного человеку сознания. Именно в этом, видимо, кроются социальные корни того взгляда, согласно которому машина может быть не только равной человеку, но и подняться выше его, вплоть до подчинения его своей воле. «И если мы видим, — пишет П. В. Копнин, — что машина поставлена во враждебное отношение к человеку, то за этой машиной следует отыскать человека (социальную группу), который пытается поработить, эксплуатировать своего ближнего. Иными словами, отношение машины к человеку выражает взаимоотношение людей в обществе.»³² Таким образом, вопрос о том, можно ли компенсировать «недостатки» субстрата навязыванием ему дополнительной внешней формы, имеет не только чисто гносеологический аспект рассмотрения.

Итак, используя относительную самостоятельность формы, мы в силах навязать ее определенному субстрату как содержанию. Но, как показывает практика, содержание на это отвечает демонстрацией своей собственной относительной самостоятельности. Введение в субстрат новой имманентной формы — т. е. изменение содержания субстрата, например, синтез живого из неживого — нам пока не удастся. Стоя перед этой задачей, мы похожи на извозчика, в распоряжении которого вместо лошади находятся герои известной басни — Лебедь, Щука и Рак.

«Какой бы совершенной ни была кибернетическая машина, — пишет И. Д. Андреев, — она функционирует в сфере простейших форм движения материи».³³ Но сравнением процессов

³² П. В. Копнин, Введение в марксистскую гносеологию, Киев, «Наукова думка», 1966, стр. 91. Здесь можно говорить о гносеологической ценности кибернетических машин в познании характера социальных отношений: если машины стоят во враждебном отношении к человеку, если машина изображается как деспот в теоретических построениях о будущем, то в таком обществе господствует отчуждение.

³³ Ленинская теория отражения и современность, София, «Наука и искусство», 1969, стр. 229.

в кибернетической машине с физиологическими процессами не исчерпывается задача сравнения материальных основ кибернетической машины и психических процессов. «Говоря о зависимости свойств мышления от материальной основы, важно еще раз подчеркнуть решающую роль социального фактора как необходимого условия возникновения сознания. Мышление возникает в результате взаимодействия субъекта познания с объектом в условиях социальной среды. ... С этой точки зрения, материальную основу мышления следует рассматривать как двуединую, имеющую внутреннюю и внешнюю стороны».³⁴ Ясно, что машина никакими внутренними побудительными мотивами к познанию не обладает, и, таким образом, в качестве субъекта познания не выступает. «Машина не может создавать идеальный образ действительности путем абстракций, это функция человеческого мозга и только его, а где нет создания идеального образа действительности путем абстракций, там нет и мышления в самом его наипростейшем виде».³⁵ Машина не субъект, а средство познания, она не сама мыслит, а помогает мыслить человеку.

Сравнение субстратов, структурной сложности и т. д. кибернетической машины и психики — это, так сказать, онтологический аспект этого сравнения, из которого следуют определенные соображения относительно гносеологической ценности знаний, полученных от материальных кибернетических моделей для познания психических процессов. Как мы видели, различие между кибернетической машиной и мозгом прежде всего качественное. Поэтому нельзя данные, полученные на модели, переносить на оригинал при помощи строгих методов как, например, теория подобия, с успехом применяемая в механике для переноса на оригинал данных модели. Это в значительной степени снижает ценность информации, которую дает модель, для познания оригинала — психических процессов. Н. А. Бернштейн считал, что «... Удачное воспроизведение моделью того или иного физиологического процесса или акта может сделать ее перспективной для создания на ее основе полезных практических автоматов, но ни в коей мере не может доказать тождества ее механизма со скрытыми механизмами прототипа».³⁶ Сказанное о физиологическом в еще большей мере относится к психическому. Кибернетическая модель, будучи в сущности функциональной моделью, способна воспроизвести

³⁴ А. Н. Кочергин, указ. соч., стр. 81—83.

³⁵ П. В. Копнин, Философские идеи В. И. Ленина и логика, М., «Наука», 1969, стр. 162.

³⁶ Н. А. Бернштейн, Проблемы моделирования в биологии активности, Сб. Математическое моделирование жизненных процессов, М., «Мысль», 1963, стр. 185.

лишь результат некоторого психического процесса, и то, как справедливо отмечает А. В. Брушлинский, не все богатство, свойственное результату психического процесса, а всего лишь материально-предметную, чисто вещную, формально-знаковую сторону этого результата.³⁷ Все это говорит о том, что знание, полученное от машинных моделей психических процессов, не способно функционировать в качестве достоверного факта в системе знаний о собственно психическом. Оно к этому, собственно говоря, и не стремится, а подходит больше для решения задач технического характера. Теория, сформулированная на языке функциональных схем механизма психического процесса, имеет, по Л. Веккеру, такую внутреннюю логику развития, что она неизбежно преобразуется в теорию бионического моделирования этого психического процесса.³⁸ В машинных моделях психических явлений мы видим характерный пример относительности практики как критерия истины: функцией, которую способны выполнять данные, полученные на модели, является не доказательство истинности или неистинности гипотезы или теории о тех или иных психических явлениях, а лишь некоторое изменение их правдоподобности. Если, например, модель, построенная по данной гипотезе, функционирует аналогично психике, то это повышает правдоподобность этой гипотезы.³⁹

Пора подвести некоторые итоги.

1. Методологические вопросы, возникающие при взаимодействии кибернетики и психологии следует рассматривать в нескольких планах (общие идеи и принципы и связанные с ними идеальные (мысленные) модели; системы понятий; машинные модели), а не сводить все рассмотрение к обсуждению вопросов машинного моделирования психических процессов, как это иногда делается.

2. Гносеологическую ценность кибернетики для психологии также не следует искать только в машинном моделировании, т. к. общие идеи и представления этих наук могут друг для друга представлять в гносеологическом смысле большую ценность, чем любая машина. Ключом для оценки гносеологической ценности данных, полученных на машинных моделях психических процессов, для психологии служит сопоставление кибернетической машины и психики в онтологическом плане. В это сопоставление входят: 1) сравнение субстратов машинной мо-

³⁷ А. В. Брушлинский, указ. соч., стр. 263—264.

³⁸ Л. Веккер, О путях бионического моделирования психических процессов, — Сб. Основные подходы к моделированию психики и эвристическому программированию (Материалы симпозиума, Киев, 1968 г.). М., 1968, стр. 81.

³⁹ А. А. Братко, А. Н. Кочергин, Моделирование как метод исследования психических функций, — Сб. Проблемы моделирования психической деятельности, Новосибирск, 1967, стр. 21—22.

дели и психического процесса; 2) сравнение сторон среды, способных вступить во взаимодействие с этими субстратами.

3. Работа по решению задач, поставленных перед исследователями психики В. И. Лениным, ведется на широком фронте. Однако многие вопросы пока не поддаются решению. Ответы на них можно получить только совместными усилиями психологии и марксистской философии, в союзе естествознания и материализма, завещанного нам Лениным. С другой стороны, как следует из известной гносеологической программы, выдвинутой Лениным, общее развитие психологии будет новым вкладом в марксистско-ленинскую теорию познания и диалектику.⁴⁰

⁴⁰ В. И. Ленин, т. 29, стр. 314.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА

А. И. Горячева

В. И. Ленин писал, что «только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условия жизни тех классов, на которые каждое общество распадается».¹

Тщательно исследовать, каковы были люди того или иного века, «каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье», каковы «были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования» и означало, по Марксу, «заниматься действительной земной историей людей каждого столетия».²

Средства производства, предметы быта, производственные, семейные, национальные, политические отношения, язык, все формы сознания от мелодии и ритма колыбельной песни до великих произведений литературы и философских систем, все общественные взаимоотношения между людьми, самые различные у различных социальных групп создают определенные специфические различия в психике этих групп. В то же время общность условий, общность социально значимых возбудителей вызывает образование особых, относительно определенных психических состояний, охватывающих соответствующие общности людей. Подобно волнам, в которых отдельным частицам воды соответствуют индивидуальные психологии отдельных людей, распространяются они в человеческом море.

Общественная психология является порождением и отражением общественного бытия, ее развитие осуществляется в об-

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 58. (Далее: В. И. Ленин, т., стр.).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 138. (Далее К. Маркс и Ф. Энгельс, т., стр.).

шем процессе эволюции общественного сознания, элементом структуры которого она является. Подчиняясь общим закономерностям последней, развитие общественной психологии имеет и свои особенности. В этом нет ничего удивительного, если иметь в виду, что и у взаимоотношения отдельных форм сознания с общественным бытием имеются свои определенные, только им свойственные особенности.

Как известно, чем дальше отстоит та или иная область общественного сознания от экономики, чем более опосредствована ее связь с нею, тем более значительным является момент относительной самостоятельности этой области. Наиболее абстрактные, высоко стоящие области духовной жизни отражают лишь наиболее общую, основную экономическую тенденцию, выражают наиболее глубокие экономические интересы определенной социальной группы.

Общественная психология представляет собою в целом низший слой общественного сознания. В силу своей собственной многоступенчатости, многогранности, а также своей недостаточной «жестокости», общественная психология как низший слой общественного сознания, наиболее тесно прилегает ко всем граням и формам общественного бытия. В ней непосредственно отпечатываются и длительно сохраняющиеся условия и текущие, как глубокие, так и не столь существенные изменения общественных условий. В силу этого при рассмотрении взаимоотношений общественной психологии и общественного бытия к последнему необходимо подходить дифференцированно. Различные аспекты общественного бытия находят свое преимущественное отражение в разных элементах общественной психологии. Противоречивость общественного бытия определяет и внутреннюю противоречивость общественной психологии в целом, и противоречия между общественной психологией и концептуальной частью общественного сознания.

Общественная психология отвечает экономике и как ее порождение, и как отражение, и как обслуживающее экономику средство. Непосредственная связь общественной психологии с экономикой определяет соответствие общественной психологии производственным отношениям как их отражения. Будучи надстройкой, общественная психология в то же время в противоположность идеологии проникает некоторыми своими элементами в самую материальную жизнь общества. В производственных отношениях, как и в производительных силах, имеется субъективный момент. Люди вступают в материальные, от их воли не зависящие отношения как наделенные психикой сознательные существа. Крестьянин борется за сохранение своего надела, рабочий продает капиталисту свою силу, капиталист гонится за возрастающей прибылью, будучи движимы психическими стимулами, потребностями, страстями. Известные слова Маркса —

«производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»,³ относятся не только к периоду становления сознания формирующегося общества, они имеют и силу всегда по отношению к некоторым элементам общественной психологии.

В экономическую жизнь из элементов общественной психологии вплетается часть материальных потребностей и интересов, некоторые эмоции, страсти, играющие роль психических мотивов экономической деятельности. Эти психические элементы суть производные от материальных отношений, однако они входят в качестве необходимого звена в общие причинно-следственные связи общественного процесса.

Общественная психология необходимо соответствует производственным отношениям, также общественному бытию в силу объективной целесообразности. в своеобразной форме проявляющейся в обществе как саморегулирующейся системе. Психология, т. е. свойство характера, привычки, социальные чувства и т. д. должны служить обществу, тем отношениям, носителем которых данная социальная группа является, за которые она борется. Практика общественной жизни в целом, в том числе и в особенности практика классовой борьбы, неизбежно устраняет несоответствующие этой задаче моменты в общественной психологии.

Процесс «отбора» полезных элементов общественной психологии осуществляется одновременно как стихийным, так и сознательным путями. Эти моменты закрепляются бессознательно, стихийно потому, что они непосредственно облегчают практическую деятельность человека, повышают его энергию, а поэтому он стремится их поддерживать. Они закрепляются традицией, освящаются и оправдываются в области идеологии, культивируются, поощряются и сознательно внедряются семьей, государством, общественными организациями, воспитываются — сознательно. Происходит целенаправленный отбор информации, превращающейся в могучий поток, протекающей сквозь индивидуальные психики, психологии поколений. Это — общий социологический закон.

«Непревзойденный стратег и тактик пролетарской классовой борьбы, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — Ленин был теснейшим образом связан с трудящимися, исходил из их коренных интересов, постоянно ощущал пульс народной жизни, внимательно изучал социальную психологию рабочих и крестьян, всех слоев общества, учитывая все это при выработке политических решений».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 3, стр. 24.

В работах В. И. Ленина мы находим многочисленные указания на различия в психологии классов и слоев того или иного общества, а также на зависимость психологии от условий материальной жизни общества, в первую очередь от экономики, от производства и общественной деятельности. Так, например, В. И. Ленин писал о коренном отличии «психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще мелкого буржуа, от психологии пролетария», психологию средних и мелких буржуа В. И. Ленин называл «мещанской психологией».⁴

Яркий пример определяющего воздействия экономики на психологию представляет развитие капиталистических отношений в деревне. Патриархальный психический склад крестьянина-общинника сменяется индивидуалистической психологией мелкого собственника. Одновременно с переходом к товарному хозяйству развивается «фанатизм собственников», представляющий, как писал Ленин, общую черту психологии как западно-европейских крестьян, так и русских «общинников».⁵

В русской литературе этот процесс в общественной психологии крестьян «с громадным артистическим талантом» показан Глебом Успенским, на произведения которого неоднократно ссылался Ленин. Глеб Успенский показывает психику мужика той эпохи русской жизни, когда происходила «быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России»,⁶ когда «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая».⁷ В своих произведениях Успенский показывает как капиталистические отношения, проникающие в деревню, разрушают старый патриархальный уклад и порождают мелкособственнические интересы и индивидуалистическую психологию. Успенский подчеркивал быстроту общественно-психологических изменений при самом ничтожнейшем прикосновении.

Мелко-товарное производство, развитие капиталистических отношений в деревне преобразует старинный тип патриархального земледельца, полностью подчиня его «власти денег».⁸ Под воздействием частной собственности воцаряется атмосфера «грызни, недоверия, вражды, раздробленности, взаимоподсидживания, которая неминуемо порождается — и постоянно возрождается вновь — мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников...»⁹ В. И. Ленин писал также, что «мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину) мешает перейти к коллективному производству крайне слабое раз-

⁴ В. И. Ленин, т. 23, стр. 256.

⁵ Там же, т. 4, стр. 113.

⁶ Там же, т. 16, стр. 301.

⁷ Там же, т. 17, стр. 66.

⁸ Там же, т. 3, стр. 306.

⁹ Там же, т. 41, стр. 107—108.

вите солидарности, дисциплины, их изолированность, их «фа-натизм собственников».¹⁰

Своеобразие классовой психологии пролетариата определяется прежде всего тем, что этот класс производителей лишен частной собственности, в том числе и в смысле самой возможности обладать ею в будущем. Воздействие этого в конечном счете решающего для развития характера пролетариата экономического условия преодолевает другие влияния на его психологию. Отсутствие частной собственности обуславливает и отсутствие потребностей, интересов, страстей, направленных на этот предмет. Это означает глубокое отличие психического склада в целом, интересов, чувств рабочих не только от психологии эксплуататорских классов, но и от психологии трудящихся классов, имеющих собственность.

Специфически пролетарская психология у рабочих формируется не сразу. Над складывающимся пролетариатом еще значительное время довлечет (а над некоторыми группами рабочего класса продолжает довлеть) мелкобуржуазная психология, психология той социальной среды, выходцем из которой в своей массе исторически является рабочий класс. Рост эксплуатации, классовая борьба с буржуазией вынуждают рабочего постепенно отказываться от несоответствующих его реальному положению, его жизненной практике черт характера, привычек, чувств, настроений.

В одном из своих писем В. И. Ленин писал об условиях приема новых членов в партию (март 1922 года), в котором предлагал срок стажа в полгода для приема в партию оставить «только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях». «У нас постоянно, — писал В. И. Ленин, — считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих».¹¹ В другом письме В. И. Ленин писал, что для того, чтобы определить понятие «рабочий» нужно, чтобы «под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта».¹²

Отсутствие собственного «инстинкта», страсти к наживе, алчности создает психологическую возможность для разви-

¹⁰ В. И. Ленин, т. 41 стр. 113.

¹¹ Там же, т. 45, стр. 17—18.

¹² Там же, стр. 20.

тия у рабочего класса гуманистических чувств: чувства братства, солидарности, интернационализма, уважения человеческого достоинства

Буржуазия, хорошо понимающая, что сила ее врага в его солидарности, сплоченности, стремится не только держать, рабочий класс под своим идеологическим влиянием, но и психологически на него воздействовать, прививая ему свою психологию индивидуализма, алчности, эгоистической расчетливости. Классовое чутье, опыт борьбы подсказывает ей оказать воздействие на психологически определяющий элемент сознания пролетариата.

Если отсутствие у рабочих частнособственнических стремлений создает, как мы уже говорили, психологическую возможность развития в их характере черт коллективизма, чувств солидарности, товарищества, способности подчинения личного интереса общим интересам класса, то эту возможность в действительность превращает прежде всего экономическая борьба рабочих против предпринимателей. Экономическая борьба за лучшие условия продажи рабочей силы представляет собою развитие капиталистических товарных отношений, являясь необходимым экономическим условием существования рабочего класса.

Солидарность, сплочение, дисциплина масс рабочего класса представляет собою силу, только благодаря которой рабочий класс в условиях капитализма добивается относительного улучшения своего положения. «Пролетарий -- ничто, пока он остается изолированным индивидуумом. Вся свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из организации, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного организма. Этот организм для него -- все, отдельный же индивидуум значит, по сравнению с ним, очень мало. Пролетарий ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей его чувство, все его мышление».¹³

Развитие чувств классовой солидарности, товарищества приводит к тому, что классовая солидарность, классовая организация становятся для рабочих не только средством защиты их заработной платы, но и целью. Это означает, однако, переход от уровня классовой психологии к классовой идеологии, к осознанию общности интересов, противоположности их интересам всей буржуазии как класса.

¹³ В. И. Ленин, т. 8, стр. 310. В. И. Ленин приводит здесь характеристику, данную К. Каутским.

Более высокое, по сравнению с другими эксплуатируемыми классами, интеллектуальное развитие пролетариата, развитое чувство достоинства, относительно незначительный удельный вес предрассудков в его психологии создают психологическую основу для исключительного развития чувства возмущения эксплуатацией, угнетением во всех его формах, ненависти к классовому врагу, той активности, которую В. И. Ленин относил к основным факторам силы рабочего класса. Вместе с тем и чувств солидарности с другими эксплуатируемыми классами и слоями общества, а также — чувств интернациональной солидарности.

К собственно экономическим причинам, определяющим особенности психического склада рабочего класса, добавляются воздействия самой производственной деятельности промышленного пролетариата, а тем самым — материально-технической базы общества, технологии.

Техника, технологическая сторона производства оказывала всегда влияние на общественную психологию, которая не обязательно и не во всем опосредствована производственными отношениями. Чтобы подчеркнуть теоретическое значение этого, напомним, что общественная психология как целое относится марксизмом к надстройке над экономическим базисом общества. «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений».¹⁴ Следовательно, если справедливо предыдущее положение о непосредственной зависимости психологии от производства, то следует вывод о непосредственной связи надстройки, по крайней мере ее некоторых элементов, с производством.

Действительно, было бы совершенно непонятным, если бы общественное сознание классов, основное время жизни занятых в сфере производства, не отражало бы также и непосредственно производства, его технологических особенностей. Определяя способ деятельности, напряжение воли, ритм трудового процесса, характер взаимодействия и общения в ходе трудовой деятельности с другими людьми, производство развивает и формирует волевые компоненты психологии, определенные привычки. Некоторые обычаи представляют собою форму закрепления производственных навыков, искусства. Последнее составляет важнейший момент производительных сил. «Степень искусности наличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 8, стр. 145.

накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде». ¹⁵ Производство развивает те или иные способности, вырабатывает индивидуалистические или коллективистские черты характера. Сила формирующего воздействия производства на некоторые стороны психического склада заключается прежде всего в том, что в процессе его человек выступает как активный деятель, а, как известно, именно активная деятельность, требующая наибольшего напряжения духовных сил, оказывает преобразующее воздействие на субъект, на его психику. Воздействуя в процессе труда на внешнюю природу и изменяя ее, человек «в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти». ¹⁶ Техника и способ ее применения, технология определяют при этом направление развития психики человека в процессе труда.

Признание прямого воздействия технологической стороны производства на общественную психологию не противоречит тому, что марксизмом подчеркивается определяющее значение воздействия на общественную психологию экономического базиса, производственных отношений. Будучи социальной необходимостью, решающее воздействие экономических условий на общественную психологию отвечает в то же время законам психологии, осуществляясь через посредство этих законов. Формы собственности, вытекающие из них отношения обмена, распределения, экономические взаимоотношения между классами определяют степень возможности или невозможность присваивать необходимые для жизни предметы. Это оказывает психологически неизбежное детерминирующее воздействие на сознание, так как от него зависит возможность удовлетворения основных естественных и культурных потребностей человека. Основные интересы, подчиняющие себе значительную часть остальных психических процессов, порождаются именно экономическими условиями. Кроме того, черты психического склада, чувства, отвечающие экономическим условиям, имеют особое социальное значение, ценность, которая сохраняется, культивируется и передается в поколениях данным классом.

Воздействие производства на психологию происходит в значительной мере через указанные экономические условия, опосредовано ими. Изменения в производительных силах приводят к изменению в производственных отношениях, а последние уже в свою очередь — к изменениям в общественной психологии как

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 26. часть III, стр. 306.

¹⁶ Там же, т. 23, стр. 188—189.

части надстройки. Однако, как мы уже говорили, имеются и другие, прямые пути воздействия производства на общественную психологию, отрицать которые теоретически и фактически невозможно.

В реальном процессе общественной жизни непосредственное влияние производства на психологию осуществляется одновременно с влиянием экономических, а также других условий. Эти воздействия могут перекрещиваться, сливаться в одно общее воздействие бытия, однако это не означает, что не следует при анализе зависимости общественной психологии от общественного бытия их различать. «... Уровень развития различных рабочих, — писал Энгельс об английских рабочих первой половины XIX века, — находится в прямой зависимости от их связи с промышленностью, ... следовательно, промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие еще почти совсем их не сознают».¹⁷ В. И. Ленин указывал на значение прямого воздействия крупно-промышленного производства, машинной техники, производственной дисциплины на фабриках и заводах на психологию трудящихся. Изменения старого хозяйственного строя капитализмом, наиболее ярким и рельефным проявлением чего Ленин считал концентрацию производства, «неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения», «к глубокому изменению самого характера производителей».¹⁸ Ленин подчеркивал прямую зависимость психологии промышленного пролетариата от характера самого машинного производства в крупной промышленности, называя последние «психологической базой пролетариата».¹⁹ «Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящихся и эксплуатируемого населения. Именно марксизм как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технического производства».²⁰

Таким образом, склонность к организованности, дисциплине, соответствующая порождаемым экономическими условиями жизни пролетариата коллективистским чертам, чувству соли-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, г. 2, стр. 260.

¹⁸ В. И. Ленин, т. 3, стр. 600, 601.

¹⁹ «Ленинский сборник», т. XXXV, стр. 248.

²⁰ В. И. Ленин, т. 8, стр. 379.

дарности, товарищества, определяются одновременно непосредственно условиями труда в крупном индустриальном производстве. Главной материальной основой неизбежного наступления социализма является рост крупного производства и финансового капитала. «Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат».²¹

Мелкобуржуазный индивидуализм, невыдержанность и проистекающая отсюда неспособность к организации, дисциплине у массы мелкотоварных производителей объясняется не только мелкой частной собственностью, но и связанным с ней индивидуалистическим характером труда, отсталостью техники и методов производства.

То же самое относится к характеру интеллигенции в буржуазном обществе, в массе своей работающей индивидуально, оторванной от физического труда. «Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе».²² Отрыв умственного труда от физического накладывает отпечаток на психологию интеллигента, определяя некоторые общие черты психического склада интеллигенции. В. И. Ленин указывал на небрежность, нервную торопливость интеллигентов, склонность заменять практическое дело спорами, браться за все и не доводить дело до конца. Все это вытекает, по словам Ленина, «вовсе не из дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное».²³ Ленин ссылался на социально-психологическую характеристику психологии буржуазного интеллигента Каутским, которую он считал блестящей. «Интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и мышлении» — писал К. Каутский. В противоположность пролетариату, интеллигент «борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие — это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собствен-

²¹ В. И. Ленин, т. 26, стр. 73.

²² Там же, т. 8, стр. 379.

²³ В. И. Ленин, т. 35, стр. 201—202.

ному побуждению. Необходимость дисциплины признает он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам. . .»²⁴

Но есть и другая сторона, которую В. И. Ленин также отмечал: интеллигенция является носителем общественного сознания, выразителем интересов той или иной социальной группы. В статье «Задачи революционной молодежи» (сент. 1903 год), В. И. Ленин писал о происходящем революционизировании студенчества, росте группы социалистически настроенной молодежи: наше студенчество «является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе».²⁵ «Известная часть студенчества хочет выработать себе определенное и цельное социалистическое мировоззрение. Конечной целью этой подготовительной работы может быть — для студентов, желающих практически участвовать в революционном движении, — только сознательный и бесповоротный выбор одного из двух направлений, сложившихся в настоящее время в революционной среде. Кто протестует против такого выбора во имя идейного объединения студенчества, во имя его революционизирования вообще и т. п., — тот затемняет социалистическое сознание, тот проповедует на самом деле лишь безыдейность. Политическая группировка студенчества не может не отражать политической группировки всего общества, и долг всякого социалиста — стремиться к возможно более сознательной и последовательной размежовке политически разнородных групп».²⁶

Следует иметь также в виду, что интеллигенция не является однородным слоем общества. Она представляет все слои, классы и группы общества. Поэтому в переломные моменты истории развития общества выразители общественного настроения, общественного мнения и т. д. выражают его по-разному. Так, В. И. Ленин писал (сент. 1913 года); «Общезвестно, что в описываемое время буржуазное и мелкобуржуазное общество России было обуреваемо в сильнейшей степени контрреволюционными настроениями. Общеизвестно, какой глубокий антагонизм между буржуазией и пролетариатом вскрылся в дни свободы и породил это контрреволюционное настроение, наряду с распадом, унынием, упадком духа у многих непрочных друзей пролетариата. . . Из подполья бежала прежде всего и в первую очередь буржуазная интеллигенция, поддавшаяся контрреволюционному настроению, те «попутчики» с.-д. рабочего движения,

²⁴ Цит. по В. И. Ленин, т. 8, стр. 310.

²⁵ Там же, т. 7, стр. 343.

²⁶ Там же, стр. 355.

которые и у нас, как и в Европе, увлекались освободительной ролью пролетариата (в Европе: плебса вообще) в буржуазной революции. Известен факт, какая масса марксистов отошла от подполья после 1905 года и расселась по всяческим легальным интеллигентским гнездышкам... Бегство из подполья могло быть у отдельных лиц результатом усталости и надломленности. Таких лиц можно только пожалеть; им должно подать помощь, поскольку пройдет их надлом и проявится у них снова тяга от обывательщины, от либералов и от либеральной рабочей партии к рабочему подполью».²⁷ Передовой же отряд пролетариата «воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы по пути сознательной классовой политики»,²⁸ — писал В. И. Ленин о другой части выразителей общественных настроений, общественного мнения, общественных интересов и т. д.

Эти общественные настроения, интересы и т. д. являются прежде всего классовыми. Передовой отряд рабочего класса необходимо должен учитывать состояние общественного сознания, общественной психологии и использовать их. В. И. Ленин писал (июль 1910 года): «Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика. Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией... и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые... понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу...»²⁹ Настроение В. И. Ленин считал политическим симптомом.³⁰ Изменения в нем могут вести к быстрым переменам во всем сознании и в соответствии с этим — к действиям. В. И. Ленин писал о необходимости «будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям», «возбуждать, «встряхивать» народ»,³¹ как это было записано в Базельском манифесте. В. И. Ленин считал долгом всех социал-демократов помогать осознавать революционные

²⁷ В. И. Ленин, т. 24, стр. 25, 26.

²⁸ Там же, стр. 37.

²⁹ В. И. Ленин, т. 26, стр. 290—291.

³⁰ Там же, т. 22, стр. 387.

³¹ Там же, т. 26, стр. 221.

настроения в массах, углублять их и оформлять.³² «Настроение масс, — писал В. И. Ленин в августе 1915 года, — в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение — долг всех с.-д.»³³

В. И. Ленин придавал внедрению современной техники, переходу к крупному производству, огромное значение в деле переработки психического склада крестьянства, в отношении которого он даже замечал, «что психика мужика определяется не формой землевладения, а условиями производства».³⁴ «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков, — говорил Ленин на X съезде РКП(б), — есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца».³⁵

Признание прямого взаимодействия общественной психологии как элемента надстройки с производством, техникой не имеет ничего общего с вульгаризацией исторического материализма, при которой из характера производительных сил и технологии пытаются вывести идеологию. Известно, что против подобного искажения марксизма выступал Энгельс.³⁶ За это же Ленин остро критиковал Шулятикова. Необходимо подчеркнуть, что такого же рода вульгаризацией является сведение к производительным силам не только идеологии, но и всей общественной психологии в целом.

Существование непосредственной прямой связи материально-технической базы общества и общественной психологии ставит в наши дни вопрос о необходимости приведения общественной психологии в соответствие с современным развитием техники и производства. Мощному развитию производства, современному техническому прогрессу резко не соответствует психология буржуазного общества. Атомная энергия, сплошная электрификация, стремительное развитие транспорта, эпоха завоевания космоса человеком, начинающаяся эпоха вытеснения физического, механического и умственного труда человека автоматами несовместимы с порождаемой буржуазными отношениями индивидуалистической психологией, интересами, потребностями, предрассудками.

³² В. И. Ленин, т. 26, стр. 325.

³³ Там же, стр. 327.

³⁴ «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 280.

³⁵ В. И. Ленин, т. 43, стр. 60.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 37, стр. 370.

В узкий и тесный мир буржуазной и мелкобуржуазной психологии с шумом и грохотом вторгается техника — дитя коллективных усилий человечества. Она требует нового образа мыслей, характеров, чувств. В капиталистическом обществе техника приводит к нервным расстройствам, психозам.

Технический прогресс означает в то же время невиданное развитие средств информации. Психика человека становится непосредственно управляемой. Пресса, радио, телевидение, кино, техника рекламы в руках капиталистических монополий, империалистического государства калечит, уродует психологию. Капиталистическая собственность становится не только экономически, исторически, политически, но и психологически изжившей себя, опасной для человечества. «Противоречия между неровным, хаотическим, трудным развитием техники и производства, с одной стороны, — пишет итальянский публицист Энцо Рава, — и старыми социальными, а также политическими и даже психологическими структурами, с другой, очевидны, и каждый говорит себе: что-то должно измениться».³⁷ Психология человека в капиталистическом обществе не может глубоко измениться, поскольку она, не соответствуя техническому развитию, порождается и отвечает частнособственническим экономическим отношениям.

Слом капиталистических производственных отношений социалистической революцией является исторической необходимостью и с точки зрения развития общественной психологии.

Переход к социалистическому обществу означает начало глубочайшей революции во всей общественной психологии, глубочайшую перестройку всей ее структуры. Создание новых производственных отношений приводит прежде всего к изменению материальных потребностей и интересов. «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы».³⁸ В обществе, в котором отсутствует частная собственность, где не существует возможности стать ее обладателем, исчезает и потребность в ней, заинтересованность в ее приобретении. Интерес к накоплению богатства, намного превышающего развитые естественные и культурные потребности, в условиях полного отсутствия безработицы, развитого социального обеспечения теряет экономический смысл. Отсутствие эксплуатации, классовой борьбы внутри страны, конкуренции, ошущаемая для всех выгодность развития социалистического народного хозяйства и культуры вызывает неизбежное совпадение основных материальных интересов у членов социалистического общества.

³⁷ «Литературная газета», 13 января 1962 года.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 18, стр. 271.

Социалистические производственные отношения, включающие в себя взаимный обмен живым трудом между производителями, направленный на их взаимную поддержку, являются отношениями взаимопомощи свободных и равноправных тружеников. Это совместно с новыми интересами, их новой структурой вызывает у трудящихся новые социальные чувства, развивая в комплексе старых чувств одни, обрекая на отмирание другие, коренным образом преобразуя их соотношение. Возникает новый эмоционально-психологический комплекс. Основу его составляют чувства товарищества, солидарности, симпатии, ответственности перед обществом, любви к своему народу, родной земле. Как общее социальное явление исчезло чувство неуверенности в завтрашнем дне, страха перед будущим, настроения озабоченности и угнетенности.

Новые социальные эмоции возникают не только на основе сложившихся производственных отношений, а уже в ходе борьбы за них. Более того, новые эмоции психологически в силу их новизны, в силу закономерности смены эмоций, возбуждения, порожденного борьбой, субъективно часто переживаются сильнее. «В эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, — говорил Ленин, — когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются».³⁹ Совокупность этих чувств совместно с чувством ненависти к классовым врагам в ее высшем напряжении представляет собою тот революционный энтузиазм, который поднимал миллионы трудящихся Советской России на борьбу с белогвардейцами и интервентами в гражданскую войну, на восстановление разрушенного народного хозяйства, на подвиги во время строек пятилеток. Подобное же социально-психологическое явление наблюдалось позднее во всех странах, приступавших к борьбе за социализм.

На основании этого можно считать закономерностью развития социальных чувств, что некоторые из них изменяются одновременно с изменением общественного бытия. Они дают особенно острую по интенсивности вспышку, охватывая огромные народные массы в период перехода к строительству социалистического общества. Немецкие марксисты, ссылаясь на опыт ГДР, называют это преобразование социальных чувств «взрывным изменением».⁴⁰ Эти чувства должны быть закреплены дальнейшим развитием социалистической экономики, повышением народного богатства, позволяющим удовлетворять прежде всего материальные интересы трудящихся.

³⁹ Клара Цеткин, Воспоминания о Ленине, М., 1955, стр. 48.

⁴⁰ E. Altman, Eine sozialistische Betriebsatmosphäre schaffen, — «Einheit», 1962, Н. 12, S. 132.

Новое отношение к труду, место, которое занимает вопрос труда в сознании, связанные с этим другие моменты психологии, принципиально отличают психический склад трудящихся социалистического общества не только от буржуазной и мелкобуржуазной психологии, но и от психологии рабочего класса капиталистического общества, в основном на базе которой развивается психология социалистического общества.

В социалистическом обществе трудящиеся становятся хозяевами страны, которым принадлежат продукты их труда. Общественное производство направлено на все более полное удовлетворение их непрерывно растущих потребностей. Это порождает небывалые до этого в истории моральные стимулы к труду, составляющие важнейший момент как идеологии, мировоззрения, морального и политического сознания, так и общественной психологии. Единство материальных и моральных побудителей отношения советских людей к труду имеет таким образом глубокую психологическую основу. Оно проявляется в социалистическом соревновании, на важнейшее значение которого в развитии общественного производства указывал В. И. Ленин. Он показал также социально-психологическую природу соревнования, его воспитательную роль. «Выполняя указание Ленина, партия стремится полностью использовать все формы материального и морального стимулирования труда, развивать социалистическое соревнование, открывающее широкий простор инициативе, творческому почину. Нужно все дело хозяйствования, учил Ленин, поставить так, чтобы «сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность» (т. 36, стр. 369—370).⁴¹

В условиях победившего социализма, с утверждением единой коммунистической идеологии во всех слоях общества наиболее существенные различия в их духовном облике продолжают сохраняться в области общественной психологии. Здесь же оказываются наиболее устойчивыми остатки старого, буржуазного и мелкобуржуазного сознания. В связи с этим вопросы социальной психологии приобретают особенно большое значение для всей работы по коммунистическому воспитанию, происходящей под руководством ленинской партии, «умеющей выражать настроения масс и влиять на них».⁴²

Поступила в редакцию
26 января 1970 г.

⁴¹ Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

⁴² Там же.

ЛЕНИН О СООТНОШЕНИИ ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ИСКУССТВА

Л. Н. Столович

Одной из важнейших задач современной истории марксистской эстетики является воссоздание той целостной системы, которую образуют эстетические воззрения В. И. Ленина. Взятые в целостности и единстве взгляды Ленина на искусство противостоят различного рода метафизически-односторонним концепциям сущности искусства. По отношению к исследованию искусства первостепенное значение имеет сформулированное В. И. Лениным требование диалектической логики: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвления».¹

В работах, посвященных эстетическому наследию В. И. Ленина, особое внимание отводится трактовке искусства с точки зрения теории отражения. И действительно, в трудах Ленина, в его высказываниях об искусстве проводится мысль об отражательном аспекте художественного творчества, о познавательном значении произведений искусства. В 1908 году писалась, а в 1909 году увидела свет книга «Материализм и эмпириокритицизм», в которой обосновывается положение об отражательной природе человеческого сознания. В 1908 году была опубликована статья В. И. Ленина, само название которой показывает направленность ленинского интереса к искусству: «Лев Толстой, как зеркало (разрядка моя. — Л. С.) русской революции». В статье содержится ставшая уже классической формула отношения искусства и действительности: «И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».²

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290. (Далее мы ссылаемся только на данное издание сочинений В. И. Ленина, ограничиваясь указанием тома и страниц.)

² В. И. Ленин, т. 17, стр. 206.

Художественное сознание — одно из проявлений человеческого сознания вообще. И если последнее возникло в процессе длительной эволюции материи из такого ее свойства как способность к отражению, т. е. к перенесению информации от одних структур на другие, то и искусство не может не отражать порождающую его действительность. При этом нельзя ставить знак равенства между «отражением» и «познанием». Отражение может быть правильным, адекватным объекту, но может быть и ложным, как отражение в кривом зеркале. Познание же — это правильное отражение, отражение, дающее истину, которая существует в искусстве в виде художественной правды.

В ленинских «Философских тетрадах» отмечается, что основная беда метафизического материализма — это «неумение применить диалектики к Bildertheorie, к процессу и развитию познания».³ Эта беда в значительной степени была свойственна и домарксистской материалистической эстетике, которая подчас слишком буквально понимала отражательную природу искусства, сводя отражение к подражанию, к обязательно копиному воспроизведению реальности в художественном произведении.

Величайший диалектик XX века, считавший, что «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма»,⁴ отлично понимал, что процесс отражения действительности вообще и в искусстве, в частности, — необычайно сложный, противоречивый процесс, отнюдь не подобный механическому копированию. Ленин называл творчество Льва Толстого зеркалом русской революции отнюдь не потому, что считал отражение зеркальным актом, а для того, чтобы подчеркнуть существование акта отражения там, где, казалось бы, на первый взгляд, о нем не может идти даже речь. Вспомним начало ленинской статьи: «Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно?»⁵ И Ленин доказывает в своей статье, что Толстой отражает русскую революцию даже тем, что ... не понял ее и отстранился от нее: «Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»⁶. Толстой отразил революцию не тем, что изображал баррикадные сражения, но прежде всего потому, что «проти-

³ В. И. Ленин, т. 29, стр. 322.

⁴ Там же, стр. 321.

⁵ В. И. Ленин, т. 17, стр. 206.

⁶ Там же.

воречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».⁷

Как мы видим, в ленинском понимании понятие «отражение» шире, чем понятие «изображение». Толстой отразил революцию, не изображая непосредственно ее явлений. С другой стороны, не всякое изображение предполагает познание того, что изображается. Так, характеризуя натуралистический роман В. Винниченко «Заветы отцов», Ленин писал в письме к Инессе Арманд: «Поодиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и таким образом — значит, *малевать* ужасы, пугать и свое воображение и читателя, «забавать» себя и его».⁸

Если действительно великий художник должен в силу объективной отражательной природы искусства отразить хотя бы некоторые из существенных сторон общественной жизни, то правдивость отражения сама является одним из критериев художественной значимости произведения искусства. Это положение лежит в основе ленинских оценок произведений Толстого и Достоевского, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Анри Барбюса и Джона Рида, Аверченко и Клэр Шеридан.

Рассматривая искусство как отражение, Ленин полагал, что в художественном произведении отражается не только внешний мир, объективная реальность, но также и внутренний мир, так сказать, субъективная реальность как персонажей, нарисованных художником, так и самого художника. Ленин ценил в искусстве и раскрытие в художественных образах психологии характеров, «психики *данных типов*»⁹, и передачу психологии самого художника — «правдивое отображение, так, как художник чувствует».¹⁰

Притом, этот психологический аспект искусства необходимо сопрягается с социальным, потому что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».¹¹ Из понимания громадного социального значения искусства исходит ленинское учение о партийности искусства. Любой художник обладает своеобразной психологией, которая воплощается в его творчестве. Но сама эта психология подлежит оценке с точки зрения интересов передовых общественных сил, отражающих коренные ин-

⁷ В. И. Ленин, т. 17, стр. 210.

⁸ В. И. Ленин, т. 48, стр. 295.

⁹ В. И. Ленин, т. 49, стр. 57.

¹⁰ См. А. Магарам, Из воспоминаний о В. И. Ленине, — «Искусство», 1960, № 4, стр. 33.

¹¹ В. И. Ленин, т. 12, стр. 104.

тересы народных масс и потребности поступательного развития общества. В этом отношении достойна внимания заметка Ленина «Автору «Песни о Соколе», впервые включенная в собрание сочинений В. И. Ленина только в 1961 году. В этой заметке, резко критикуя шовинистическое воззвание «От писателей, художников и артистов», оправдывавшее участие царской России в империалистической войне, Ленин писал: «Однажды в разговоре по поводу коленопреклонения Шаляпина Горький сказал: «его нельзя судить очень уж строго: у нас, художников, другая психология». Другими словами: художник часто действует под влиянием настроения, которое у него достигает такой силы, что подавляет всякие другие соображения». И Ленин отнесся с полным пониманием к особенностям такой психологии: «Пусть так. Пусть Шаляпина нельзя судить строго. Он художник, и только». Однако само настроение художника, выраженное в поступке или в произведении имеет определенное социальное значение. И поэтому поступки или произведения, совершенные по настроению, по своей социальной значимости могут быть и пролетарскими и черносотенными.¹²

Художник не только фиксирует окружающие его явления действительности, но и оценивает их эстетически и вместе с тем политически и морально. Ленин неоднократно писал о критически-оценочном отношении к явлениям социальной жизни у Гоголя, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Чехова, Маяковского. Партийность искусства как эстетическая закономерность его развития в классовом обществе и есть проявление оценочного аспекта художественного творчества. При этом оценка, ее ложность или истинность, ее прогрессивность или реакционность определяются в конечном счете тем, как отражаются в ней подлинные ценности, возникающие в общественно-исторической практике, в революционной деятельности передовых общественных сил. Сами общественно-эстетические идеалы, являющиеся той «призмой», которая «преломляет» идущий от действительности поток информации и образует своеобразный «спектр» оценок, также обладают ценностью в зависимости от отражения в них объективного мира, от их связи с интересами исторического развития и его движущей силы. И к идеалам, воплощаемым в искусстве, относятся слова Ленина: «самым высоким идеалам цена — медный грош, пока вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе...»¹³

Таким образом, осмысление искусства с точки зрения ленинской теории отражения предполагает учет диалектики самого процесса отражения, не сводящегося только к созданию

¹² В. И. Ленин, т. 26, стр. 96.

¹³ В. И. Ленин, т. 1, стр. 408.

в искусстве простого подобия отражаемым явлением. При этом отражение действительности в искусстве охватывает и действительность духовного мира людей, в том числе и самого художника. Отражательная природа искусства поэтому предполагает отношение субъективной реальности к объективной, т. е. оценку — отражение действительности сквозь призму общественно-эстетического идеала. Отражательно-информационный аспект искусства обуславливает его и познавательно-оценочную, и социально-воспитательные функции.

Однако, сводится ли, по Ленину, сущность искусства только к его отражательно-информационному аспекту, к его познавательной функции? Некоторые авторы отвечают на этот вопрос положительно, при этом подчас саму отражательную природу искусства трактуя метафизически плоско. Такого рода однобокие представления о сущности искусства неправомерно обедняют ленинское понимание этой сущности. Вот характерный в данном отношении случай. В конце сороковых годов в «Литературной газете» прорабатывался один критик. В частности, ему как вопиющий идеализм инкриминировались следующие слова: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». Вскоре газета вынуждена была дать справку: приведенные выше слова принадлежат не критикуемому критику, а ... В. И. Ленину.¹⁴ Они действительно опубликованы в «Философских тетрадах».¹⁵ Этот случай, конечно, нелеп и анекдотичен, но в нем выразилось характерное для некоторых теоретиков игнорирование творческого аспекта искусства, которое, как и сознание человека вообще, «не только отражает мир, но и творит его».

Ленин глубоко понимал творческий характер искусства, т. е. то, что оно, отражая мир, создает новый мир, новую реальность. В статье о Льве Толстом, на которую автор этих строк ссылался как на образец применения к анализу искусства теории отражения, имеются следующие слова: Толстой характеризуется как «гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы».¹⁶ В чем смысл этого противопоставления: «не только ... , но и ...»? Ленин тем самым отмечает, что искусство обладает двумя связанными между собой, но различными аспектами. Оно отражает жизнь (дает «несравненные картины... жизни»), но оно также представляет собой результат творчества, создания новой реальности (дает «первоклассные произведения»).

¹⁴ См. «Литературная газета», 19 февраля 1949 г., № 15 (2502).

¹⁵ В. И. Ленин, т. 29, стр. 194.

¹⁶ В. И. Ленин, т. 17, стр. 209.

В этой связи для определения взглядов Ленина представляет интерес ленинская заметка, сделанная по полях газеты «Правда» от 27 сентября 1922 г., в которой была напечатана статья одного из идеологов Пролеткульта В. Плетнева «На идеологическом фронте». Отношение к статье В. Плетнева в целом у Ленина было резко отрицательным. Однако одна мысль в статье была встречена В. И. Лениным одобрительно. В. Плетнев писал, что для рабочего «искусство будет не только внешним украшением (подчеркнуто Лениным) жизни, а творчеством ее». И далее: «Будуарный херувимчик нелеп на фасаде грандиозной электрической станции, гирляндочки цветочков смешны на перекинутом через ширь реки мосту. И станция и мост красивы своей красотой мощи, силы, конструкции огромных масс стали, железа, бетона, камня». К этому месту и относится пометка Ленина: «Верно, но конкретно (Эренбург)».¹⁷

Автору этой статьи уже доводилось комментировать смысл отмеченной выше пометки как указания на правомерность разнообразных форм художественной реальности (промышленного искусства и искусства изобразительного).¹⁸ Но понять мысль Ленина помогает обращение к еще одному материалу. Речь идет о статье Я. Яковлева (Эпштейна) «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте», написанной на основе ленинских замечаний на статью В. Плетнева, просмотренной и в целом одобренной В. И. Лениным.¹⁹

Вот отрывок из статьи Я. Яковлева, очевидно связанный со словами Ленина: «Верно, но конкретно (Эренбург)». Остановившись на взглядах Плетнева относительно красоты производственного искусства, Я. Яковлев пишет: «Тов. Плетнев высказывает в своей статье несколько несомненно бесспорных истин по вопросу о красоте. Он описывает красоту аэроплана, которая «родилась не из желания сделать его красивым, а из его облегчающей полет конструкции, а его красота и на земле и на высотах бесспорна». Он заявляет: «Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе». Во всем этом много верного. Но об этом, только гораздо лучше и ярче, написал в книге «А все-таки она вертится» Илья Эренбург, ... познакомившийся с тем, как на Западе буржуазия душит элементы искусства, ей враждебного, поглядевший на новые грузоподъемники Копенгагенского порта, витрины магазинов, сравнивший

¹⁷ «В. И. Ленин о литературе и искусстве», изд. второе, М., 1960, стр. 577.

¹⁸ См. Л. Столович, Ленин и проблема художественной ценности. — «Вопросы литературы», 1969 г., № 10, стр. 25—26.

¹⁹ См. А. Луначарский, Ленин и литературоведение. — Собрание сочинений в восьми томах, т. 8, стр. 421.

их мощь и красоту с декадентским вырождающимся искусством...» И в заключении отмечается, что идеал красоты, намеченный Плетневым и Эренбургом соответствует «нашей эпохе перерастания грандиозными производительными силами капиталистического общества его оболочки...»²⁰

Следует отметить, что Я. Яковлев не вполне раскрыл мысль Ленина о необходимости конкретного подхода к новому искусству и его красоте. Одобрительно приводимая им фраза Плетнева: «Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе» подчеркнута Лениным, но не могла быть им одобрена, так как аналогичная мысль Плетнева: «Пролетарский художник будет одновременно и художником и рабочим» (подчеркнуто Лениным) охарактеризована В. И. Лениным словом: «Вздор».²¹ Известно также, что А. В. Луначарский, в целом высоко оценивший статью Я. Яковлева, в своей статье «Еще к вопросу о культуре», напечатанной 3 ноября 1922 г. в «Известиях ВЦИК», сделал в то же время ряд замечаний в адрес Я. Яковлева, в частности, упрекнув его за смешение культуры материальной и идеологической, технических форм и искусства непродуцированного.²² Притом, есть основания полагать, что Ленин согласился с этими поправками Луначарского к статье Яковлева.²³

Мы восстановили этот интересный эпизод из истории идейной жизни 20-х годов для того, чтобы выявить ленинское отношение к возможностям создания красоты в процессе творческой деятельности людей. О роли творчества в создании красоты даже в условиях безобразной общественной жизни В. И. Ленин говорил Горькому после прослушивания бетховенской «Апассионаты».²⁴

Творческий аспект художественного произведения важен также и в том отношении, что на его основе образуется специфический «язык» искусства и возможна его коммуникативная функция. Ведь отражение действительности художником, оценка им ее явлений могут стать всеобщим достоянием только тогда, когда они воплощаются в определенной системе художественных средств, закрепляются в «языке» искусства. Художественное произведение проникает в сознание читателя, зрителя, слушателя, воспринимается в своем идейно-эмоциональном значении, будучи системой знаков, обладая знаковым (семиотическим) аспектом.

²⁰ «Правда», 25 октября 1922 г., № 241.

²¹ «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 577.

²² См. А. В. Луначарский, Собрание сочинений в восьми томах, т. 7, стр. 291–292.

²³ См. там же, стр. 669.

²⁴ См. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 642.

Правомерно ли рассматривать художественное произведение в знаковом аспекте? Не противоречит ли это теории отражения? Ведь известно, как Ленин решительно возражал против так называемой теории «иероглифов», «по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображения их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п.»²⁵ Один из основоположников этой теории Гельмгольц, которого Ленин характеризовал как «крупнейшую величину в естествознании», но непоследовательного в философии, говорил в речи о «фактах в восприятии» следующее: «Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение, — постольку ощущение может считаться *знаком* (Zeichen) его, но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является».²⁶

Следует ли из этого, что Ленин отрицает роль знаков в познании и мышлении человека? Ни в коем случае! Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на то значение, которое Ленин придавал языку, являющемуся безусловно знаковой системой. Определяя области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика, Ленин наряду с другими научными дисциплинами особенно подчеркивал историю языка.²⁷ Критикуя теорию «иероглифов», Ленин отнюдь не выступает против знаков и символов как таковых. Речь шла о том, что первичный элемент человеческого познания — ощущение не есть символ, иероглиф, условный знак. Именно по отношению к ощущению ««Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма».²⁸ Но результаты человеческого познания необходимо должны оформляться в знаки, прежде всего в знаковые системы языка. Слово-знак дает возможность мышлению фиксировать общее в явлениях, закреплять познанное и делать его всеобщим достоянием. В «Философских тетрадах» мы читаем: «Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее».²⁹

Эти положения теории познания диалектического материализма помогают постигнуть и природу художественного познания. Последнее, как выше говорилось, есть безусловно отражение действительности, образ ее по своему содержанию. Однако это содержание существует и передается художником дру-

²⁵ В. И. Ленин, т. 18, стр. 244.

²⁶ Цит по «Материализму и эмпириокритицизму». см. там же, стр. 246—247.

²⁷ См. В. И. Ленин, т. 29, стр. 314.

²⁸ В. И. Ленин, т. 18, стр. 248.

²⁹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 246.

гим людям в знаковой форме. Притом, в одних случаях сами знаки могут быть изображениями явлений (в семиотике их принято называть «знаки-копии», iconic signs), как, например, в изобразительных искусствах. В других случаях, как в музыке, архитектуре, прикладном и промышленном искусствах и т. п. знаки не подобны тем жизненным явлениям, которые в своих чувствах, мыслях, стремлениях отражает композитор, архитектор, художник-прикладник, дизайнер и т. д.

Знаковый аспект искусства возникает благодаря творческой деятельности художника, создающего новую реальность, запечатлевающую познание и оценку им явлений действительности и имеющую определенное социальное значение. В воспоминаниях художника А. Магарам сохранились такие ленинские слова: «Техника, — сказал Ленин, — великое дело. Художник лишь тогда может создавать значительное произведение в искусстве, когда он приобретает виртуозность в технике, а это достигается внимательным и упорным трудом не только в живописи, но и в области всех искусств: литературы, музыки. . .»³⁰

Отражательно-информационный и творческий аспекты искусства составляют единство противоположностей, конкретизирующее единство противоположностей теории и практики. Безусловно, практическая деятельность человека, в том числе и в области искусства, основана на отражении, познании объективных законов мира: «Законы внешнего мира. . . суть основы *целесообразной* деятельности человека. Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность».³¹ Однако, «*целе* полагающая деятельность человека», как и природа, — форма «*объективного* процесса».³² В. И. Ленин развивает марксистское учение о практической деятельности человека, преодолевающее созерцательность метафизического материализма: «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей = (объективной истиной)».³³

Единство отражательно-информационного и творческого начал и образуют то, что можно назвать художественным моделированием действительности. Ведь, на самом деле, понятие модель обозначает созданное человеческой деятельностью явление, изоморфное познаваемому объекту и благодаря

³⁰ А. Магарам, Из воспоминаний о В. И. Ленине. — «Искусство», 1960, № 4, стр. 34.

³¹ В. И. Ленин, т. 29, стр. 169—170.

³² Там же, стр. 170.

³³ Там же, стр. 199.

этому помогающее исследовать данный объект. Художественное произведение также представляет собой созданную художником новую реальность, отражающую действительность и в определенном отношении «изоморфную» ей. Это и дает возможность при познании общественной жизни обращаться к искусству, отражающему и моделирующему процессы, происходящие в обществе. Обращение В. И. Ленина к образам искусства при изучении экономической, политической, идеологической жизни общества и основано на таком понимании сущности искусства. Разумеется, это не исключает (а скорее предполагает) обращение к искусству как к источнику эстетической радости, эстетического наслаждения. В письмах к родным В. И. Ленин не раз писал об эстетическом воздействии, оказываемом на него произведениями искусства. Но и это наслаждение обусловлено отражательно-творческой природой искусства.

Поступила в редакцию
18 декабря 1969 г.

**Авторы XIV тома «Трудов по философии»
Тартуского государственного университета**

- Макаров М. Г.** — зав. кафедрой философии ТГУ, профессор, доктор философских наук.
- Ребане Я. К.** — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Вальт Л. О.** — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Ури У. О.** — ст. преподаватель кафедры истории КПСС и философии ЭСХА.
- Блюм Р. Н.** — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Ярве П. Э.** — аспирант кафедры философии ТГУ.
- Горячева А. И.** — доцент кафедры философии ТГУ, кандидат философских наук.
- Столович Л. Н.** — профессор кафедры философии ТГУ, доктор философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Г. МАКАРОВ. В. И. Ленин об активности сознания	3
Я. К. РЕБАНЕ. В. И. Ленин о социально-исторической сущности познания	18
Л. О. ВАЛЬТ. Проблема адекватности модели в свете ленинской теории отражения	36
У. О. УРИ. О некоторых аспектах марксистско-ленинского понимания объективности законов природы и общества	48
Р. Н. БЛЮМ. Ленин и марксистская теория революции	60
П. Э. ЯРВЕ. Идеи В. И. Ленина и некоторые методологические вопросы психологии	81
А. И. ГОРЯЧЕВА. Вопросы психологии общественных классов в работах В. И. Ленина	97
Л. Н. СТОЛОВИЧ. Ленин о соотношении отражательной и творческой природы искусства	113

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ XIV

На русском языке
Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18
Ответственный редактор Л. Н. Столович
Корректор Н. Н. Чикалова

Сдано в набор 8/V 1970 г. Подписано к печати 2/VII 1970 г. Печ. листов 7,75 (условных 7,2). Учетно-изд. листов 8,5. Бумага фабрики «Кохила», типографская № 2 60×90 ¹/₁₆.
Тираж 500 экз. МВ 04182. Заказ № 793.

Типография им. Ханса Хейдеманна,
г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. 11

Цена 85 коп.

Цена 85 коп.

TU RAAMATUKOGU

1 0300 00289396 6